

ПИОНЕР

Март

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда» 1937 г.

3

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ:

При обнаружении экземпляров с производственным браком (перепутанные страницы, плохая печать и т. п.) возвращать их для обмена в издательство «Правда».

Адрес: Москва, 40, ул. «Правды», 24, комн. № 216.

П И О Н Е Р

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й Д Е Т С К И Й Ж У Р Н А Л
Ц Е Н Т Р А Л Ь Н О Г О К О М И Т Е Т А В Л К С М

№ 3

Март 1937

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Сердце матери

Охотничьи рассказы

Перевел с армянского А. Мартиросов

В. Ананян

Рис. В. Цельмера

Гнездо коршуна

Весной этого года я поехал в нашу деревню и к вечеру поднялся на холм, где на чернеющей нови выклевывали зерно дикие голуби.

После неудачной охоты возвращаюсь домой и с глубоким удовольствием вдыхаю благоуханье весенней зелени, аромат пробудившейся земли и слышу из кустов утихающий щебет птиц.

По большой дороге, подымая пыль, возвращается с пастбища скот. Перед стадом, задирая друг друга, играют и прыгают резвые бычки и сытые телки. За стадом, весело перебрасываясь словами, шагает группа юношей и человек средних лет.

Он волочит за собой сухие ветки, а у молодых ребят в руках букеты фиалок и на папах вместо звезды светляки. Я подхожу к ним и спрашиваю:

— Вы, я вижу, ребята, уже перестали разорять вороньи гнезда?

— Неужели ты? Добро пожаловать! Тысяча приветов!—сердечно говорит пожилой

человек и своей огрубелой рукой крепко жмет мою мягкую руку. Молодые ребята стоят молча; один из них рукавом вытирает нос, а другой — худой и бледный парень,—стесняясь, протягивает мне фиалку. Они меня не знают и, по всей вероятности, еле начинали ходить, когда я покинул деревню. А с Акопом мы год пасли скот. С каким нетерпением ждали мы приближения весны, чтобы таскать из гнезд вороньи яйца и катать их потом по зеленым склонам!

— Скажи, по правде, вспоминаешь детские годы?—спрашивает Акоп.

— Еще как. И жалею о них! Помнишь вороньи гнезда?

Молодые ребята смеются.

— Ну! Стоит ли жалеть о таких пустяках? У нас все думают о городе, а ты, вижу, все глядишь в горы.

— Ах, Акоп,—отвечаю я пословицей,—прелесть гор — одно, прелесть города — другое.

— Зачем же ты тогда жаловался с утра до вечера, что тебе осточертело это проклятое место? Ты ведь хотел бежать отсюда?—спрашивает Акоп и недоверчиво смотрит на меня. Он хочет проверить, искренно ли я люблю «каторжную» пастушескую жизнь или же говорю об этом только для того, чтобы утешить его.

— То было другое время, жизнь была иная. Когда я уехал отсюда и глянул издали, только тогда я понял, как хороши наши горы... Помнишь, как мы ловили коршунов?—меняю я тему разговора.

— Еще бы!—смеясь говорит он и, снимая шапку, подставляет мне свою голову.

— Посмотри, еще следы остались.

Я смотрю и в черных блестящих волосах вижу белый шрам—память о детстве.

Тогда этот волосатый мужественный человек был мальчишкой, краснощеким, босоножим и беспечным, ничего не понимающим в горестях жизни.

Там, где кончается лес и начинаются альпийские луга, на зеленом склоне, бродило наше стадо, а мы подымались на вершины вековых дубов—таскать голубые и пестрые вороньи яйца.

По всему лесу раздавался шорох крыльев и жалобное карканье птиц, но это никогда нас не останавливало.

Однажды на вершине высокого, только что покрывшегося листьями дуба, на сухих ветвях, мы увидели огромное гнездо и сразу же подумали, что это — не воронье гнездо.

— Акоп, — сказал я, — давай, залезай.

— Сам полезай, — возразил он, — туда сам чорт не доберется. Видишь, какие ветки: мои пальцы толще.

— Ты чудак: ведь это не иначе, как гнездо дикого гуся, там, должно быть, полно гусиных яиц. Сварим, окрасим и на Пасху обыграем всех ребят. Такое яйцо будет бить все яйца, — подзадоривал я.

Он заколебался.

— Разве гусиное яйцо такое крепкое?—простодушно спросил он.

— Да еще какое! Оно словно свинцом налито,—убежденно ответил я.

Он почесал голову, посмотрел на недоступную вершину дерева, плюнул на ладони и начал карабкаться.

— Зато из своей доли ты одно яйцо отдашь мне, — крикнул он с дерева.

— Ты принеси, там разберемся.

Акоп влез на вершину легко и быстро, как дикая кошка. Держа в одной руке папаху, он другой вытащил из гнезда белое яйцо.

— Да это не яйцо, а лоб боевого барана!—крикнул он, пробуя яйцо о зубы.—Против этих даже просмоленные яйца Михака Мосесьяна не выдержат...

Не успел он досказать, как наверху раздался шум и огромный белый коршун толкнул моего товарища своими крыльями.

— Ой, мать моя!—раздался крик Акопа. Птица снова взмыла и своим сильным клювом ударила его в шею, а когти вонзила в плечо.

Он закричал от боли, а я внизу закричал, чтобы испугать птицу, и стал швырять вверх камни, куски дерева и что попало под руку, птица улетела.

Акоп, крепко держась за ветки, кричал как детеныш обезьяны, завидевший барса, но папаху, полной яиц, из рук не выпускал.

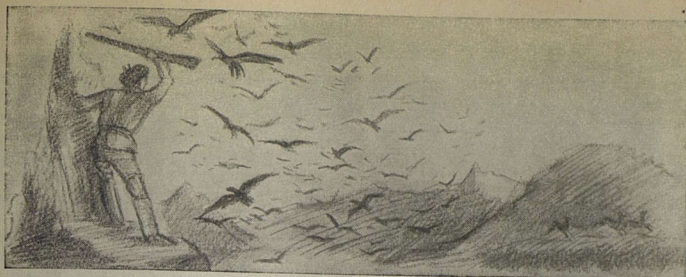
Видя это, птица, ради спасения своих будущих птенцов, пошла на смертный бой. Она поднялась до облаков и оттуда камнем упала на врага. За ударом последовал отчаянный вопль, белые яйца посыпались вниз, расшибаясь о ветви, а за ними, так же ударяясь о ветки, свалился вместе со своей огромной папахой мой товарищ Акоп. Он свалился, шваркнулся на мягкую землю, и все умолкло...

Я сбежал вниз, к воде, набрал полную шапку, задыхаясь, вернулся, sprыснул его посиневшее лицо и стал трясти его, плача и шепча в ужасе:

— Не бойся, Акоп джан, не бойся, я здесь.

— Ну стоит ли жалеть о таких пустяках, — сказал Акоп и, помолчав, добавил:

— По правде, говоря, порой и я жалею. Сейчас нет у меня охоты лазать на деревья и разрушать гнезда, неплохо я живу теперь, но детство имеет свою прелесть, свою прелесть...

Птицы-матери

Я стою на самой вершине высочайшей скалы и смотрю вниз, на поглощаемую сумерками зеленую долину.

Майский тихий вечер. Туман поднимается из ущелий к зеленым горам, умолкают дневные шумы, и на землю опускается прохладный покой.

Только что исчезли последние лучи с вершины седого Арарата, и я погрузился в море своих мыслей, тех мыслей и чувств, которые овладевают человеком в часы одиночества на недосягаемых высотах.

«Чив-чив»,—вдруг раздалось с противоположного утеса, и затем я услышал шум, напоминающий грохот приближающегося потока, воздух наполнился шорохом тысяч крыльев, и огромная стая черных птиц налетела на вершину утеса, на котором я стоял.

Свирепо раздвинув свои длинные и гибкие клювы, эти расшарившиеся птицы стрелой мчались на меня с неба, своими бесчисленными крыльями били по моему лицу, по плечам, задевали клювами ствол моего ружья и подымали такой шум, что я, растерявшись на миг, чуть не свалился в бездну.

На этом отдаленном утесе, повисшем над бездонным ущельем, в этот спокойный и таинственный вечерний час тревожный крик тысяч птиц испугал меня.

Выстрел подбадривает человека в часы одиночества и страха.

Я выстрелил в это сплошное черное облако. Ущелье загрохотало, серны выскочили из своих пещер и в страхе побежали по карнизам скал. Две птицы камнем упали в пропасть, остальные с раздраженными криками напали на меня, а некоторые с силой ударились о скалы и свалились вниз. Размахивая ружьем в воздухе и защищаясь, я инстинктивно нагнулся и посмотрел на западный склон скалы.

Там была пещера, и оттуда в тревоге влетало и вылетало множество птиц. Я всмотрелся внимательно. На стенах пещеры было много глиняных гнезд, оттуда выглядывали, высунув свои маленькие головы в пуху, и слабыми голосами щебетали птенцы.

Только теперь я догадался, что я был у ворот неизвестного мне «города птиц» и тысячи родителей готовы были пожертвовать жизнью ради спасения детей.

Я спустился в ущелье и оттуда посмотрел вверх: там, наверху, матери успокоились и под их крыльями, должно быть, уже дремали спасенные от всех бед птенцы.

Большое сердце в маленькой груди

Я выстрелил, и птицы зашумели в камышах. Утки стаями поднялись вверх, а черные водяные птицы быстро спрятались в гущине.

Когда дым пороха рассеялся, на краю прибрежного болота трепетали три птички.

Они были серого цвета, длинноногие, с тоненьким тельцем и необычайно длинным клювом. Одна из них была большая, величиной с голубя, другие две — поменьше и более светлые, очевидно, только что освободились от пуха.

Одна из трех осталась невредимой: она была только контужена.

Как только я ее взял в руки, она пришла в себя, посмотрела мутными и тревожными глазами и жалобно крикнула. Как бы

в ответ на этот крик птенца в воздухе послышался шорох, что-то ударилось о мое плечо, упало, затем, трепеща, бросилось вперед, жалобно крича, и стало на камне, против меня. Это была птица с длинными ногами и клювом, — по всей вероятности, мать упавших около меня птенцов.

Оставшийся в живых птенец вытянул шею и повторил свой жалобный крик. Мать откликнулась таким отчаянным криком, что я, жестокосердый охотник, окаменел на месте.

Трудно словами передать, каковы были эти птичьи голоса, но чувствовалось, что

это была тяжелая скорбь, что это была смертная песнь матери над трупами детей.

Я пришел в себя от шороха сухого валежника, обернулся и увидел крестьянина, медленными шагами приближающегося ко мне. На граблях, которые он нес на плече, было выбито несколько зубьев.

Он остановился, прислушался к плачу птицы и, улыбаясь, сказал мне:

— Братец-горожанин, ты, должно быть, убил птенца?

— Откуда ты знаешь?—спросил я удивленно.

— По голосу узнаю. Не слышишь: поет ба я т и ¹.

Он сел на стерню, скрутил из грубой бумаги папироску и медленно продолжал:

— Подохнет, непременно подохнет: она непохожа на иных матерей, которые оставляют птенцов и выходят замуж; у нее другое сердце... Настоящее материнское сердце.

Мой собеседник рассказал интересные вещи о «сердце» этой птицы.

В прошлом году вместе с ним на это же самое место пришла его кошка. Спрятавшись за камни, она напала на неосторожно вышедшего из камышей птенца. Мать птенцов с воздуха стрелой упала на кошку, отец стал клевать ее в голову. Он лишился одного крыла, но вместе, общими усилиями, им удалось опрокинуть кошку и сбросить ее в воду. Кошка, которая не умеет плавать, по-

¹ Баяти — печальная песня.

шла на дно, а раненый птенец расправил свои крылья на воде.

— Нужно было видеть, как осторожно эти птицы увели в камыши своего раненого птенца, словно ереванская городская «скорая помощь», — рассказывал мой собеседник.

— Однажды, — продолжал он, — сын нашего соседа зашел в камыши и поймал там птенца. Тогда птица-мать запела такую песню, такую песню, что мы все, козцы, заплакали. И на следующий день пришли мы косить и снова слышали ту же скорбную песню. Как пела эта проклятая птица! Всех нас она опалила. У кого были умершие дети, вспомнили детей, заплакали; у кого были дети в живых — и те встревожились: а вдруг с их детьми что-нибудь случится!

Пока крестьянин медленно рассказывал и курил, несчастная мать продолжала свою печальную мелодию.

— А потом? — спросил я.

— Потом два дня и две ночи она пела и на закате бросилась в озеро и там умерла на волнах. Вот, горожанин, не думай, что она такая маленькая: у нее большое, очень большое сердце. Она от этого горя непременно подойдет...

Я быстрыми шагами пошел по песчаным берегам озера.

... В сумерки я, возвращаясь, снова прошел мимо этого места. Меня интересовала участь несчастной матери. Солнце уже заходило, его последние лучи окрасили золотом голубые воды горного озера.

Птицы с шумом размещались в прибрежных камышах, голоса постепенно затихали, озеро успокаивалось и погружалось в свою спокойную дрему.

Только одна мать убитого птенца своей жалобной мелодией нарушала окрестный покой.

Одинокая в этом пустынном месте, в таинственном шуме озера, в шорохе камышей, мелодия несчастной матери глубоко потрясала меня.

Я быстро подошел к знакомому камню, достал из сумки живого птенца, положил рядом с матерью и быстро отошел.

Потом я остановился и оглянулся: замолкла преследующая меня песнь; озеро и камыши погрузились в вечерний покой.

Я с облегченным сердцем зашагал по песчаному берегу.

Париж. Площадь Оперы.

Путешествие во Францию

И. Бабель

Писатель Исаак Эммануилович Бабель не так давно вернулся из Франции. Мы попросили его рассказать о том, какова эта страна. Он рассказал ребятам свои впечатления.

„Город-светоч“

С детства слышал я о великом городе. Французы называют его «город-светоч» (ville-lumière), на Западе он всеми признанная столица мира...

И вот наш поезд в'ехал на Северный вокзал Парижа. Вышли мы на перрон и испытали что-то вроде разочарования: грязновато, шумновато, видимого порядка нет...

Где висят таблицы «Не ходить», — ходят; где написано «Не курить», — курят. Кто-то поет, кто-то хохочет. Шумно целуется группа молодежи, свист и песни...

Вышли мы с вокзала. Трехэтажные и четырехэтажные, закопченные, сумрачные дома, порядочно мусора на тротуарах. День нашего приезда был удушливо жаркий. Над раскаленными камнями города висело жел-

тое солнце. На тротуарах, в кафе, без пиджаков, в одних жилетах, сидят, шумно и непринужденно ведут себя толстоватые люди, напомнившие мне моих земляков-одесситов,—такой же невидный, быстрый, уверенный в себе народ.

Итак, мы встретили не то, что ждали: никакой торжественности, натянутости и парадной пышности; ни особого блеска, ни громадных зданий. Старинный, плохо расположенный город; рядом с просторными блестящими бульварами — узкие улочки, тупики, беспорядочное и громовое движение.

Но вот вы пожили в Париже некоторое время, присмотрелись к чему-то неясному еще для вас самих, но важному, и новое чувство медленно, непреодолимо начинает проникать в вас, и все более становятся вам понятны художники разных стран, приехавшие в Париж на неделю или на месяц

и оставшиеся на всю жизнь в этом городе, созданным как произведение искусства.

Городу—тысяча лет. В нем живут люди всех наций, и уклад жизни всех наций—мир в миниатюре. Он обладает разнообразием, невозможным в другом месте. Нет языка, которого вы не услышали бы в Париже, нет человеческого чувства, которое не было бы выражено на одном из бесчисленных и чужих языков. Нет вина, которое бы нельзя было там выпить. И не даром один француз со страстью убеждал меня в том, что лучший украинский борщ изготавливается не в Полтаве, а в Париже, на одной из улочек, прилегающих к Елисейским полям. Елисейские поля—так странно для нашего уха называется улица, которую французы считают самой прекрасной улицей мира. Она тянется от площади Согласия до древнего и вечно юного Булонского леса, прерываемая в победоносном просторном своем беге хрустальными фонтанами, зелеными скверами, уложенная мраморными плитами, на которых сияет и переливается вода во время дождя.

Так постепенно отделяетесь вы от первого впечатления, для того чтобы дать место другим. На бульварах мало детей... зато множество стариков и старушек, вяжущих, читающих газеты, наблюдающих за детьми. Эти люди могут долго говорить о кушаньях, о том, какая в прошлый четверг была погода,—и, должен сознаться, они в конце концов отучили меня от пренебрежительного отношения к тому, что мы называем «разговорами о погоде». Я понял, что для горожанина—это хоть слабое, но все же приближение к природе.

На улицах мы видели народ, насмешливый и беспокойный. Стоит появиться уличному певцу, как вокруг него собираются люди, расхватывают листки с песнями, которые он исполняет, и тут же подпевают ему. Стоит кондукторше в трамвае сделать кому-нибудь замечание, как поднимается веселый скандал на полчаса. Все это может создать впечатление существования поверхностного. Вначале думаешь: неужели легкий и неуважительный этот народ создал искусство, недостижимое по красоте, простоте и легкости изложения? Неужели народ этот дал Бальзака и Гюго, Вольтера, Робеспьера?.. Нужен срок, чтобы почувствовать, в чем прелесть и тайна этого города, его народа, его прекрасной страны, разделанной с тщательностью, любовью и вкусом.

В Париже есть книжные издательства,

насчитывающие столетия существования, и часто в книжной лавке сидит праправнук по прямой линии того человека, который основал эту лавку лет триста назад, т. е. в то время, когда у нас на окраины Москвы заходили волки и медведи. Накопление богатств, знаний, технического умения началось на столетия раньше чем у нас. Культура Франции не в показном блеске: нужны внимание и серьезность, чтобы проникнуть в ее глубину.

Если говорить о том, что называется национальным характером, то французы в массе своей — народ философичный, народ ясной, точной, изящной мысли, скрывающий часто под шуткой глубокое содержание. Народ, несмотря на свою репутацию, замкнутый, не раскрывающий по пустякам своего сердца. Беда в том, однако, что власть капиталистов, политическое устройство капиталистического государства искажают прекрасное лицо этой страны, поражают ее жизненные центры.

Школа во Франции

По нашим, советским представлениям, она поставлена плохо. В этом деле Франция—одна из отсталых стран Европы, со старым, схоластическим обучением, с зарубежкой как основной преподавания.

Дети проводят в школе часов по 10 в день. Учить начинают с 6 лет. Задают много и требуют много. Физкультура только начинает прививаться. Французский школьник—существо хилое и озабоченное. Наши ребята выгодно от них отличаются силой, простым и здоровым весельем. Старинные колледжи французских детей походят на казематы, на крепости—это угрюмые, казенные здания. Здания эти, самый распорядок школьной жизни подавляют воображение и запугивают его. Зубрежка латыни и греческого начинается чуть ли не со второго класса. К концу обучения французские школьники знают древние языки и классических авторов, но это дается непосильным напряжением физических сил. И сами французы признают, что больше половины того, что приходится в школах, настолько неприменимо к жизни, настолько ложно и схоластично, что они сожалеют о потерянном времени и потраченных силах.

Лучше поставлено преподавание в школах, принадлежащих ордену иезуитов—одному из самых способных, настоячивых и образованных отрядов католической церкви. Яд религиозного воспитания вво-

В Париже много тупичков, узких улочек, старых сумрачных домишек. На снимке: один из уголков старого Парижа.

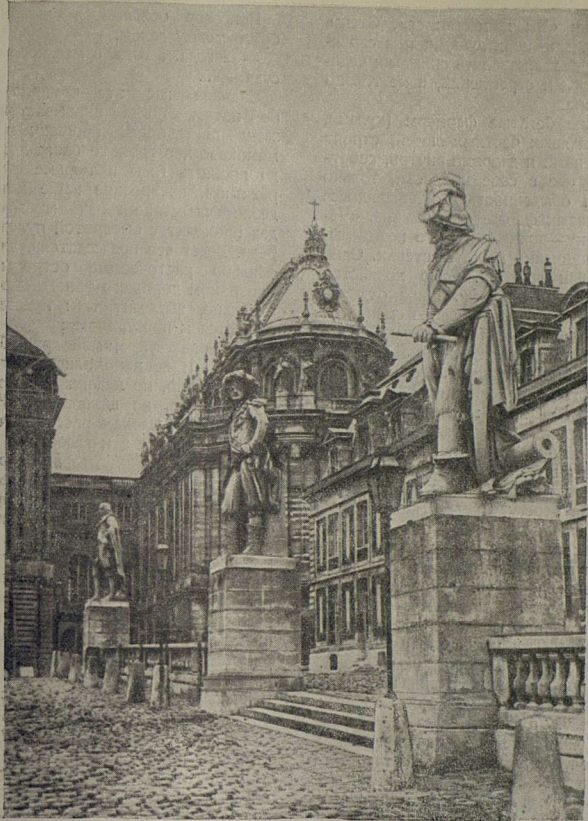
дится в сознание ребенка так тонко и незаметно, методами столь гибкими и совершенными, что опасность эту нельзя недооценить. У иезуитов — лучшие преподаватели, богатое оборудование, горячие завтраки, умелое внешкольное воспитание, внешнее благообразие и мягкость. Многие трудовые люди попадают на эту удочку и обрабатываются в духе, выгодном иезуитам.

Другой дух веет в высшей школе. И хотя Сорбонна — комплекс парижских универси-

тетов — здание серое, тяжелое, холодное, но в нем кипит веселая, разноязычная, бурная толпа.

Любой человек может придти в Сорбонну, записаться на любой курс, заплатить за этот курс несколько десятков франков и прослушать его. Скажем, вы изучили археологию или географию. Можете придти к знаменитому профессору и сказать:

— Профессор, я желаю у вас экзаменоваться по географии за весь курс.

Версаль — знаменитое предместье Парижа — старинное местопребывание французских королей и дворянской знати. В 1871 году сюда от гнева восставшего народа бежали из Парижа реакционеры и палач Тьер отсюда руководил расправой с Парижской коммуной.

На фотографии: Версальский дворец.

Он обязан вас проэкзаменовать и выдать вам аттестат. Для этого вы не должны даже быть записаны на лекции.

Не знаю, хорошая ли эта система, во всяком случае, она небюрократична.

Города и деревни

Я ехал по удивительному французскому шоссе, в руках у меня была карта; счет

оставленных позади километров неопровержимо говорил за то, что я должен ехать в деревню.

Но вместо нее по обе стороны дороги выстроились глухие, безглазые стены, без окон и дверей. Я проехал это угрюмое собрание складов, или цейхгаузов, и спросил у первого попавшегося мне прохожего, где же деревня.

Он ответил: «Вы проехали ее». Стены, показавшиеся мне цейхаузами, или сараями, на самом деле оказались складами человеческих сердец и стремлений, а не только плугов и зерна.

Французские богатые фермеры (кулаки, в переводе на язык честных людей) строят свои дома окнами и дворами внутрь, сооружают замкнутые в себе крепости, только размерами и обыденностью отличающиеся от средневековых феодальных замков. «Человек человеку—волк»—что это невидимыми буквами написано на этих стенах. Один двор враждебен другому. Одно хозяйство противопоставлено другому. Душа отдыхает, когда это сумрачное видение сменяется панорамой городка — они встречаются часто, — спрятанного в зелени, обведенного цветами, покойного, готического и романтического. Многие во Франции устарело, но многое выстроено вновь: земля украшена и расчищена руками работавших на ней многих поколений. Труд помог благословенный климат юга.

Незабываемы для меня дни, проведенные в Марселе, на берегу Средиземного моря, «под небом, вечно голубым», под щедрым, сверкающим солнцем. Свежий морской ветер колышет ветви пальм, олив, лимонных и апельсиновых деревьев. Веселые южные улыбки берут начало у моря. И в этом же Марселе есть старая часть города, где нет доступа солнцу. Там узкие улицы, средневековые шести- и восьмизатжные дома. Солнце не проникает в теснины средневековых громад, близко поставленных друг к другу, в извилистые и сырые коридоры улиц, где не раз'едутся две повозки, в одуряющее зловоние отверженных кварталов. Наверху между домами висит бельё; внизу, на очагах, на угольных плитках, на улице и в коридорах, готовят еду, распространяющую едкие, пряные запахи. Здесь живут мавры, арабы, негры — беднота, подавленная рабочая сила марсельского порта. Всего только в пятистах метрах сверкает изумрудное море, вода отражает белые стремительные корпуса яхт, вверх поднимаются кварталы вилл и дворцов, улицы простреливают сильные, неудержимые тела дорогих автомобилей... Товарищи, это называется капитализмом...

Правосудие и парламент

Камера уголовного суда. Сидит судья, а вокруг него такой визг, шум, такая суета, что никак вы не можете разобрать, где подсудимый, где защитник, где стороны.

Приговор объявляется мимоходом, как будто между делом.

— 2 года. 3 года. 6 месяцев. Уходи, подсудимый...

Сначала вас эта ярмарка забавляет, но потом, когда оказывается, что по этим приговорам, брошенным вскользь, мимоходом, в грехоте базарной суеты, надо прожить годы в тюрьме с каторжным режимом, настроение ваше меняется. Судебное следствие ввиду многочисленности дел проходит с быстротой пулеметной очереди. Ведет его председатель, для которого обильно расточаемые остроты являются признаком хорошего тона. Допрос, приблизительно, выглядит так: председатель обращается к подсудимому:

— Здравствуйте, мой друг. Ну вот мы, наконец, и познакомились. Попали вы ко мне, конечно, по недоразумению, ни в чем вы, конечно, не виноваты?.. Но все же, может быть, вы нам расскажете, как проделывали вы все эти гадости?..

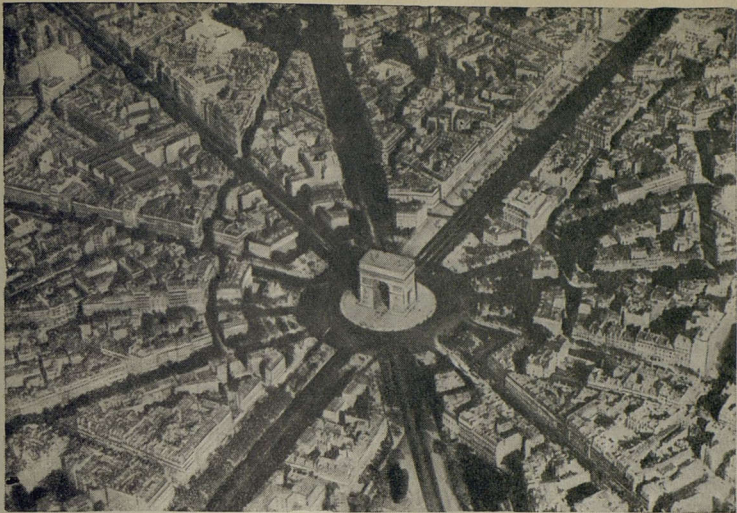
Вторая по важности фигура во французском суде — адвокат. Как бы незначительно ни было дело, адвокат считает своим долгом многословие, пафос, широкие жесты, изыскания во тьме времен. Его слушают как актера в театре. И судят о нем как об актере. Впрочем, председателю это представление не мешает заниматься своим делом, переговариваться с сотрудниками, писать. Это не мешает ему по окончании речи качнуться направо и налево к двум другим судьям, древним старцам, мало чем отличающимся от египетских мумий, и небрежно произнести:

— Три года. Идите, мой друг. Уберите его, жандармы.

Немногом больше порядка во французском парламенте. Красивый, полукруглый зал, обыкновенно на три четверти пустой. Депутаты, не слушая оратора, громко разговаривают друг с другом, пишут письма, читают. Оратор говорит не для них, а для стенограммы. Оживление бывает во время речи знаменитого оратора или по скандальному какому-нибудь поводу, в чем недостатка никогда нет.

Народный фронт

Последние выборы усилили роль и значение коммунистической фракции в парламенте. Коммунисты во Франции были творцами народного фронта против фашизма. Они объединили для совместного действия в единый народный фронт партии коммунистов, социалистов и радикалов.

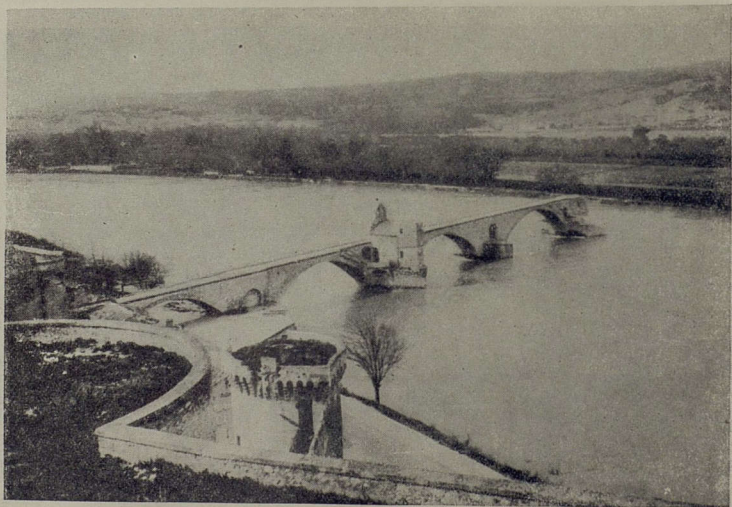
Так выглядит Париж с самолета. В середине — площадь Звезды с триумфальной аркой. Сквозь арку проходит прямая широкая улица. Это Елисейские поля.

Вот уличная жизнь Парижа. Улица у рынка.

Гавань в Марселе.

Окрестности города Авиньона. На снимке: Авиньонский мост, построенный в XII столетии на фундаменте старого моста, возведенного еще римлянами.

Сейчас во Франции правительство, опирающееся на народный фронт. В правительство входят социалисты и радикалы. Коммунисты поддерживают его во имя борьбы с отвратительной угрозой, нависшей над миром,— во имя борьбы с фашизмом. Коммунисты стоят во главе народной борьбы за мир, за счастливую, свободную Францию.

Никогда не забуду я 14 июля 1935 года, день взятия Бастилии, проведенный мною в Париже. На площади Бастилии была тюрьма, которую восставший народ разрушил 14 июля 1789 года и начал этим революцию, свергнувшую короля, опрокинувшую феодальный порядок и открывшую новую эпоху в истории человечества. Этот день празднуется: народ Парижа выходит на улицу, пляшет день и ночь, веселится как мудрец и как ребенок. И вот старая площадь, видевшая многое, 14 июля 1935 года увидела миллионы пролетариев, давших клятву единства и борьбы.

Впереди демонстрации шли вожди народного фронта. Тротуары, окна, карнизы были заполнены сотысячной толпой. Французская толпа — веселая толпа. Она смеется, балагурит, трещат хлопушки, фальшиво, но весело гремят песни. Вот показались вожди народного фронта, за ними шли центральные комитеты трех партий и затем, отдельно, деятели народного фронта: писатели, ученые, художники.

По тому, какими аплодисментами, какими криками встречали вождей этих трех партий, мы увидели, на чьей стороне любовь народа. Самые горячие приветствия, самые шумные аплодисменты трудовой народ Парижа посылал ЦК коммунистической партии.

Это была рабочая демонстрация, шестые людей с мозолистыми руками, во фригийских колпаках. В это время другая демонстрация, другие люди, с другими целями, шли по Елисейским полям. Мы с товарищами взяли такси и поехали с площади Бастилии на Елисейские поля. Все, что лежало между ними, казалось, вымерло... На бульварах, на площадях и набережных не было детей, стариков и старушек, только в скверах стояли отряды солдат и ружья в козлах.

Другой мир и другую душу увидели мы на Елисейских полях. Здесь, как и на площади Бастилии, были французы. Но на площади Бастилии кричали: «Да здравствует Советская Россия!», а с Елисейских полей неся иступленный крик: «На виселицу советы! Долой Советскую Россию!»

На площади Бастилии шла веселая трудовая толпа, а здесь, по Елисейским полям, шли фашисты в черных рубашках, в черных шапочках, и по-солдатски отбивали шаг.

Власть денег

Рабочие поддерживают правительство, которое сейчас во Франции, потому что оно борется за мир, против фашизма, укрепляет отношения с Советским союзом. Но все же Франция — буржуазная страна, и главная власть в ней — власть денег. Правительство не может отменить эту власть: оно только пытается ограничить безраздельную власть над страной крупных банкиров и денежных тузов. Этого требуют не только рабочие и фермеры, но и большая часть интеллигенции и часть мелкой буржуазии, которых душат банкиры и фабриканты.

В правлении Французского банка, в главной денежной организации страны, был совет двенадцати директоров. Эти двенадцать человек и были основными финансовыми хозяевами Франции.

Правительство распустило совет двенадцати, назначило нового управляющего государственным банком и выбило этим из рук банкиров и спекулянтов могучее орудие.

Все мы читали откровенные и удивительные истории о подкупе прессы в буржуазных странах. Но только приехали туда, на месте, столкнулись мы с этим ежедневным злодеянием и только удивились тому, как просто это делается.

Где-нибудь в Марокко или Алжире нашел кто-то залежи свинца или цинка. Нашли их ровно два с половиной пуда, то есть никакого промышленного значения эти «залежи» не имеют. Но спекулянты такого случая не пропустят. Сейчас же образуется акционерное торговое предприятие с капиталом, скажем, в миллион франков с целью эксплуатировать новые рудники. Для того чтобы собрать этот миллион франков, выпускается сто тысяч бумажек — акций, которые надо продать. А дело-то все дутое, никакого цинка нет и в помине, акции продать трудно. Тогда зовут журналиста и говорят:

— Вот тебе десять тысяч франков, напиши, что ты там был и все видел...

И через три дня в газете появляется статья:

«Богатейшие залежи свинца, цинка, меди... Чудная природа. Кто хочет разбогатеть, должен купить эти акции».

Одна статья, вторая, третья — и все от собственного корреспондента, снимки, фотографии. Купившему облигации на 100 франков обещают, что он заработает на них 200 франков в будущем году. И публика несет последние гроши...

Все это произошло благодаря широкой и лживой рекламе. В стране есть такие люди, которые называются рантье. Часто это старик со старухой, которые, скопив небольшой капитал, сидят на солнышке, делать ничего не делают, не работают, а все думают, как бы, не работая, нажиться. Одна газета советует: вкладывайте деньги в цинковые залежи. Другая кричит: в медные рудники!.. Наконец, они выбрали... Они верят, что за свои 10 тысяч франков в будущем году получат 20 тысяч. А в действительности не только этих 20 тысяч, но даже своих десяти они уже больше никогда не увидят. Мы говорим о старике со старухой, не в них одних, конечно, дело. Находится довольно людей, воспитанных так, что мысль о том, чтобы нажиться за счет других, не только не кажется им преступной, а является заветной и любимейшей их мечтой.

Так во всем.

Везде ложь, покупаемая и продаваемая. В театре так же, как и везде. Есть у меня деньги — значит могу я приехать в Париж, об'явить, что приехал знаменитый певец, позвать к себе журналистов. Они напишут 50 статей о том, какой у меня голос, как я пою, что в Москве меня на руках носили, и публика, конечно, придет. Несомненно здесь одно: чем хуже у меня голос, тем больше денег должен я заплатить за рекламу.

И гниль эта раз'едает страну, изумительную по разнообразию и богатству, страну великих ученых, поэтов и живописцев.

„Красный пояс“

Париж опоясан небольшими городками. Они считаются его предместьями. В них расположены большинство фабрик и заводов столицы, крупнейшие ее предприятия и учреждения. Голоса этой трудовой массы отданы коммунистам. В большинстве окрестных городков коммунистические муниципалитеты (самоуправления). Пояс, стянувшийся вокруг Парижа, — красный пояс.

Однажды советская делегация (мы приехали на конгресс защиты культуры) отправилась в Вильжюиф, в одно из красных предместий столицы. Мэр Вильжюифа —

Вайан Кутюрье — член ЦК французской коммунистической партии, писатель и журналист, редактор газеты «Юманите».

Переход от города — сложного, противоречивого и страшного аппарата буржуазного государства — в Вильжюиф — ячейку грядущего — был разителен.

Географически границы, где кончается Париж и начинаются пригороды, нет: нескончаемый город тянется на десятки километров, только кварталы становятся беднее по мере удаления от центра и все чаще попадают рабочие блузы, пока они не становятся преобладающим родом одежды.

Мы приехали в Вильжюиф и отправились в мэрию. На лестнице я остановился, и сердце забилось сильнее: прямо на меня смотрели портреты Ленина и Сталина. В канцелярии все говорят друг другу «товарищ», и везде стоит такое содружество, простота и искренность, что мы сразу почувствовали себя на родине и поняли сердцем, а не только умом, что родина коммунистической идеи велика и безгранична, как мир.

В мэрии мы просидели несколько часов на приеме у Вайана Кутюрье. К нему, к коммунистическому мэру, ходят с самыми необыкновенными делами. Ходят рабочие, бывают и буржуа, и спекулянты, и военные.

Больше всего было безработных. Один из них пожаловался Вайану:

— Этот верблюд — мой хозяин — уволил меня и теперь отказывается дать записку в кассу для безработных. Помогите мне, пожалуйста, Вайан.

И Вайан помогает. Тут же он пишет «верблюду»:

«Уважаемый господин... такой-то... предлагаю Вам учинить полный расчет с таким-то. В противном случае...»

Есть полная надежда, что «верблюд» «противного случая» дожидаться не будет. Рабочий берет записку и благодарит.

Через полчаса прибегает расстроенный, взбодороженный хозяин:

— Мосье Вайан, клянусь вам, в душе я тоже коммунист, но ста франков, клянусь вам, я ему не должен. Вы меня разоряете, вы неправильно насчитываете. Рабочим живется лучше чем мне, я разорен. У меня не хватает денег на то, чтобы выплачивать проценты...

Тогда Вайан похлопывает его по плечу:

— Ничего, мой друг, терпеть осталось недолго... Когда у нас будет коммунизм, вам не придется платить проценты, а государству — пособий по безработице...

Митинг народного фронта на парижском велодроме. У демонстрантов новый флаг — красное знамя с серпом и молотом, на котором сверху, в левом углу, вышит трехцветный национальный флаг.

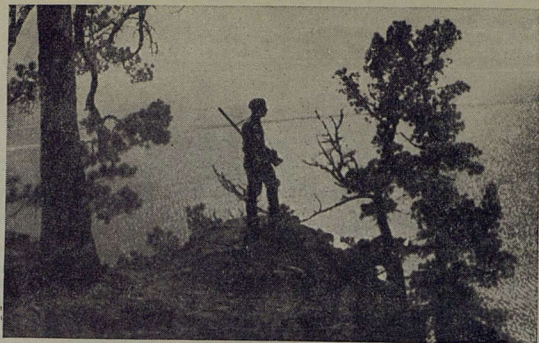
Хозяин цепенеет и уходит в задумчивости.

В Вильжюифе коммунистическим муниципалитетом выстроена лучшая школа во Франции. Необыкновенно привлекательная, радостная и виртуозная по архитектуре. Стенная роспись, выполненная художником Люрса, полные света и гармонии классы, цветники, залы для физкультуры и кино. Для французов, привыкших к мрачным, средневековым колледжам, коммунистическая школа была восьмым чудом света.

Перед прелестью и простотой этого сооружения, новых методов преподавания в новой школе, должны были сдать даже официальные власти. Министр народного просвещения выразил желание приехать на открытие школы. Ему дали понять, что приезд его не прибавит веселья... Он понял и не явился.

Красный пояс окружает Париж, и недалек час, когда красные предместья—к счастью всего передового человечества — сольются с красным Парижем.

□ □ □

Б а й к а л

За снежными далекими хребтами,
У древних обомшелых скал,
Седыми и косматыми валами
Волнуется и сердится Байкал.
Суровый баргузин валы погонит к скалам
И в пену разобьет их о гранит;
Над поседевшюю равниною Байкала
Лишь чайка одиноко пролетит.
Ей вслед замашут кедры на прощанье
Верхушками с кремнистого гольца,
Переживая горечь расставанья
Тонкоигольной зеленью лица...

В таинственной зеленоватой глуби
Блеснет боками стая омулей.
Старик-рыбак на радостях закурит
И сети спустит в воду поскорей.
Старик...

Вся жизнь его прошла по воле ветра,
И седина бела, как гребни волн,
И тело загрубело, как у кедра.
Обветренный и закаленный ствол!
А за плечами прожитого горы...
Хрипит в зубах прокуренный чубук,
Но вырастает радостной опорой
Веселый сероглазый внук.
Закат осенний быстро догорает,
Уходит солнце за вершины гор,
В бескрайнем небе звезды замерцают,
И затрещит на берегу костер...
Бурлит на пламени рыбацкий ужин,
И к небу вьется тонкой струйкой дым.
Ночные бабочки над нами кружат.
Байкал спокоен, тих и недвижим...

*Александр Гайдай,
ученик 9-го класса*

Иркутск

Имтехай у собачьих людей

Рассказ Теки Одулок

Рисунки В. Курдова

В пути

Большая четырехкопильная нарта¹ до краев нагружена тяжелой кладью. Спереди привязана постель: медвежья шкура, собачье одеяло и мешок, набитый утиным пухом, — подушка. Рядом лежат две кожаные сумы: одна с собачьим кормом и дорожной посудой, а другая с мясом, оленьими грудинками, языками, камусом² и песцовыми шкурами. Сзади навалена тяжелая туша жирного оленя. Поверх груза сидят двое: казачий урядник Копандин и маленький чукча, сын Имтеургина—Имтехай.

Мать у Имтехая загрызли волки, отца взял к себе в пастухи богат Эрмечин, Имтехая отдала батрачком к Копандину.

Копандин одет в пальто из черных собачьих шкур. На голове у него белеет пес-

цовая шапка, а на ногах лоснятся обутки, сшитые из темных оленьих камусов. Он подскакивает на нарте и, размахивая прикол³, кричит:

— Пестряк нах! Соболька кух! Поть-поть!

«С собаками разговаривает, должно быть, еще и собачий язык знает, — думает Имтехай. — Из наших никто не умеет говорить с собаками».

Двенадцать собак, запряженных в нарту попарно, еще сильнее налегают на алыки⁴. Нарта так и скользит вперед, подпрыгивая на снежных сугробах.

¹ Прикол — березовая палка с железным наконечником; служит для того, чтобы останавливать нарту или тормозить во время спуска с горы и на поворотах.

² Алык — собачья ляпка.

¹ Нарта — узкие длинные сани, сделанные специально для езды на собаках.

² Камус — шкурки с оленьих ног.

Нарта скользит вперед, подпрыгивая на сугробах.

— Вот как наши ездят! — говорит Копандин, — это не то, что ваши рогатые растопырки-олени.

Маленький Имтехай, одетый в потертую оленью рубаху, кивает головой и смотрит на своего хозяина: черная одежда плотно обтянула плечи и спину этого человека, будто густая шерсть выросла у него на теле.

«Совсем как собака, очень похож», — думает Имтехай.

Собаки бежали недолго: они устали. Короткие лапы стали мелькать все реже и реже.

Имтехай посмотрел на вытянутые головы собак и на вывалившиеся изо рта кроваво-красные языки и сказал:

— Ноги совсем близко ставят. Худо!

— Что ты бормочешь? — спросил почукотский Копандин. — Собаки сильные, все на подбор. Что им эта нарта? Они все ваше стойбище с потрохами потащут.

И, привстав одной ногой на полоз, замахнулся приколлом.

— Поть! Поть! — крикнул он и со всей силы стукнул по передку нарты.

Собаки дернулись было, но опять замедлили ход.

— Тяжело им, я лучше пешком пойду, — сказал Имтехай и, не дожидаясь ответа, соскочил с нарты. Он побежал по следам полозьев, проваливаясь в снег, падая и снова поднимаясь.

Вдруг над головами раздался свист и хлопанье крыльев. Это пролетела стая белых куропаток. Собаки взвыли и, подняв морды кверху, понеслись. Нарта помчалась вперед, за куропатками, поднимая тучу снежной пыли.

Имтехай остановился, посмотрел вслед и, повернувшись, побежал назад.

«Я в тундру пойду!» — подумал он.

Но сзади раздался крик:

— Стой, варнак, вернись!

Имтехай даже не оглянулся и еще быстрее поспешил по снегу.

— Варнак! — опять раздался крик. — Вернись!

Это кричал Копандин. Он остановил упряжку и побежал за Имтехаем.

— Стой! — все кричал он. — Стой!

За маленьким человеком в потертой оленьей рубахе гнался большой человек в собачьей одежде. Маленький оглядывался и скакал как олень, высоко подпрыгивая вверх. А большой бежал за ним как хромой бык, тяжело перебрасывая ноги. Вдруг большой споткнулся о снежную застругу и грохнулся на снег. И пока он вставал, пока нагибался за откатившейся в сторону шапкой, Имтехай опять был далеко.

Тогда Копандин побежал обратно к нарте. Он повернул упряжку и, размахивая приколлом, стал погонять собак.

Напуганные собаки бросились по своим следам и скоро догнали Имтехая.

— Я убью тебя! — закричал Копандин, соскочил с нарты, ударил Имтехая палкой по голове.

Имтехай как бежал, так и свалился на снег.

— Получил посылку? — сказал Копандин. — Смотри, я теперь хозяин. Захочу — бить буду, захочу — повешу.

Он бросил Имтехая на нарту, крикнул на собак и снова поехал своей дорогой.

Имтехай лежал поперек нарты. Ноги и руки его волочились по снегу, оставляя за

собой глубокие борозды. Долго он лежал так, царапая снег. А когда открыл глаза, то увидел, что нарта едет по новым местам. Он не бывал здесь ни разу. Какие-то бугры тянутся по обеим сторонам. Впереди чернеет лес, а далеко позади белеет тундра. Широкая и ровная, она блестит на солнце, как большое озеро, засыпанное снегом.

— Наши люди там остались, — сказал Имтехай и громко заплакал. Слезы замерзали и ледяными шариками скатывались на дорогу.

Скоро день кончился. Копандин затормозил нарту приколе и закричал:

— Стой! Стой!

Собаки только и ждали этого: они упали на снег и стали слизывать с пяток примерзшие льдинки.

Люди разгребли сугроб и, натаскав сухого хворосту, зажгли костер. Над огнем повесили чайник, доверху наполненный снегом.

— Теперь ты нарту в снег зарой, — сказал Копандин, — да поглубже. А то полозья ветром надует.

Имтехай оттащил нарту в сторону и втоптал полозья в снег.

Скоро вскипел чайник. Копандин снял его с огня и, наливая в чашку кипятком, стал пить, закусывая мороженой рыбой.

Имтехай отошел от него подальше и сел к нему спиной.

— Ты зря не сиди, — сказал Копандин, — вытаски из второй сумы еду и накорми собак.

Имтехай развязал кожаную сумку и вытаскил сухие рыбы головы и гнилую икру, положил их в полу рубахи и пошел к собакам. Проголодавшиеся за день собаки рванулись всей упряжкой к Имтехаю и, опрокинув его на снег, стали вырывать еду. Только и слышал Имтехай, как лязгали над самым его ухом собачьи клыки и как рычали озверевшие собаки, вырывая друг у друга рыбы кости.

«Только бы в лицо не укусили», — думал Имтехай и поглубже, с головою, зарывался в снег.

Собаки быстро проглотили весь корм и, обнюхивая снег, стали подбирать крошки. Потом растянули упряжку в разные стороны и улеглись спать. Они прижали лапы к брюху, а морды уткнули в мохнатые хвосты.

— Сколько зубов получил? — засмеялся Копандин.

Имтехай ничего не ответил. Он молча стал пить из хозяйской чашки остаток чая и есть кусочки мороженой рыбы.

— Как напешься, — сказал Копандин, — натаскай сухих дров. Да сиди тут и подкладывай в огонь дрова. Только смотри, чтобы всю ночь огонь горел.

Хозяин разложил у огня меховую постель и лег спать.

Имтехай принес сухих веток, бросил в костер. Огонь облизал их и затрещал, стреляя искрами. Толстый сук обгорел по середине и разломился надвое. Большой огонь подхватил один конец и заиграл весело, подбрасывая кверху разноцветные языки. Другой, раздвоенный конец сука отскокил в сторону и, уткнувшись в снег, зашипел.

Имтехай вздрогнул: ему показалось, что отброшенный в сторону конец сука заплакал по-человечьему. Он поднял его и, отряхнув от снега, сказал:

— Зачем плачешь? Может, ты играть хотел, а тебя в снег толкнули?

И, погладив раздвоенный конец сука, бросил его в огонь.

Долго сидел Имтехай у костра. Теплой постели у него не было. И он грелся, подставляя к огню то один бок, то другой, поворачиваясь то спиной, то лицом. Когда костер начинал потухать, Имтехай соскакивал с места и шел в темноту искать дрова. Ломал сучья, кусты ерника и вытаскивал из-под снега валежник. Он не спал всю ночь. Устал. Глаза слипались, ноги гнулись сами собой, а он не мог заснуть: боялся холода. Всю ночь поддерживал огонь. Но перед утром он опрокинулся у горящего костра и засвистел носом.

Белая полоса поднялась из-за гор и вытеснила ночь. Имтехай проснулся от холода и открыл один глаз. Костер уже потух, только красные уголки сверкали, да обгорелые головешки дымились едким дымом. Копандин, видно, тоже промерз. Он зашевелился в куче мохнатой одежды и, не высывая головы, заворчал:

— Почему у тебя костер не горит?

Имтехай ничего не ответил, вздрагивая от холода всем телом и стуча зубами, он встал, отряхнул с ворота рубахи иней и пошел за дровами. Скоро костер загорелся снова, а над огнем закипел чайник. Не-

сколько чашек обжигающего кипятка разогрели обоих.

Они приволокли нарты к костру. Копандин перевернул ее и очистил полозья от снега. Потом налил в котелок теплой воды и, обмакивая мохнатый кусок собачьего хвоста, стал им быстро водить по полозьям. Вода примерзала к полозу тонким и ровным слоем.

— Полозья теперь ходкие будут, — сказал Копандин и концом мокрого хвоста мазанул Имтехая по лицу.

Нарту поставили на полозья и стали собираться в путь. И пока Имтехай укладывал вещи, Копандин распутывал упряжку. Он хватал собак за хвост или за ногу и перебрасывал через потяг. Собаки летали по воздуху и, падая на снег, только взвизгивали. Когда собаки были распутаны, а вещи на нарте привязаны ремнями, Копандин дернул нарты за дуги и громко крикнул:

— Поть! Поца! Кух!

Собаки рванули алыки и, потряхивая мохнатыми хвостами, понеслись вперед.

Так начался второй день.

Долго ехали Копандин и Имтехай. По одну сторону от них тянулись кусты ерники и низкорослые деревья, по другую — оставалась тундра, большая и широкая, доходившая своим краем до неба. Потом они свернули вправо и в'ехали в лес. Высокие и толстые деревья тянулись к облакам и кланялись верхушками.

На пути попадались озера, круглые и продолговатые, засыпанные снегом. По берегам росли большие кусты ивы, ольхи. Иногда упряжка спускалась на лед реки, бежала по извилистому руслу и снова выкарабкивалась на высокий берег. Но больше ехали лесом.

Мороз был крепкий. От долгого сиденья ноги коченели и даже переставали гнуться в суставах. Тогда люди слезали с нарты и молча шли пешком. Сначала они шли тихо, а когда ноги расхолодились, бежали все быстрее и быстрее. Копандин хватался за дуги нарты и вскакивал одной ногой на полоз. А Имтехай все время бежал сзади. Он часто проваливался в снег и падал. Снова вставал и снова бежал. Быстро ра-

зогрелся и потел. Когда он садился на нарты, маленькие капельки пота застывали в мохнатой рубашке, замерзали и делали одежду колочей и холодной. Имтехай дрожал всем телом, опять слезал с нарты и бежал по следам полозьев. Сердце стучало у него в груди и, как бы поднимаясь вверх, затыкало горло. Темнело в глазах. Он хватал ртом холодный воздух и проглатывал его и снова бежал за нартой.

Много кустов, озер и рек проехали они в этот день. Часто попадали в глубокий снег. Нарта проваливалась и бороздила настилом, а собаки барахтались в снегу, как в воде.

— Камус у вас короткий, — говорил Имтехай собакам, — куда вам бродить по такому снегу!

Людям приходилось еще хуже. По самую поясницу они брели в снегу, подталкивая нарты. Никаких следов дороги нигде не было: всюду лежал ровный, гладко облизанный ветром снег. Заметок на деревьях тоже не было, и упряжка двигалась сама по себе, выбирая дорогу между кустами и упавшими деревьями. Никто не направлял собак.

Собаки сами выбирали себе дорогу. За ними тянулись люди.

Имтехай оглядывался вокруг и видел большие кусты ольхи и тальника, засыпанные снегом. Позади этих кустов стояли черной стеной огромные деревья. Своими верхушками они заслонили небо.

«Худо в лесу, — думал он, — деревья все загородили. Глазам некуда смотреть. А в тундре хорошо. Там далеко все видно!»

Много дней ехали Копандин и Имтехай. На ночь они останавливались в лесу, разводили большой костер и всю ночь просиживали у огня. Копандин не завертывался теперь в мохнатое одеяло: оно отсырело от дыхания и замерзло, — а тоже садился у огня и так дремал всю ночь. Рано утром, когда край неба начинал белеть, они поднимались, шатаясь от усталости, распутывали упряжку и двигались дальше.

— Сегодня вечером дома будем, — сказал однажды утром Копандин и, присев на нарты, ударил приколом по передку.

Жители больших домов

Имтехай услышал вдруг большой шум. Раздавался какой-то гомон и грохот, что-то непонятное и страшное было впереди. Он сначала притих, даже шапку надвинул на глаза. Но потом ему захотелось посмотреть, что же такое там шумит. Он отодвинул шапку к затылку и осторожно поднялся на нарте. Сначала ничего не увидел: только деревья чернели впереди, да кусты толпились у дороги. Когда упряжка проехала еще два поворота, Имтехай увидел вынырнувшие из-за леса высокие дома. Много было домов.

«Какие большие, — подумал Имтехай, — должно быть, тут большие люди живут».

Имтехай видел дома разных жителей. На тонкой ветке тальника качался маленький домик, чуть больше костяного наперстка. Там жила желтогрудая птичка. В другом домике, круглом как чашка, жила белобокая утка. Она жила сначала одна, а потом их стало много: штук восемь детенышей вывела белобокая утка. И все девять вместе с матерью жили в домике, который был как чайная чашка. Когда они улетали, то домик прикрывали травой, чтобы никто не знал, где живут утки. Но это маленькие жители. А вот и большие — лисица и медведь. Лисица роет себе норку и там, под землей, живет всей семьей: мать и семь — восемь лисенят. Норка маленькая, можно только руку просунуть, но живет там большое семейство лисич.

Самый большой зверь — медведь. Под толстым деревом, в непроходимой чаще леса, старик-медведь делает себе дом. Он роет глубокую яму, пол устилает мягким мхом, а вход затыкает охапкой сухого сена. И спит в теплом доме всю зиму на мягкой постели.

У людей дома тоже небольшие. У отца Имтехая шатер такой, что, входя в него,

надо нагибаться. А когда ложились спать, то голова упиралась в одну стену, а ноги — в другую. Самый большой дом у Эрмечина: он шит из шкур целого стада оленей. А вот таких домов, как эти, да еще построенных из толстых деревьев, Имтехай не видал никогда.

«Должно быть, тут большие люди живут, — подумал он, — больше медведя».

Он вспомнил еще, как отец рассказывал, что люди бывают разные. Одни совсем маленькие, такие, как белка. Они и одеваются в шкуры белки. Из передних лап шьют рукавицы, из задних — сапоги, из головы — шапку, а из самой шкуры — штаны и рубаху.

Другие люди — большие. Они такие большие, что надо на них смотреть, запрокинув назад голову.

«Может, тут такие большие люди живут?» — подумал опять Имтехай.

А упряжка несется все быстрее и быстрее, как будто гонится за зверем, который бежит впереди. Имтехай крепко прижался к нарте. Он боялся, как бы не вывалиться из нарты и не отстать от упряжки. Тогда его найдет какой-нибудь большой житель и с'ест. Он поворачивает во все стороны голову и, наставляя ухо, прислушивается. Где-то тут, рядом, лают собаки. Вместе с собачьим лаем долетают людские голоса. Совсем близко скрипят полозья нарты, должно быть, кто-то едет. Рубят дрова. Топор так и звенит по мерзлому дереву. Выколачивают шкуру. Громяют пустой посудой. И снова лай и ворчанье собак.

Вдруг замелькали по сторонам какие-то тени. Имтехай увидел зверей, похожих на волков. Они перебежали через дорогу, как бы высматривали, с какой стороны напасть на людей. Их было сначала штук пять —

шесть. Потом прибежали еще. И тогда только Имтехай понял, что это большие собаки. Они вдруг зарычали и, оскалив зубы, набросились на упряжку. Копандинские собаки тоже зарычали и дружной сворой рванулись вперед. Целая куча мохнатых тел смешалась в кровавой схватке. Только ключья шерсти полетели во все стороны.

Копандин громко вскрикнул и, замахнувшись приколом, прыгнул с нарты. Березовая палка с железным наконечником так и заходила по собачьим бокам и спинам. Сначала собаки не обращали внимания, а потом завизжали, заскулили и, потряхивая разорванными ушами, вывихнутыми лапами и окровавленными мордами, убежали прочь.

Пока хозяин дрался с собаками, Имтехай смотрел на дом, который стоял рядом. Дом был большой, с плоской земляной крышей. На крыше стояли две треноги с длинными перекладинами. Тут висели старые кожаные обутки, рваные штаны и сопелые голенища. Возле одежды болтались две связки каких-то мелких рыб, опутанные обрывками невода. Над связками кружились красноватые птицы. Они цеплялись клювами за сети и старались достать рыбу.

Рядом с треногами выглядывала широкая труба, плетеная из тонких жердей и обмазанная глиной. Она дымила жирной копотью, как будто палили на огне собачью кожу.

«Вот большой житель выйдет, — подумал Имтехай, поглядывая на дом, — должно быть, страшный житель».

Имтехай оглядывался вокруг, но всюду видел только собак. Одна собака, белая с черной головой, с разбегу вскочила на крышу дома и, вытягиваясь на задних лапах, старалась достать рыбу. Она ворчала на птиц и нацеливалась на них своими острыми зубами. Птицы взлетали вверх, кружились и с раскрытыми клювами бросались на собаку. Они тоже хотели отогнать собаку от рыбы.

От первого дома дорога шла ровная, гладко накатанная нартовыми полозьями. Разошедшаяся свора рычала и, сворачивая в сторону, бросалась на чужих собак. Копандин просовывал между копыльями прикол и тормозил упряжку. Но собаки с силой вырывали тормоз и с визгом и с лаем неслись дальше.

Имтехай крепче прижался к нарте и все смотрел по сторонам. Влево и вправо от дороги стояли дома. Имтехай издалека заметил, что у одного дома шевелится кто-то,

одетый в черное, будто встает и нагибается, снова встает и снова нагибается.

«Большой житель ходит, — подумал Имтехай, — вот теперь я его увижу».

Но когда нарта подехала ближе, он увидел человека в длинной одежде. Человек рубил дрова. Стаскивая с воза дровья, он отрубал топором короткие чурбашки, потом раскалывал их надвое и складывал вместе.

«Какой маленький! Совсем как наш, оленный человек. Но, может, это ребенок больших жителей?»

Имтехай боялся даже думать о больших жителях, которые могут раздавить его, как утенка. Он еще раз посмотрел на этого человека.

«А, может, здесь такие обыкновенные люди живут? Я таких не боюсь».

У другого дома кормились собаки. Серые, черные, пестрые, поджав хвост и ворча друг на друга, они совали морды в корыто и ели. Около них стоял человек с палкой в руке и караулил, чтобы чужие собаки не отняли еду. Увидав Копандина, человек вдруг бросил палку и выбежал на середину дороги.

— С полем! — сказал он, когда остановилась нарта. Копандин, стоя, стал с ним разговаривать.

«Нет тут, наверное, никаких больших жителей, только дома большие», — подумал Имтехай.

Пока они стояли, бродившие вокруг чужие собаки бросились к корыту с едой. Началась драка. Визг и рычанье наполнили вдруг всю окрестность. Человек громко вскрикнул и побежал разнимать собак.

Нарта спустилась к речке и остановилась у моста, поджидая, когда освободится дорога. С другой стороны ехал человек, сидя верхом на большом хвостатом звере. Подъехав к мосту, он осадил зверя и сполз с него. Взобравшись на мост, потопал по нему ногами. Тонкие жердинки, уложенные в ряд, раздвинулись и закачались. Человек попятился и, снова усевшись верхом на своего зверя, свернул в сторону. Он переехал речку по глубокому снегу.

Когда дорога освободилась, упряжка снова тронулась в путь.

— Сними шапку, — вдруг сказал Копандин, — тут бог живет.

И сам, сняв шапку, стал махать перед лицом руками.

Имтехай тоже снял шапку и посмотрел на дом. Большой дом громоздился на угоре. Стены у дома широкие, крыша остроконеч-

ная, поднимается высоко, высоко. А на самой верхушке огнем горит золотая палка с поперечиной.

— Крестись, — сказал Копандин и локтем толкнул Имтехая в бок. — Поклонись!

Имтехай опустил голову и увидел изгородь, которая окружала дом. Между изгородью и домом теснились, как деревья в густом лесу, плоские палки с прямыми и кривыми поперечинами. Какие-то женщины в длинных одеждах ходили тут и, прижимая к глазам белые и красные тряпки, кричали разными голосами. А перед ними расхаживал толстый человек в золотой одежде, размахивал чем-то дымящимся и пел громким голосом.

«Должно быть, бог ходит», — подумал Имтехай и еще раз поклонился.

А бог поворачивался то задом, то передом и важно шагал по снегу. Сам он был толстый, с большим брюхом, совсем как человек. Только лицо мохнатое. Обе щеки, верхняя и нижняя губа и подбородок — все обросло темной шерстью. Длинные волосы спускались на грудь.

Копандин еще раз помахал руками перед своим лицом, надел шапку и тронул упряжку. Скоро под'ехали к дому хозяина: он был выше, почти вдвое шире других домов и с четырехъя треногами наверху. Из дома выбежали двое ребятшек.

— Тятя приехал, тятя приехал! — закричали они и запрыгали от радости. Они прижимались к отцу, топтались возле нарты и тыкали кулаками в бокастые сумы.

Вслед за ребяташками вышла женщина с красноватыми волосами. Она тоже заторопилась, забегала туда и сюда и, подняв длинную палку, столкнула с трубы меховую затычку. Потом схватила охапку дров, которые валялись тут же, у входа, и скрылась в избе. Скоро из толстой, мазаной трубы повалил густой дым.

Со всех сторон прибежали люди. Они были ростом такие же, как и тундряные, но с мохнатыми лицами. Большие, круглые глаза так и ворочались туда и сюда, должно быть, осматривали оленью тушу, лежавшую на нарте, кожаные сумы, туго набитые шкурами зверей, мешки с мясом.

Имтехай попятился от них и перешел на другую сторону нарты.

Толстый человек с короткими ногами пошел к нарте ближе всех.

— Здравия желаю! — сказал он и протянул руку. Копандин схватил его руку и тряхнул несколько раз.

— Здравствуй, Коротконогий, — сказал он.

Коротконогий был одет в серую одежду, а на голове у него сидела черная шапка, вроде обгорелой кочки. Из-под шапки блестели глаза, белые, как ледашки. А нос был большой, как сжатый кулак, с синими жилами на конце.

Имтехай стоял с открытым ртом и долго смотрел на этих людей: хоть он и понял, что тут нет никаких больших жителей, но все-таки эти люди удивляли его.

— Чего рот разинул! — вдруг крикнул на него Копандин. — Иди, помоги!

Коротконогий, Имтехай и какой-то тощий человек, вроде палки, втроем внесли в избу оленью тушу. Потом перетаскали в амбар сумы и мешки, привезенные из тундры.

Собак отпустили на волю. Высоко задрав хвосты, они стали бегать друг за другом, перепрыгивали одна через другую и катались на снегу.

Имтехай убрал потяг с алыками, а нарту оттащил за избу и там закопал в снег. Потом присел на дрова, сложенные у входа в избу. Он все время посматривал на двери. Войти боялся, а звать — его никто не звал. Так и сидел он до тех пор, пока не стемнело. Было ему холодно и хотелось есть. Он вспомнил тундру. Далеко она осталась, эта родная земля. Там ходят олени стада, а возле одного стада ходит его отец — старый Имтеургин.

— Вот пойду обратно, — сказал Имтехай. — Убегу!

Дорога в тундру была длинная и холодная. Густые леса, широкие озера и высокие горы отделяли тундру от этих мохнатых людей. Но не это пугало Имтехая: он боялся темной ночи, когда просыпаются злые духи, да голода, который сосет внутри. Так сидел он и думал: бежать или не бежать? Доберется до своего стойбища или не доберется?

«Может, попробую?»

Имтехай поднялся, чтобы идти обратно, в тундру, но вдруг открылась дверь и вышел Копандин.

— Чего тут уселся? — сказал он. — Иди в дом.

Имтехай вошел в дверь.

Светло в доме, тепло. Большой огонь горит, полыхает в углу. Около огня женщина возится с посудой. Она варит какую-то хорошую еду. Вкусный запах так и щекочет ноздри. На переднем месте сидят какие-то люди и разговаривают на своем языке. Копандин тоже стал с ними разговаривать.

Имтехай прижался в углу, постоял, по-

смотрел вокруг. Потом снял с себя мохнатую рубашу и штаны, положил на пол и уселся на них.

— Смотрите, смотрите! — вдруг закричал сын Копандина и, указывая на него пальцем, запрыгал на одной ноге.

— Оставь ты его! — сказала девочка и потащила брата в сторону. — Он еще дикий!

Гости все посмотрели на Имтехая и заговорили.

— На то он и дикарь, — сказал один из гостей, — не даром они мышей едят.

— А что, если этого дикаря к божьей вере привести? — сказал другой гость.

— Этого только не хватало! Наш бог чистый, и нечего пачкать его каким-то мышедом.

— Верно, — сказал Копандин, — и так обойдется. Пусть без души живет, не пропадет. Собаки, комары и клопы тоже бездушные, а смотрите, какие они живучие.

— Пусть будет так, — сказали гости.

Имтехай ничего не понимал. Он сидел в углу и, поблескивая глазами, смотрел во все стороны.

Хозяйка принесла гостям разную еду и положила перед ними, на широкую доску, стоявшую на четырех ногах. Люди уселись вокруг доски и, громко разговаривая, стали есть и пить. Когда кончили, встали и, повернувшись в угол, ткнули себя в лоб тре-

мя пальцами, сложенными вместе. Потом ткнули себя в брюхо. Еще стукнули по правому и левому плечу, поклонились и потрясли за руки Копандина, его жену и ребят. Еще раз поклонились, крикнули и, надев шапки, вышли из дому.

Имтехай посмотрел в тот угол, куда кланялись люди. Там никого не было. Только высоко, под самым потолком, висела доска. На доске Имтехай разглядел женщину с голым ребенком и безволосого человека.

— Ты чего на бога уставился? — сказал Копандин. — Лучше с'ешь вот это!

И дал ему кусок еды, похожий на глину. Имтехай пожевал его и выплюнул.

— Плохая еда, — сказал он.

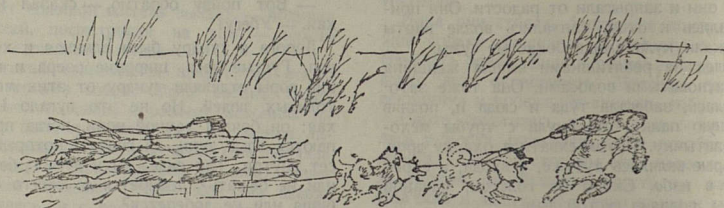
— Дурной, — сказал Копандин, — это хлеб. Самая дорогая еда. Его издалека привозят.

— Пускай, — сказал Имтехай, — у нас такую не едят!

— Тогда кость грызи, — сказал Копандин и бросил ему рыбий хвост.

Тут подошла к Имтехаю девочка и показала ему кусок мяса. Он хотел взять кусок. Она спрятала его за спину, потом снова протянула. Имтехай рассердился и отвернулся. Тогда девочка подскочила к нему, сунула в рот кусок мяса и шелкнула по голове.

«Все-таки она нежадная», — подумал Имтехай и опять повернулся к ней лицом.

Первый день у собачьих людей

Когда стемнело, люди начали укладывать спать. Имтехай постелил на полу мохнатую рубашу и тоже улегся. Сколько спал, он не помнил, только проснулся от чего-то непонятного. Не открывая глаз, он застонал и заворочался. Все тело у него горело, как в огне, и вздулось маленькими шишками. А по брюху кто-то бегаёт. Имтехай схватил какого-то зверька, ростом с полногтя. Раздавил его, потер между пальцами. Запахло чем-то тухлым. Имтехай плю-

нул на пальцы и вытер их об рубашу. Лежит, притаился. Вдруг сзади кольнуло опять, будто кто-то иголкой ткнул. Имтехай даже вскрикнул, пошарил рукой и опять зверька поймал.

¹ Речь идет о хлебе. Чукчи раньше не знали хлеба и думали, что это запеченная глина. «Где такую землю берегет?» — спрашивали они у казаков или купцов, которые привозили к ним муку для продажи.

За перегородкой храпел Копандин, а у сны ворочались ребята.

«Они хорошо спят», — подумал Имтехай и, схватив рубаху, вышел на двор.

Тихо кругом и ничего не слышно. Все люди попрыгались в своих жилищах. Только один Имтехай сидит на дровах и испуганно оглядывается по сторонам. А что, если тут ходит ночной дух? Он может схватить Имтехая, разорвать зубами и с'есть. Вот и не спит Имтехай, сидит в темноте, насторожив ухо.

Вдруг где-то далеко, за домами, жалобно заскулила собака. Тонкий голос потянулся между домами и вдруг сорвался.

Снова стало тихо.

Потом завyla собака с другой стороны. И опять стало тихо. Снова заскулила собака, где-то совсем близко, и не успел Имтехай повернуться, чтобы прикрикнуть на нее, как со всех сторон завyla собаки. Они выли протяжно, переходя с низкого на тонкий голос, иногда прерывая вой каким-то злобным ворчаньем.

— У-у-у! — тянули с одной стороны.

— О-о-у-у! — выли с другого конца.

— Гав! Гав! — ворчали где-то сзади.

Забеспокоился Имтехай, завертелся на месте. Он оглянулся по сторонам и сквозь темноту разглядел собак.

Совсем рядом сидит лохматая собака. Она поднимает вверх морду и, покачивая головой, скулит таким тонким голосом, будто передразнивает кого-то.

Другая, вынырнувшая из темноты, скулит лежа. Она скулит хрипло, старым, дрожащим голосом.

Имтехай испугался и, сорвавшись с места, побежал домой. Он захлопнул за собою дверь и тихо прокрался к своему месту.

Утром жена Копандина встала первой. Она вышла из дому и столкнула с трубы затычку. Принесла дров, затопила камелек. Потом разбудила Имтехая, показала ему на пустой ушат и велела ему идти за водой.

Имтехай вытащил из дому ушат, поставил на водовозную нарту и отправился на реку. Река лежала внизу, под крутым берегом. Туда вела широкая дорога. На самом конце дороги виднелся ледяной бугорок, а у бугра чернела прорубь.

«Должно быть, там воду берут», — подумал Имтехай и стал спускаться вниз. Дорога была скользкая, ноги сами раз'езжались в разные стороны. Широко расставленными ногами он прокатился вниз, но споткнулся о примерзшую к дороге шишку.

Сзади налетела нарта с ушатом и придавила его к земле. Так и проехался Имтехай на брюхе до самой реки. Потом встал, отряхнулся и стал черпать воду из проруби железным ковшом. Он черпнул несколько раз, но ковшик обмерз, обледенел и больно ушибнул его за руку. Имтехай отдернул руку и сунул пальцы в рот. Ковшик выскользнул из рук.

— Стой! — крикнул Имтехай и хотел схватить его на лету, но промахнулся. Ковшик лязгнул о край проруби и булькнул в воду.

Имтехай просунул руку в воду, но ковшика никак не достать. Он лежал внизу, на самом дне, покачивался от течения и поблескивал боками. Имтехай еще раз попробовал достать его рукой. Он лег на край проруби и поглубже просунул руку. Но dna реки так и не достал. Он поднялся, вода ручьем потекла вниз, по мохнатому рукаву. Имтехай задрожал от холода. Потом сел на лед и тихо заплакал.

— О чем плачешь? — сказал кто-то сзади.

Имтехай повернулся и увидел подходившего к проруби тощего человека. Длинные тонкие ноги его сплетались в коленях, а сам человек изогнулся, волоча за собою нарту с ушатом.

— О чем плачешь? — опять спросил Тощий.

Имтехай ничего не понимал, только показал рукой на воду.

Тощий встал на четвереньки, заглянул в прорубь и сказал:

— Я сейчас достану.

Он широкими шагами пошел домой и скоро вернулся с двумя жердями и куском старой сетки. Сетку он привязал к концу жердей и, всунув в прорубь, стал ловить ковшик. Он запутал его сеткой и вытащил наверх.

— Вот тебе ковшик, — сказал он, — черпай воду.

Имтехай схватил ковшик обеими руками и крепко прижал к себе.

— Я больше не отпущу тебя, — сказал он, — как я без тебя воду черпать буду?

Он начерпал полный ушат воды, сверху насыпал снега и потащил нарту домой.

Жена Копандина все выглядывала из избы и ждала, когда Имтехай привезет воду. Она затопила печку один раз, затопила другой — дрова прогорали, а Имтехая все не было.

— Парень твой совсем пропал, — сказала она Копандину и, схватив чайник, вы-

бежала на двор. Но в дверях столкнулась с Имтехаем.

— Эй! — закричала она и замахнулась чайником. — Леший тебя с'ел!

Из дому вышел Копандин с палкой в руке. Он просунул ее в дырки ушата, и вместе с Имтехаем они внесли его в дом.

После чая Копандин потянулся за столом и сказал:

— Запряги пять собак: Серко, Шарика, Собольку, Чукчу и Суку. Серко запряги передом, а Чукчу и Шарика — под корень. Возьми топор и иди по-дрова.

Имтехай вышел во двор. Около домов и амбаров лежало много собак. Но которые из них Серко и Шарик? Он подошел к одной собаке. Собака только ушами пошевелила и, наморщив морду, оскалила острые зубы. Имтехай понятился и боком подошел к другой собаке. А та, как только увидела алык, вскочила с места и побежала за избу. Имтехай поскакал было за ней, но собака вытянула хвост да как пустится бежать; мелькнула, как тень, между домами и пропала.

Имтехай остался с пустыми алыками в руках.

Пришел Копандин.

— Еще не запряг? — спросил он.

— Одна собака кусается, а другая убежала, — ответил Имтехай.

— Варнак, — сказал Копандин, — не можешь собак запрячь? На вот, смотри, как надо.

Он взял алыки и, громыхая пустым ведром, стал звать собак.

— Серко, Серко! — закричал он. — Шарик, Шарик! На! Ешь! Ешь!

На громыханье посуды стали прибегать одна за другой голодные собаки. Копандин хватал их за загривок и, зажимая между ногами, одевал им на шею алыки.

Когда были запряжены две собаки, он сказал:

— Теперь знаешь, как надо ловить собак?

— Знаю, — ответил Имтехай.

Он взялся за потяг и вывел собак на дорогу.

Лес стоял тут же, рядом. Но сухих деревьев близко не было. И, чтобы найти дрова и привезти их домой, надо было потратить целый день, с утра и до вечера.

Кругом стояли деревья, большие и маленькие, но все придавленные снегом. Снег лежал на них тяжелыми комьями, сгибал ветви. Тихо было в лесу, лес крепко спал под снегом. Только и было слышно, как

дышали собаки и как шуршал под ногами снег.

Имтехай посматривал по сторонам и все шел и шел по тропинке. Наконец, он добрался до места, где люди брали дрова. Тут валялись верхушки, отрубленные от деревьев, обломанные ветви и разные щепки.

— Эти хорошо гореть будут, — сказал Имтехай собакам и стал собирать сучья и верхушки.

Скоро он наложил полную нарту дров и поправил собакам алыки.

— Теперь домой поедем, — сказал он собакам, — тащите нарту.

Собаки налегли на алыки и потащили нарту с дровами. Упряжка шла тихо. Собаки низко опустили голову и все время кусали снег. Имтехай громко кричал, подгоняя их, колотил палкой по передку нарты. Но собаки не прибавляли хода. Наконец, они остановились и упали на снег посреди дороги.

— Худой вы скот, — сказал Имтехай, — самый худой. Бросить бы вас надо.

И, привязав к нарте лямку, стал тянуть ее сам. Долго тащилась нарта с дровами. То задевала за упавшие поперек дороги деревья, то соскальзывала с колеи, проложной узким полозом, и опрокидывалась. Имтехай выбился из сил, пока дотащился до дому.

На ровном, утоптанном снегу между домами ребята играли в бабки. Играли Пронька — сын Копандина, Дорка — Коротконогого, Утка — сын Тощего. Играли еще и другие, незнакомые ребята.

Утка очертил большой круг и поставил посредине пять бабок — костяшек от оленьих ног. Вслед за ним поставили по пять бабок другие ребята.

— Кто первый бросит? — спросил Утка.

— Как скажет жох, так и будет, — ответил Дорка.

Он повертел в руках костяшку от коровой ноги и швырнул ее вверх.

Ребята проследили глазами, как костяшка перевернулась в воздухе, и все разом нагнулись над упавшим жохом.

— Боком! — закричали они в один голос. — Утка, бросай!

Жох Утки тоже упал на бок. У других жох упал по-разному: то вниз спиной, то вверх. Самым последним швырнул Пронька. Он так ловко подбросил жох, что он упал на снег стоймя.

— Первый! — закричали ребята. — Бросай, Пронька!

Имтехай стоял в стороне от играющих ребят и внимательно смотрел на игру.

Пронька стал обеими ногами в черту круга, вытянул вперед руку, прицелился и швырнул жохом в бабки.

Жох стукнулся рядом с бабками и перелетел через них.

— Мимо! — крикнули ребята.

Доркин жох ударился в самую гущу бабок. Бабки разлетелись во все стороны, а две костяшки выкатились за черту.

— Есть пара!

Дорка сунул две бабки в карман, ступил ногой в то место, где упал жох, и швырнул его в ближнюю бабку. Метким ударом он ее тоже выбил за черту.

— Есть одна! — опять крикнули ребята.

Так, одну за другой, Дорка выбил шесть бабок.

После него стали бросать другие парни. За всю игру Пронька выбил только одну бабку, Утка — три, Дорка — шесть. Остальные ребята ничего не выбили.

— Хоть бы мне поиграть, — сказал Имтехай, — я бы не промахнулся. Я в летящую птицу камнем попадаю.

Он стоял в стороне от играющих ребят и, вытянув шею, смотрел на игру.

— Возьми у меня две бабки, — сказал ему Дорка и протянул костяшки.

Имтехай взял костяшки и поставил их в середине круга.

— За две бабки ты мне два ушата воды привезешь, — сказал Дорка.

— Кто первый? — закричали ребята и снова стали кидать вверх жохи.

У одного парня жох упал вверх брюхом, у другого — боком, у третьего — опять брюхом вверх. Самым последним бросил вверх Имтехай. Жох взвился вверх, перевернулся несколько раз и упал ему под ноги.

— Жох! — закричали ребята.

— Бросай!

Имтехай посмотрел на бабки. Двенадцать бабок лежали в ряд, упираясь друг в друга концами. Он вытянул вперед правую руку, прищурил левый глаз и прицелился в самую середину.

— Эй! — вдруг закричал сзади Копандин. — Иди сюда!

У Имтехая так и опустилась рука и разжались пальцы. Жох упал на снег.

— Надо дрова рубить, — сказал хозяин.

Имтехай стащил с нарты дерево, наступил на него ногой и стал рубить.

Он рубил дерево с одного бока, потом с другого, потом с третьего. Щепки так и летели во все стороны, а чурбашек не отрубался. Имтехай поворачивал дерево разными боками, ударял обухом, укладывал на нижнее бревно, бил ногой. Но чурбашек все-таки не отламывался, не отходил от дерева. Зарубины глубокие, топор целиком уходит в дерево, а скоро не перерубишь его. Наконец, чурбан подогнулся и с хрустом откатился в сторону.

Имтехай снял шапку и вытер пот с лица.

— Надо хорошо рубить, — сказала жена Копандина, собирая нарубленные дрова, — чтобы они были не длинные и не короткие.

Имтехай смерил топоричем другую чурбан и опять стал рубить. Он разрубил дерево на десять чурбашков. Устал и сел на дрова отдохнуть. Потом стал снова колоть их. Но чурбашки были суковатые.

— Худые дрова, — ругался Имтехай, — совсем худые.

Наконец, Имтехай отколол одну щепку от чурбашка. Потом отколол другую. Тонкими щепками наколот все дрова.

Так прошел первый день жизни у собачьих людей.

С у с е д н а - ч у д и н н а

Собаачьи люди стали готовиться к большому празднику. С самого раннего утра тянулись в лес упряжки за дровами. Нарты двигались, перегоняя друг друга. Большие упряжки, в двенадцать собак, выскакивали вперед и быстро исчезали за первым поворотом дороги. Сзади плелись малые упряжки, запряженные тремя и пятью собаками. Плохо одетые люди шли за ними пешком, покрикивая на собак.

Застучали топоры в поселке. У каждого дома рубили дрова и складывали в клетку. У копандинского дома выросли две большие клетки. Это нарубили Тощий и Имтехай. Вышла Копандиха и смерила их. Ширина была в пять шагов, а вышина — в рост человека.

— Хватит на три дня? — спросил Тощий.

— Еще нарубите, — сказала Копандиха, — да охапок десять домой натаскайте.

До самой ночи работали Тощий и Имтехай. Они перерубали топором поленья и тут же их кололи.

— Скоро праздник будет, — сказал Тощий, — три дня гулять будем.

— Хорошо, — сказал Имтехай, — пусть каждый день праздник будет. Все время в бабки играть буду.

— Заболтались, как вороны, — сказала Копандиха, высунувшись в дверь, — таскайте дрова!

— Ты, когда праздник будет, скажи мне, — попросил Имтехай Тощего, — я тогда в бабки играть пойду.

На другой день пришли Тощий и Коротконогий. На этот раз им велели заморозить дом. Втроем вышли на двор: Коротконогий, Тощий и Имтехай. Работая большими лопатами, они нагребли вокруг дома большие кучи снега. Потом поставили на нарты ушаты, ведра и чайники и привезли воды.

— Теперь приступаем к делу, — сказал Коротконогий. Он был старший, и его все слушали. — Тощий, приготовь лопату.

Коротконогий насадил ковшиком на длинную палку и, черпнув воду, выплеснул на стену. Вода расплылась по стене вдоль бревен и еще не успела скатиться вниз, как Тощий шлепнул в это место полной лопатой снега. Толстый слой снега примерз к стене.

— Хорошо, — сказал Коротконогий, — еще давай!

Так и обливали они водой стену, так и прихлопывали снег.

Когда из посуды всю воду вылили, люди запрягли Имтехая в нарту с ушатом и поехали снова за водой. А сами отряхнулись от снега и вошли в дом, табак курить.

Имтехай быстро приволок ушат с водой, поставил нарту у самой стены дома.

Пока никого не было, ему захотелось тоже влестись в стену лопату снега. Он посмотрел на стене место и плеснул туда воду, но сделал это неловко, и целый ковшик холодной воды вылился ему на голову. Холодные струйки попали на затылок и поползли по спине и по груди. Имтехай, быстро подняв лопатой снег, со всей силы стукнул в стену. И как только отнял лопату, целая куча снега посыпалась на него. Снег смешался с водой и примерз к одежде толстым слоем.

Люди вышли из дому и, взглянув на Имтехая, захохотали. Тощий согнулся вперед, как бы переломился, а Коротконогий голову назад уронил. Только и видно было, как выпиралось большое брюхо, а над брюхом толстой шишкой краснел нос.

Имтехай смотрел на них, но не мог пошевелиться. Мокрый снег быстро твердел на морозе и сковывал его ледяной корой.

Насмевшись вдоволь, люди втокнули его в дом.

— Эх, ледяной пришел! Чудинка! — вскрикнула Копандиха и замахнулась на него палкой, которой ковыряла огонь в печи.

Подбежала дочь Копандина Акулька и, прыгая вокруг, запела:

— Ледяшка-суседка! Ледяшка-суседка! Ногами топает, руками хлопает, а зубами стучит!¹

Имтехай, стуча замерзшими сапогами, прошел в угол и сел на пол. Акулька еще подразнила его и отошла к матери.

Хорошо в доме: жарко натопленная печь так и дышит теплом. Имтехай согрелся и, уронив голову на бок, заснул. Он проспал весь вечер и всю ночь.

Рано утром его разбудила Копандиха. Послала за водой. Одежда на нем еще не высохла. Мокрая рубаха плотно пристала к телу. Когда он вышел на мороз, так и вырвался от него густой пар. Казалось, что это не человек шагает, а идет мазаная труба, дымящая белым дымом.

Имтехай начерпал полный ушат воды. А когда поднялся на пригорок, то увидел перед собой большие дома с ровными белыми стенами.

«А где прежние? Они были черные, закопченные, обросшие мохом. Может, я сон вижу? — подумал Имтехай.— Может, в другое место попал?»

Он посмотрел на крыши домов. Там стояли знакомые треноги с перекладинами. На них висели старые сапоги и штаны. Между треногами курчавились дымом широкие черные трубы. Имтехай пнул нарту. Та самая нарта — широкая, с низкими ножками, с висящими ледяными сосульками. Тут он вспомнил: вчера все дома замораживали!

Имтехай вытянул шею и дернул нарту.

Дорога тянулась мимо домов. Подходя к ним, он закинул голову вверх и смотрел на стены. Отовсюду на стенах торчали замороженный вместе со снегом собачий помет, старые травяные стельки да разный мусор. А у Тощего примерзли к стене старые мохнатые обутки, наполовину сдвинутые собаками.

— Только издали белые, — сказал Имтехай, — а вблизи они рыбные. Совсем худые.

В этот день его заставили сходить за водой десять раз.

Пришли какие-то женщины. Одна женщина очистила большую рыбу, нельму, и, заворачивая ее в тесто, стала стряпать пироги. Другая уселась на переднем месте и начала шить пеструю рубаху. Имтехай тоже досталась работа: его заставили делать кресты. Большим ножом он раскалывал поленья в щепки. Толстую щепку он раздвигал до половины и всовывал туда короткую поперечину. Таких крестов он наделал много.

— Давай кресты ставить будем, — сказал Копандин, когда он кончил работать.

Целую охапку крестов вынесли на двор. Самый большой крест они воткнули над дверью. Поменьше — над окнами, а остальные прикрепили у трубы, у отдушины и у каждой щели.

— Теперь чудинки-суседки не войдут в наш дом, — сказал Копандин, — они крестов боятся.

— А кто это чудинки? — спросил Имтехай.

— Маленькие чертенята, — ответил Копандин, — с хвостами, с копытами, а некоторые с рожками.

¹ Суседка, или чудинка, — то же, что и домохой — дух, который живет, по понятиям суеверных людей, за печкой или в пустых домах.

Вечером Копандин надел черную суконную одежду с блестящими пуговицами и красными заплатами на плечах. С левого боку привесил длинный нож в ножнах с медной оправой и золотыми кистями на рукоятке. На голову надел высокую шапку, расшитую наверху золотом.

— Ну-ка, посмотри на меня! — сказал он своей жене. — Каков я казачий атаман!

Копандиха тоже принарядилась. Она надела такое длинное платье, что хвост его тянулся по полу. И, чтобы не запачкать его, она все время придерживала подол руками.

Имтехай раньше не видел такой одежды. Он долго смотрел на Копандиху и особенно на ее плечи, где рукава, вздуваясь, как олений пузырь, доходили до самых ушей.

Дети тоже были наряжены. Новые рубашки пестрели на них, а на ногах блестели черные, намазанные собачьим салом сапоги. Все были одеты по-праздничному, вертели друг у друга перед глазами и весело разговаривали,

— Приготовь нарту, — сказал Копандин.

Имтехай вышел на двор. Он приволок нарту к самым дверям и накрыл ее собачьим одеялом.

Вдруг что-то громко стукнуло. Имтехай даже вздрогнул. Он никогда не слышал такого звука. Хотел посмотреть кругом, но было темно. А звук опять повторился, загрохотал и медленно поплыл к далеким горам.

— Кто-то стучит, — сказал Имтехай, — так и ходит за домами.

— Ты совсем дурак, мохнатый соседка, — сказал Копандин, садясь на нарту, — это в колокол звонят, в церковь зовут.

Около Копандина уселся на нарту жена, сын и дочь, и он велел трогать. Имтехай стукнул по передку нарти приколком, свистнул на собак и повез своих хозяев.

Упряжка понеслась мимо домов. Собаки рычали на встречных людей и с оскаленными зубами бросались на других собак.

Из других домов тоже выходили люди и садились на собачьи нарты по три, по четыре, а то и по пять человек. Все они направлялись к церкви.

Вот и церковь. Далеко на горке виднеются огни. Целая куча красных и синих огней висит на самой верхушке церкви. Порывистый ветер покачивает фонари. Огни

то сплетаются вместе, то отскакивают друг от друга.

В ограде, у церкви, скопилось много собачьих упряжек. Они ворчат друга на друга, как будто ругаются, а когда под'езжает новая упряжка, собаки бросаются в драку. Только снег поднимается столбом. Собачий рев и крик людей заглушают звон церковного колокола. Копандин, его жена и дети вошли в церковь.

Имтехай привязал собак к церковной ограде и долго сидел на нарте, дожидаясь своих хозяев.

Когда в церкви кончили служить, Копандин, Копандиха, Пронька и Акулька вышли из церкви и уселся на нарту. Упряжка двинулась в путь. Они проехали мимо чужих домов и, свернув в сторону, в'ехали в большой двор. Тут жил золотоодежный священник Павлин. Во дворе было много собачьих упряжек. Много важных людей наехало в гости к отцу Павлину.

Копандин тоже приехал к нему в гости всей семьей. Они поднялись по ступенькам в темные сени, из сеней вошли в дом. Большая комната, и в ней много людей. Взявшись за руки, они ходят вокруг дерева, которое стоит посредине. Толстым концом оно стоит на полу, а верхушкой уперлось в потолок. Длинные сучья распростерлись по сторонам, как бы стараясь выбежать из дому. И на всех сучьях висят разные вещи: румяный кусок пирога, продолговатый олений язык, наливки печонка, куски мяса. Рядом с здешней едой висели на цветных шолковых ремешках привезенные из дальних стран пестрые конфеты, круглые сушки. Потом висели маленькие люди, сделанные из блестящих, золотых кусочков, подпоясанные красными и зелеными ремешками, звери, собаки с высунутыми языками, рыбы и птицы. А на самой верхушке дерева огнем сверкала стеклянная звезда.

Имтехай спрятался за дверями и смотрел на дерево, обросшее, как в сказке, такими игрушками и вкусными вещами.

А вокруг сказочного дерева бегали ребятишки. Много нарядных ребят, мальчики и девочки. И среди них важно ходят копандинские дети — Пронька и Акулька. Все ребята поют вместе, играют, бегают. Взрослые тоже поют и, схватившись по-двое, все вертятся и вертятся. Они двигаются то быстро, то медленно, прислушиваясь к звукам, которые идут из угла. Там сидят несколько человек. Один прижал к лицу какую-то штуку и пиликает по ней палкой

с протянутыми вдоль волосками. Получаются какие-то визгливые, тонкие голоса. Другой растягивает какой-то ящик. Между крышкой и дном ящика пришита складчатая кожа. Она то вытягивается, то снова суживается. Этот ящик хорошо поет. То запищит, вроде ребенка, то рывкнет по-медвежьему. А потом как забурлит разными голосами, так все и пускаются в пляс. Даже старики и старухи и те притаптывают ногами да, покачивая головами, хлопают в ладоши.

Потом поставили около сказочного дерева столы, расселись вокруг. На столах появилась разная посуда, доверху наполненная вкусной едой. Люди начали есть и пить.

— Давай споем! — сказали гости.

— Старик, начинай боевую!

— Начинаю, — раздался голос, и к столу подошел старик с длинной белой бородой и голым черепом.

— Дай хлопну по голове! — сказал Серафим, сын купца и, встав из-за стола, хлопнул его ладошкой по голове.

Старик замигал глазами и потряс головой.

— Не мешай ему, — сказал Копандин, — старик, начинай!

Старик выпил полстакана водки, крикнул и стал запевать дребезжащим голосом песню про Павла-атамана:

*«Темна ночь их провожала,
Ранне утро их встречало,
Знойно солнце пригревало».*

Гости подхватили песню, а старик опять затянул:

*«Храбрый Павел впереди,
А за ним-то казаки,
Молодые удалцы.
Вот чернеет лес густой,
Темной ночью черней
Протянулся далеко».*

Теперь смешались все голоса, и дребезжащий запевала затерялся в общем хоре.

— Вот это песня! — сказали люди и затопали ногами.

— Вот это молодцы были!

— Это наши деды. Вот какие у нас были деды!

Гости поздравляли друг друга с победой казаков, и старику давали вкусную еду.

— За наших храбрых предков! — кричал Копандин.

— И за наших казаков! — закричали люди.

Все выпили водку.

И когда опьянели, одни тянули еще тоненьким голоском песню, а другие уж лаяли по-собачьи. Из-за стола вылез Серафим и, помахивая бутылкой, закричал:

— Давай теперь Гагариху!

Какие-то люди высочили на двор и скоро привели старуху с седыми волосами и костлявым морщинистым лицом. Она не хотела идти, упиралась ногами, но двое бородатых казаков взяли ее за локти и приволокли в комнату.

— Ха! — закричал Серафим. — Ха! Гагари-ха!

Старуха тусклыми глазами смотрела на людей. Вдруг кто-то подкрался к ней сзади и ткнул пальцем в бок. Старуха так и подпрыгнула, крикнув диким голосом.

— Ха-ха! — захохотали со всех сторон. — Ха-ха!

Гагариха, как бы оглушенная, притихла. Только заблестели ее глаза.

А Серафим подошел к ней сзади и со всей силы крикнул в ухо. Старуха опять подпрыгнула и, растопырив крючковые пальцы, погналась за парнем.

— Серафим, берегись! — закричали люди. Они стали дразнить старуху.

— Хей! — закричали одни, кривя рожи.

— Боз-боз! — заревели другие, подражая медведю.

— Ав-ав-ав! — ворчали, как собаки.

Старуха сначала растерялась, потом тоже стала лаять по-собачьи, реветь по-медвежьему и кривить костлявое лицо.

— Он-он-он! — ворчала она. — Пух-пух-пух!

Крики все усиливались, люди дразнили ее, то тыкая в бок, то дергая за седую косу, то чихая в ухо. У Гагарихи глаза сощурились, и она, бормоча что-то несвязное, стала прыгать на одной ноге¹.

Казаки, начальники и отец Павлин хохотали до упаду. А когда старуха упала на пол, гости велели вынести ее в кухню и облить холодной водой. А сами снова усе-

¹ На севере распространена особая болезнь «эмиряченье», или «полярная истерия». Больные при внезапном испуге теряют сознание и начинают проделывать самые невероятные вещи. Этим пользовались раньше богачи, чтобы забавляться.

лись за стол и опять стали пить водку и есть вкусные пироги.

Имтехай все время стоял за дверью и оттуда посматривал на людей. Потом ему стало страшно, и он выскочил на двор. Постоял, подышал морозным воздухом и пошел потихоньку домой.

«Худые люди, — думал он, — совсем худые».

И перед его глазами замелькала страшная старуха с седыми растрепанными волосами. Потом она исчезла и вдруг появились жирный язык и вкусный, румяный пирог. Они висели на зеленых ветках и раскачивались из стороны в сторону.

Пока он думал обо всем, что случилось за этот день, ноги занесли его в другое место. Из темноты выступили незнакомые дома; амбары и изгороди преградили ему дорогу.

«Может, заблудился?» — подумал Имтехай и, перескочив через изгородь, еще быстрее зашагал между домами и амбарами.

Долго бродил Имтехай по чужим местам и никак не мог вспомнить, где стоит большой дом хозяина. Устал. Ноги так и гнулись в коленях, а глаза слипались сами собой. Ему захотелось спать. Вдруг он видит: пустой дом стоит с черными дырами окон.

— Вот войду и спать лягу, — сказал он сам себе и влез в окно.

Много народу собралось у пустого дома. Но никто не подходит близко: бояться. Топчутся на снегу и разговаривают вполголоса.

Имтехай как услышал людей, так и забыл про сон. Плотнo прижался к стене и, наставив ухо, стал прислушиваться.

— Тут чудинка живет, соседка, — услышал он. — Хитрый такой. То мохнатой собакой притворяется, то как человек делается. А в темные ночи огнем светится. Такой страшный чудинка тут живет!

— Вот и хорошо, — говорит какая-то женщина, — значит, он все знает. Надо спросить у него о будущем. Он скажет. Ручку в окно просунуть и спросить: «Чудинка-чудинка, скажи мне правду, хорошо ли жить буду, умру ли скоро?»

— Он скажет?

— Он руку подает. Если мохнатая и холодная, значит умереть человеку. Если же

теплая и мягкая, значит жить да поживать.

— Ну, кто первый? — спросил мужской голос.

Но все боятся и прячутся друг за друга.

— Пусть вот он идет, — сказали люди и стали выталкивать вперед Коротконового казака.

Коротконогий казак подошел к окну, потоптался на месте, прислушался и осторожно просунул руку в окно.

— Ничего нет, — сказал он и, быстро отдернув руку, вернулся к своим.

— А ты ничего не сказал, — упрекнули его люди, — потому и не было ничего. Ты должен был попросить соседку, чтобы она дала свою золотую ручку.

Люди опять потоптались, и вдруг знакомый голос раздался:

— Я пойду. Пусть будет, что будет!

В просвете окна Имтехай увидел высокую мохнатую шапку с золотым верхом.

«Копандин», — подумал он и отодвинулся подальше от окна.

Копандин подошел совсем вплотную, просунул во внутрь руку и сказал:

— Я Копандин, здешних казаков атаман. Давай-ка мне золотую ручку!

Имтехай лежал тихо, боялся даже пошевелиться. А Копандин опять говорит:

— Суседка, подай мне скорее ручку!

Еще больше испугался Имтехай и осторожно подал руку, Копандин нащупал лохматую рукавицу да как закричит да как прыгнет.

— Мохнатая рука! — закричал он, отбежал к своим и упал на снег.

Стопились люди вокруг Копандина и смотрят, как он снег ест и туселю вздыхает.

— Какой же ты начальник? — говорит Копандиха. — Хуже коровы.

И, высоко подбрав платье, она направилась к темному окну.

— Милый суседушко, — сказала она ласковым голосом, — сжался надо мною, суседушко, дай мне твою теплую ручку!

Имтехай сначала попятился, потом вспомнил, как она его ругала, рассердился, пошарил вокруг себя и сунул ей в руку какую-то шишку.

Копандиха вскрикнула и побежала обратно.

— Люди, смотрите, — сказала она, — суседушко мне золото дал!

И она тыкала всем в лицо черную шишку.

— Какая ты счастливая, — завидовали ей люди, — вот бы нам тоже такого дал!

А Копандиха прижимала к себе шишку и все прыгала, как маленькая, которой дали кусок белорыбицы.

— Теперь ты иди, — сказала она дочери, подталкивая ее в спину.

Акулина сначала не хотела идти к пустому дому: боялась. Но люди все смотрели на нее и говорили, чтобы она скорее шла, пока у чудинки хорошее настроение.

Дочь Копандихи подошла к окну.

— Суседушка, — сказала она тихо, — не сердись на меня.

И сунула в окно руку.

Имтехай только и ждал этого. Он снял рукавицы и теплыми руками схватил ее руку. Придержал немного, прижал к лицу, потерся носом, понюхал и отпустил. Она была добрая и хоть иногда дразнила, но Имтехай любил ее. Потому и взял ее руку и так тепло приласкал. А Акулина вся покраснелась и, низко опустив голову, медленно пошла обратно.

— Ну как? — спросила мать.

— Ну как? — спросили другие.

Все обступили ее и спрашивали, какую руку дал ей соседка или что хорошее шепнул ей в ушко.

Она еще больше покраснелась и еще ниже опустила голову. Потом сказала:

— Какой хороший соседка! Он потрогал мою руку теплыми пальцами. Потом нюхал, потом крепко целовал.

— Вот и хорошо! — сказала мать. — Суседушко тебе большое счастье насулil. Не даром я тебя посылала.

— Большое счастье насулil! — повторяли люди.

— Суседушко угадал, — сказал Серафим и поклонился Копандихе, — вашей Акулине большое счастье будет.

И, сдернув с руки рукавицу, шитую из белых песцовых лап, зашагал к окну.

— Ну-ка, сосед, — сказал он грубым голосом, — подай-ка мне счастья! Я молодой купец. Отец мой тоже купец, Илья Конович. Я его сын. Подай мне удачу!

Имтехай увидел жирного парня, опять пошарил по полу и, подняв мерзлое полено, стукнул по руке. Серафим так и присел и от перепугу поскакал на четвереньках.

Имтехай посмотрел на него сзади и перебежал к другому окну.

«Может, меня бить будут», — подумал он и, высоко подняв палку, приготовился драться.

Но люди о чем-то пошептались и тихо, даже не оглядываясь, разошлись по домам.

Имтехай увидал это, выскочил из окна и пошел за хозяевами. Он обогнал их стороною и первым вошел в дом. Там он забился в самый дальний угол.

— А меня соседка целовал, — сказала Акулина, когда пришла домой. И запрыгала от радости.

— А мне золота дал, — сказала Копандиха.

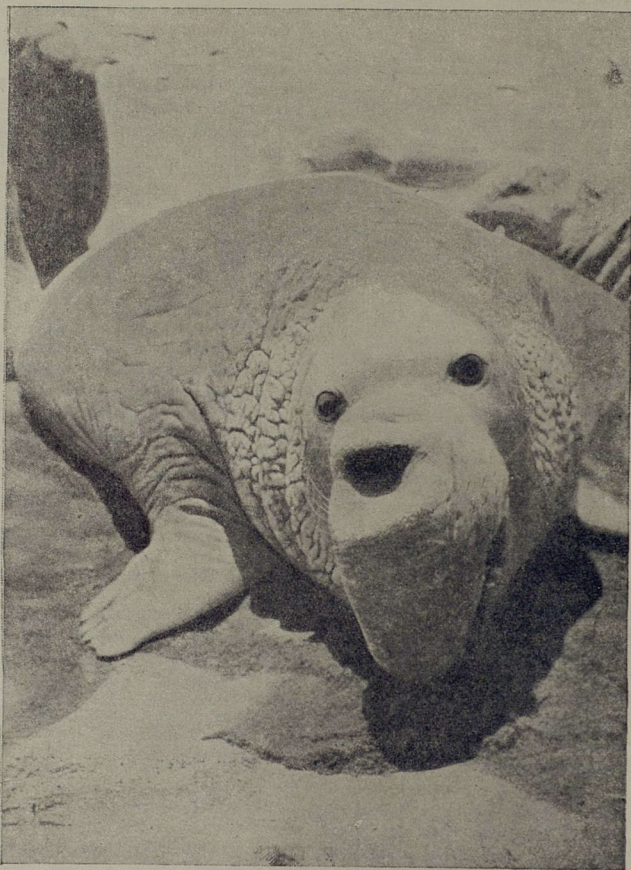
Она еще раз показала всем черную шишку.

— Это хорошо, — сказал Копандин, — это—счастье. Это лучше чем золото. Потому что у соседок все наоборот бывает. Золото шишкой делается, а шишка в чистое золото обращается. Береги хорошенько.

Копандиха бережно завернула шишку в белый платочек, перевязала шолковой лентой и положила в сундук.

Морской слон

Морской слон — одно из самых любопытных морских животных. Морским слоном его называют отчасти из-за его громадных размеров, отчасти же — из-за формы носа у самца. Нос этот похож на обрубленный хобот слона.

Водятся морские слоны и в северных и в южных морях. На этом снимке — слон, живущий у берегов Калифорнии. На следующих снимках — животные Антарктики.

Морской слон испускает могучий рев, в то время как несколько самок мирно и безмятежно лежит вокруг него.

Спящий детеныш морского слона. Сон — главное времяпровождение этих, весьма крупных младенцев.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „КОМПАС“

Известия Географического общества читателей журнала „Пионер“ № 11

Промышленники возвращаются на ледокол после охоты. У каждого багор.
Эти багры очень помогают при переправе через разводья.

За гренландским тюленем

А. Е. Погосов

Каждый год, ранней весной, в Белом море идет промысел на тюленя.

Огромным стадом, в несколько миллионов голов, приходят сюда тюлени от берегов Гренландии, совершая длинейший путь для того, чтобы здесь родить и вырастить молодое поколение, а в мае отправляются обратно во льды Гренландского моря. Белое море тюлени выбрали не случайно. Как и всякий морской зверь, они обитают в таких льдах, где есть разводья и свободная вода. Зимой, когда Гренландское море сковывается сплошным льдом, тюлени ищут удобного места для зимовки. Белое море и есть это удобное место. В нем очень сильные течения, и поэтому несмотря на морозы

оно никогда не замерзает совсем. В некоторых местах разница между уровнем прилива и отлива — несколько саженей. Понятно, что льды тут постоянно ломают.

Попав в Белое море, самки отделяются от самцов и громадными стадами вылезают на льды, чтобы родить маленьких пушистых тюленей-бельков. Полтора месяца, пока бельки еще не умеют добывать себе пищу и плавать, матери остаются с ними и кормят своим молоком. А затем покидают их. Молодые тюлени начинают самостоятельную жизнь.

Когда наступают солнечные весенние дни, тюлени снова огромными залежками, в десятки и сотни тысяч голов, вы-

ходят на лед для льинки, «выливаются», как говорят промышленники.

Население берегов Белого моря занимается промыслом на тюленя с давних времен. Теперь промышленляют больше всего с ледоколов и особых, промысловых ботов. Залежки зверя высматривают на самолетах. Но и сейчас еще сохранился старинный промысел в одиночку и небольшими группами. На маленьких лодках — «леянках», — а то и просто пешком промышленники выходят на лед добывать ценную тюленью шкуру и сало. Эта охота в постоянно движущихся льдах Белого моря очень опасна. Тут нужны большая отвага, знание морских течений и находчивость. Часто промышленников уносит на льдинах далеко в море и кружит по воле ветров и течений.

Да и для промысла с ледокола требуется много отваги и ловкости. Ведь охота идет не на твердой земле, а на движущихся, ломающихся льдинах!

Смелостью промышленников я имел случай полюбоваться еще до выхода в море. Наш ледокол «Седов» выходил на промысел не из Мурманска, как обычно, а из Архангельска. Был солнечный морозный февраль. Скованный льдами замерзшей Двины, «Седов» стоял у причала. Перед отходом к нам подошел ледокол «Ленин», чтобы обколоть лед вокруг «Седова».

Наступил момент отхода. Сто промышленников были взяты на борт. Медленно развернувшись на середине Двины, «Седов» маневрировал в каше битого льда, становясь носом по течению. Вдруг толпу любопытных на берегу растолкали двое мужчин и, ежеминутно проваливаясь по пояс в воду, прыгая со льдины на льдину, побежали к нам. Со стороны страшно было смотреть, как лед под их ногами уходил в воду. Малейшая задержка могла их погубить. Но смельчаки благополучно добрались до борта и, схватившись за брошенные концы, вскарабкались на судно. Это были два запоздавших промышленника.

Наш капитан, Дмитрий Сергеевич Швецов, спокойно наблюдавший с мостика эту сцену, добродушно ухмыльнулся и сказал:

Тов. Маликовский, один из лучших гарпуньеров на всем побережье Белого моря.

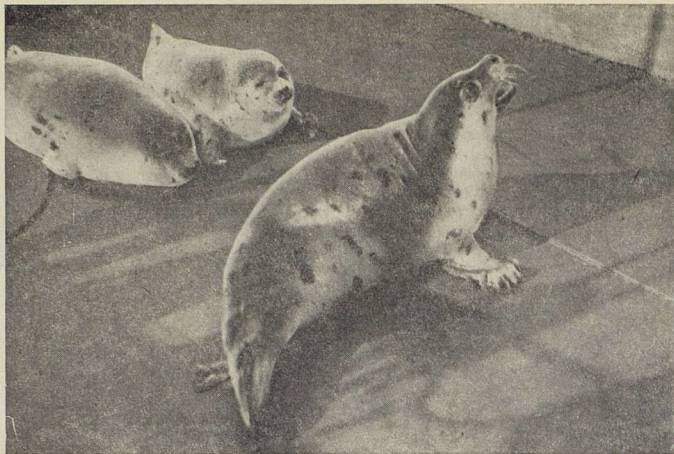
— Молодцы, хорошо промышленлять будут!

«Седов» прибавил ходу. Рядом с нами вдоль пробитого «Лениным» канала бежали по льду лыжники. Но скоро мы оставили их далеко позади. Позади остались занесенный снегом Архангельск и дымки лесопильных заводов. У устья Двины «Ленин» с нами распрощался, и мы вышли в Белое море.

Несколько дней мы искали залежки зверя, но попадались лишь одиночки, быстро удиравшие в воду при нашем приближении. «Седов» пробирался во льдах. На острове Моржовие отсиживался в бездействии летчик Бабушкин: нависший над морем туман не позволял его авиозену вылететь на разведку.

Все было готово к промыслу: пристреляны винтовки, розданы патроны и все

Молодые тюлени на палубе ледокола. Их взяли живьем и отвезли в Ленинградский зоопарк.

снаряжение промышленников: багры, веревки, белые халаты для маскировки, ножи,— а залежки все не попадались.

Но вот, наконец, выдался ясный день, и на голубом небе мы увидели черную точку—это самолет Бабушкина полете! на разведку. Через час в радиорубке происходил деловой разговор, в котором участвовали все ледоколы в разных местах Белого моря и находившийся в воздухе Бабушкин.

— Алло, алло! Большая залежка расположилась в квадратах А 137, А 133 и Б 128,—по-домашнему, спокойно говорил Бабушкин.—Дмитрий Сергеевич, вам ближе всего, вы подойдете с юга. «Садко» и «Сибиряков», подходите с северо-востока: там больше разводий. Не забирайтесь далеко на север, там сплошные ледяные поля. Алло! Алло! Перехожу на прием...

Разговор окончен. Вот, блеснув подошвами лыж, пролетел над нами самолет и показал направление к залежке. На ледоколе все пришло в движение. Через полчаса промышленники уже были на палубе в полной боевой готовности,

с длинными остроконечными баграми. Бригадир давал последние инструкции. Гарпуньерам, которые выделялись своими белыми халатами, он говорил только одно:

— Помните, по патрону на голову! Не больше!

Гарпуньеров учить нечего: это самые опытные промышленники, лучшие стрелки, снайперы. Они выходят первые и стреляют по тюленям. За ними идут с'емщики и снимают с убитых тюленей шкуру, а третья группа промышленников подбирает эти шкуры и стаскивает их в большие кучи.

Скоро нам стали попадаться тюлени. И, наконец, мы врелись в настоящую залежку. До самого горизонта лед был покрыт черными пятнами тюленей. Их десятки тысяч, больших, пятнистых, лоснящихся и жирных: У каждого тюленя рядышком белек. Но бельков почти не видно: их белый мех сливается со снегом. Зато кричат они так, как будто тут тысячи младенцев, оставшихся без молока и зовущих мать.

Тюлени не обращали внимания на ледокол. Только те, что были совсем ря-

Промышленники переправляются на льдине через большие развоя.

дом, торопливо и неуклюже сползали в трещину и, отплыв в сторону, поглядывали на нас испуганными круглыми глазами.

На горизонте с северо-востока показался дымок. Это «Сибиряков» или «Садко» подходили к той же залежке с другой стороны. Наш ледокол остановился.

Я пошел с гарпуньерами. Во время пристрела винтовок моя меткость в стрельбе завоевала мне уважение промышленников. В моей группе главарем был старик Никита. Он волновался, как волнуется всякий промышленник во время первого в сезоне выхода на лед. Никита махнул мне рукой, и мы пошли, пригибаясь от ропачка к ропачку. Впереди лежали тюлени. Некоторые, спокойно развалившись, кормили детенышей. Ветер дул от них, и звери нас не чуяли. Никита припал на одно колено и вскинул винтовку. Раздался выстрел. Грузная туша трепыхнулась и затихла.

Вслед за выстрелом Никиты выстрелы загрели кругом. Мы бежали по льду, все дальше уходя от корабля, а за нами оставались убитые тюлени, пронзительно кричащие бельки и пятна крови. Вокруг гремела возбуждающая трескотня выстрелов. Перебираясь со льдины на льдину, проваливаясь порой в ледяную кашу, мы вымокли насквозь, но не чувствовали ни сырости, ни холода.

Приближался вечер. Никита остановился и окликнул меня и Василия, третьего из нашей группы. Оглянувшись, я уви-

дел вдалеке темный силуэт «Седова». На мачте было два флага. Они означали: «Остановитесь, высылаем патроны». У нас еще было 36 патронов на троих. Идти дальше не имело смысла. Мы уже и так ушли очень далеко, с'емщики отстали от нас и до вечера не успели бы сюда добраться.

Я получил все патроны и продолжал охоту, а Никита с Василием занялись разделкой убитых тюленей. Они переворачивали туши и точным, быстрым движением разрезали их от головы до хвоста. Шкура разваливалась, обнажая толстый слой жира. В несколько минут промышленники снимали шкуру вместе с салом. Около кучи шкур Никита нацарапал на снегу три буквы: СЕД. Это означало, что шкуры принадлежат «Седову». Любой ледокол или бот, по промысловым обычаям, должен был подобрать и отдать их нам, если бы «Седов» сам не смог этого сделать.

Стемнело, когда мы кончили работу. Мы были на большой льдине, изуродованной следами охоты, заваленной трупами тюленей, залитой кровью. Вокруг с жалобным плачем ползали бельки и тыкались мордами в наши сапоги. Успокоенные прекращением стрельбы, тюлени стали выползать из воды в поисках детенышей. Мы молча курили и ждали пробравшихся к нам с соседних ледяных полей промышленников.

Когда все собралось, мы тронулись в обратный путь. Шли гуськом, друг за

другом, проваливаясь в ледяную воду, прыгая со льдины на льдину. Но ветер развел льды. Идти дальше было невозможно. Решили ждать «Седова».

Ночь была морозная, ветреная, темная. Тишину нарушали только шуршанье и скрип трущихся друг о друга льдин. Изредка глухо доносился гудок ледокола. Огни его рыскали во мраке. «Седов» подбирал разбросанных во льдах промышленников. Одежда наша замерзла. Мои ватные брюки так одеревенели, что казались мне сделанными из досок. И как же я жалел о потерянных в разгаре промысла варежках!

Ночью приливом сжало льды, и мы снова получили возможность двигаться вперед. Огни «Седова» двигались на-

встречу нам. Временами мы ясно видели сноп искр, вылетающий из его трубы.

На рассвете мы были на ледоколе.

Через два часа, поев и обогрвшись, мы вышли на палубу. Надо было снова спускаться на лед, продолжать промысел. Ледокол тем временем подбирал нашу вчерашнюю добычу. Захватив тросом несколько десятков шкур, их тащили на борт. Весело грохотала лебедка. Вся палуба была завалена тюленьими шкурами. Команда без отдыха грузила их в трюмы. Два матроса делали на большой доске акуратные зарубки; каждая зарубка означала десяток, каждый крестик — сотню. Я подошел и сосчитал. Двадцать шесть крестиков и семь зарубок! Начало удачное!

КАК СДЕЛАТЬ КОМПАС

Мне очень нужен компас. Я хочу его сделать сам и вот уже целый месяц работаю над этим. Но у меня нет чертежей. Я просмотрел много книг, но нигде не нашел нужных указаний.

Расскажите, как сделать компас.

АЛЕКСЕЙ НЕМОЛЯКИН

Доббас, почтовое отделение Рутченково, 11-й поселок, Горняцкая ул., 58.

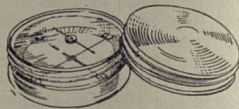
Простейший компас

Сделать самый простой компас очень нетрудно. Возьми обыкновенную швейную иглу и намагничь ее конец о какой-нибудь постоянный магнит. Для этого можно воспользоваться, например, магнитом, заключенным в слуховой трубке радионаушников.

Потом слегка смажь иглу вазелином ипусти ее плавать в блюдце с водой. Намагниченный конец иголки через некоторое время установится на север.

Конечно, такой компас не годится для путешествий, так как неудобен для переноски. Если хочешь сделать самодельный портативный компас, пригод-

ный для экскурсий, то достань круглую стеклянную баночку из-под гуталина с заворачивающейся крышкой. Снаружи под дно баночки наклей бумажный круг, на котором предварительно начерти все страны света. Круг надо наклеить надписями внутрь, чтобы его было видно сквозь стеклянное дно. Намагниченную иглу укрепи на маленькой круглой пробочке, чтобы она могла плавать совершенно горизонтально. Теперь налей в баночку немного воды и пусти туда на середину иголку. Когда намагниченный конец иголки установится на север, начини поворачивать баночку до тех пор, пока кончик иголки не совпадет с

делением, против которого стоит буква «С». Когда надобность в компасе миновала, иголка вынимается из баночки и кладется в спичечную коробку, а баночка заворачивается винтовой крышкой.

Мои наблюдения

Рассказ и рисунки Шуры Мюллера

Сейчас я живу в Ленинграде, но раньше жил в Магнитогорске. Он мне очень понравился, и я хочу о нем рассказать. Магнитогорск замечателен тем, что там богатое месторождение руды. В феврале исполнилось пять лет со дня первой выплавки чугуна Магнитогорским заводом. В то время, когда я был в Магнитогорске, там работала только одна домна и пускали вторую, а сейчас работают уже четыре.

Мы делали много экскурсий. Однажды мы выехали на лошади в степь. Дорога была неширокая, а кругом поднимались ковыль и трава до колен. Над нами стал кружить огромный орел.

Лошадь забеспокоилась, да и мы испугались. Но орел улетел. Потом мы увидели в степи кучу коричневой глины. Испробовав ее дома, я увидел, что этой глиной можно рисовать как обыкновенной акварельной краской. В окрестностях Магнитогорска попадается такая глина разных цветов: зеленая, желтая, синяя.

Во время экскурсий на горы мы собирали образцы горных пород: известняка, гранита, базальта и разных сортов магнитной руды. Ловили ящериц.

В степи очень много сусликов. Один небольшой холм близости от нашего дома был весь изрыт их норками. Както раз мы решили поймать суслика. Мы с утра пошли на холм, выбрали нору, в которой сидел суслик, и стали лить в нее воду. А на второй выход (у сусличных нор всегда два выхода) мы накинули мешок. Лили мы, лили воду, а суслик все не выходил. Вдруг неожиданно для нас он выскочил не в мешок, а как раз там, куда мы лили воду. Один мальчик

не растерялся, схватил суслика за хвост и бросил в мешок. Дома мы посадили его в ящик. Суслик жил у всех нас пооче-

реди. Пожил немного и у меня. Один раз мы подняли проволочную сетку на ящике, чтобы лучше рассмотреть суслика, а он воспользовался этим и выскочил. Тут же завязалась борьба между ним и нашим котом. Мы их растащили, открыли окно и загнали суслика на подоконник, затем закрыли внутреннюю раму и побежали на улицу. Суслик сидел на окне и вдруг так громко и пронзительно завистел, что мы отскочили. Он свистнул еще несколько раз. Но мы уже больше не пугались. Мы накинули на суслика мешок и понесли нашего пленника обратно на холм. Там мы открыли мешок. Суслик выскочил, побежал к своей норке, встал на задние лапы, свистнул и вниз головой прыгнул в норку. После этого мы наблюдали за ним на воле.

Мне очень хотелось посмотреть праздничные национальные костюмы киргизов и башкиров. И вот представился удобный случай—ярмарка! Конечно, мы туда отправились.

Когда мы приехали, ярмарка была уже в полном разгаре. На телегах, запряженных ослами и верблюдами, сидели хозяйки в народных костюмах. На женщинах были украшения из старинных серебряных монет. Некоторым из этих монет было больше ста лет. Эти украшения передают в селах из поколения в поколение.

Ленинград, Константиновский проспект, д. 30, корпус 8, кв. 100.

Эти пустынные, унылые на вид горы содержат в себе большие богатства: из этих камней вырабатывают каучук.

Калоши из камня

В. А.

К юговостоку от Еревана, вдоль самой границы СССР, тянутся пустынные горные кряжи. Эти горы состоят из желтовато-красных голых скал. В ущельях и оврагах, размытых горными ручьями, кое-где растут дикий виноград, шиповник, терн, дикий инжир и степные колючки. Источники встречаются здесь редко. Местами они выбиваются из-под камней, но через несколько шагов снова пропадают в песке.

Географическое общество «Компас» при журнале «Пионер» призывает ребят дать такое описание своего края, чтобы у читателя появилось неодолимое желание увидеть его собственными глазами. К сожалению, страна, о которой была речь выше, как бы старательно я ее ни описывал, не имеет в себе ничего привлекательного. Кому придет желание увидеть эту необитаемую, бесплодную горную цепь, где в ущельях рыщут ди-

кие звери, а на камнях греют свои холодные тела удавы и ядовитые гюрзы?!

А я люблю эти горы. Каждый выходной день я устраивал там под неприступными утесами засаду на серн и ждал, когда они вернутся с горных пастбищ.

Часто, разбитый усталостью, я спускался в ущелье, чтобы утолить жажду ледяной водой ручья. Но какой неприятный вкус у этой воды! Как будто намешали в нее соли и извести.

И эти желтые горы и горько-соленые ручьи тянутся на многие десятки километров...

Не так давно в западной части этих гор выросли известковые и цементные заводы. Однажды, идя на охоту, я наткнулся на страшного «дракона». Это была огромная металлическая труба, медленно вертевшаяся на своей оси. Динамит взрывал скалы, а «дракон» своей страшной пастью глотал огромные ку-

ски камней, пропускал их через раскаленное чрево, переваривал и выбрасывал наружу уже готовый цемент.

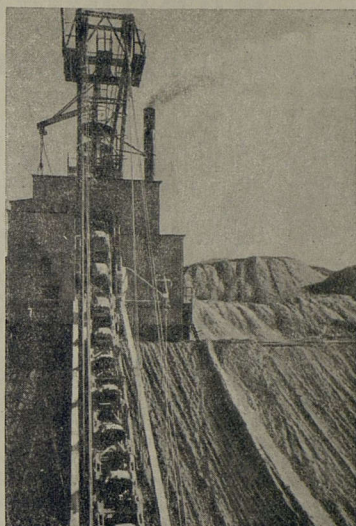
Тут стало мне ясно, что наши горы таят в себе залежи известняков, что эти, считавшиеся бесплодными скалы современем превратятся в прекрасные здания и прочные стены оросительных каналов, дающих жизнь безводным колхозным полям.

В лаборатории профессора Гамбаряна в Ереване я узнал о бесплодном горном крае удивительные вещи. Эти красные камни можно превратить в каучук!

Многим в то время это казалось басней. Ведь весь мир знает, что каучук добывается из растений и что с этой целью разводят плантации хандрилловых и других каучуконосных растений. В крайнем случае, его добывают из спирта, во всяком случае, из органических веществ, но можно ли поверить, что камень может превратиться в мягкую и горючую резину?

Но это не было басней. Камень Ведиюских гор действительно содержал в себе элементы, из которых можно получить каучук. И вот в пустынные горы прошла железная дорога. Там поднялись высокие карбидные печи. Уже построено 14 заводов, где будут работать 300 инженеров, химиков и техников. Уже пущен карбидный цех, самый большой не только в Советском союзе, но и во всем мире. Электрическая подстанция здесь тоже одна из самых мощных в Союзе. А самый комбинат в целом, в сравнении с самыми заводами Армении, подобен слону среди стада овец.

Но какая же сила превратит камень в каучук? Эта сила—вода. Из озера Севан вытекает река Занги, бешеная, пеннистая и быстротечная. Это неисчерпаемый источник «белого угля». И вот большевики строят одну за другой гидроэлектростанции в ущельях этой реки. Три из них уже построены, и самая «младшая», окончательно готовая к пуску, обладает мощностью в 114 тысяч лошадиных сил. Силой этой гидроэлектростанции и будет добываться каучук из камней. Говоря точнее, сперва эти камни превратятся в известь, затем в карбид, и, наконец, пройдя с помощью

Машины грызут камень, чтобы превратить его в цемент и карбид.

электричества ряд длительных процессов, — в высокосортный каучук.

В лаборатории профессора Гамбаряна я видел этот рожденный из камня каучук. Кусок его был невелик, весом всего в полфунта, но это черное тягучее вещество убедительно доказывало, что добыча резины из камня—не утопия.

Наш каучук будет не только обладать великолепными качествами, но и будет самым дешевым в мире. И как ему не быть дешевым? На его выделку не требуется ни дорогого спирта, ни посева каучуконосных растений. Стоит только отправиться в Ведиюские горы — и перед вами миллиарды тонн бесплатного материала, подаренного природой. А электрическая энергия, составляющая половину себестоимости карбида, здесь самая дешевая в мире. Вот какое богатство для Советского союза обнаружилось в голых, пустынных горах.

Фонд Географического Общества.

Александр Грин (Москва) рассказывает о своем путешествии по Кавказу. Вместе с отцом Александр провел 10 дней в Девдоракском высокогорном лагере, на высоте 2800 метров над уровнем моря. Там они учились технике альпинизма: спускаться и подниматься на скалы при помощи веревки и дюльфера, рубить во льдах ступеньки. Саша участвовал в походе на Девдоракский ледник. Для этого пришлось вооружиться ледорубами, на ноги, чтобы они не скользили, надеть особое приспособление с шипами—«кошки».

В восхождении на вершину Александру не пришлось участвовать: его не пустил доктор. Но из лагеря было очень интересно смотреть, как колонна альпинистов подымается, извиваясь тонкой змейкой. Потом она пропала в скалах. Два дня об альпинистах ничего не знали. Погода была пасмурная, дул сильный ветер. Только на третий день вернулись альпинисты.

Борис Мокиевский (В. Устюг, Северного края) пишет о залежах мергеля, которые обнаружены по берегам реки Сухоны и ее притоков. Научные работники, изучающие природные богатства Северного края, попросили всех, кто видел залежи мергеля, сообщить об этом через районную газету «Советская мысль». И что же? В газету так и посыпались письма. Оказалось, что берега Сухоны хранят огромные запасы мергеля. Северный край даст нашей стране тысячи тонн цемента, который так нужен для строительства.

Коля Дренов и Олег Смирнов (Калуга) описывают свою экскурсию на Черно-свитенское торфяное болото, в 4 километрах от Калуги. Старый колхозник, коренной местный житель Кузьма Петрович Кочерыжкин, рассказал ребятам о том, что на болоте есть охра. Местные колхозники смешивают ее с маслом и красят крыши. Но такая краска недолговечна и держится год—полтора. Ребята нашли на болоте эту охру и измерили площадь ее залегания (она оказалась: 300 шагов в длину и 200—в ширину), сняли карту местности и отметили на ней месторождение охры. Взяли образцы всех пород. В торфе оказался большой процент железа—и болото, вероятно, будет эксплуатироваться.

Олег Оленичев (Сухуми) рассказывает о сухумском обезьяньем питомнике. Обезьяны больше всех других животных похожи на человека: они болевают почти всеми человеческими болезнями, поэтому на обезьянах лучше всего изучать болезни и способы борьбы с ними. Но обезьяны ни в одном уголке Советского союза не водятся, а привозить их из-за границы очень дорого. Вот в Сухуми, где климат вполне подходит для обезьян, и устроен питомник.

Там живет 175 обезьян. Большая часть из них здесь же и родилась. Все обезьяны прекрасно освоились, особенно макаки-резус и гамадрилы. Как-то одна обезьяна убежала из вольера. Служители долго не могли ее поймать. Во время кормежки беглянка подбегала к своему вольеру, а другие обезьяны просовывали ей еду.

МОРСКИЕ РАЗБОЙНИКИ

Проф. Е. Тарле

Рис. И. Безина

На большой морской дороге из Европы в Америку

ЕЙЧАС мы и думать забыли о тех людях, которые назывались морскими разбойниками.

А между тем в шестнадцатом веке, лет 400 назад, они были грозной силой на море.

С самых древних времен, как только началась морская торговля, завелся на море и разбой.

Было время, когда пираты — так назывались эти разбойники — на своих маленьких быстрых суденышках смело нападали не только на большие купеческие корабли, но

даже угрожали целым государствам.

Как же это случилось?

Конец пятнадцатого века был временем великих открытий: открыли Америку, открыли новые земли в Африке и в Индии. Но только два народа — испанцы и португальцы — завладели ими: Испания забрала себе Америку, а Португалия — побережье Индии и богатейшие острова, которые лежат между Австралией и Азией. При этом Испания и Португалия заключили между собой союз и не пускали чужих купцов торговать в новых землях.

Французы, англичане, немцы и голландцы возмущались, но сделать ничего не могли.

Англия сунулась было торговать, но вскоре прекратила торговлю: испанцы жестоко расправлялись с английскими купцами. Идет, бывало, мирный английский корабль к берегам Америки — и вдруг его окружают испанские суда. Они забирают корабль в плен, а команду вместе с капитаном предают жестокой смерти: жгут на медленном огне или вешают на мачтах пленного корабля и так пускают его по морю, чтобы не было повадно другим лезть в эти воды.

Что было делать? Конечно, если бы Англия тогда была сильнее Испании, она просто объявила бы Испании войну и постаралась бы ее уничтожить. Но Испания в то время была могущественна и имела огромный флот. В ней жило больше 20 миллионов человек, а в Англии — меньше пяти миллионов.

Все же нужно было как-то бороться с этим страшным производом испанцев на море, нужно было добиваться права торговать. И вот английское правительство исподтишка стало помогать морским разбойникам — пиратам.

Дает правительство такому разбойнику корабль, но с условием, что он не будет нападать на английских купцов. А испанских и португальских пусть грабит: за это вешать не станут. Но пират должен помнить, что если уж попадется испанцам, то из беды пусть выпутывается сам: английское правительство все равно от него отречется и на ссору с Испанией не пойдет. В случае же удачи добычу

делили: часть получало правительство, а остальное пират забирал себе.

И вот тогда морским разбоем занялись и английские купцы. Пиратов стало очень много. И с той поры морской разбой стал страшной силой.

Пираты приобретали славу и богатство. История сохранила нам имена знаменитых разбойников: Гаукинса, Вальтера Ралея и других, которые собирали в своих руках огромные сокровища. У них были целые караваны — по 10—12 кораблей. Они выводили их в океан и тут, вблизи испанских владений, на большой морской дороге, по которой возвращались на родину испанские корабли, груженные пряностями, драгоценными камнями и золотом, подстерегали добычу. Так действовали и другие, менее знаменитые пираты, сбиваясь в большие ватаги, по несколько кораблей вместе.

Завидя в океане одинокий испанский корабль, пираты окружали его и требовали сдаться. Если испанцы не оборонялись, их связывали веревками и высаживали на какой-нибудь необитаемый остров, но не убивали, груз же переносили к себе, а иногда забирали и самый корабль и вели его за собой на буксире. Но очень часто испанцы сразу не сдавались, и тогда английские пираты брали корабль на abordаж. Они подводили свои корабли к самому борту испанского судна и железными крючьями, насаженными на длинные палки, старались прицепиться к нему, притянуть борт к борту. Крючья вонзались в деревянную обшивку, и по мосткам, переброшенным с палубы на палубу, разбойники вскакивали на испанский корабль. Начался рукопашный бой. Тут уж никого не щадили.

Затем пираты с добром, награбленным у испанцев, возвращались обратно домой.

У себя на родине, в Англии, они не считались разбойниками. И там их приезд был настоящим праздником. Приезжал морской разбойник, и в городе появлялись сахар, кофе, табак и разные вещи, без которых нельзя было обойтись и которые трудно было купить, так как испанцы и португальцы брали за них большие деньги. А морские разбойники продавали дешево свои товары, потому что добывали их грабежом. И когда корабли пиратов возвращались в английские порты, их встречали чуть ли не с колокольным звоном.

Сначала пират делился добычей с правительством. Конечно, делаж не был особенно честным. Да и кто мог уследить, сколько богатств было награблено? Обыкновенно капитан и матросы еще в море забирали себе часть добычи, затем отдавали английскому правительству его долю, а остатки снова делили между собой. Случалось, что человек уезжал из Англии нищим, а возвращался богачом: на испанских кораблях, которые грабили пираты, возили много золота, драгоценных камней и товаров.

Бывало и так, что пираты грабили не только испанских, но и своих, английских купцов. Таких пиратов в Англии преследовали, судили, и нередко они погибали на виселице. Однако несмотря на эти случаи морские разбойники считались почтенными людьми даже среди тогдашней английской аристократии.

Пиратка леди Килигрю

БЛИЗИ приморского города Плимута, около самого входа в гавань, стоял огромный замок лорда Килигрю.

И сейчас еще есть в Англии лорды Килигрю из этого же знатного аристократического рода.

Однажды вечером, когда лорда Килигрю не было дома, жена его увидела из окна своего замка, что в Плимутский порт вошел иностранный корабль. Она долго следила за

этим кораблем. Потом позвала слуг и приказала узнать, кому он принадлежит. Ей сказали, что это мирный немецкий корабль. Он пришел из Гамбурга с грузом обуви, платья и дорогого сукна. Тогда леди Килигрю — она была уже старая женщина (лет около семидесяти) — созвала своих слуг: садовника, кучера, конюхов и других, — которых набралось 22 человека, и велела им быть наготове. После полуночи, в два часа, она посадила их в лодки, сама тоже села и направилась к кораблю. Она узнала, что матросов отпустили с корабля на берег и после долгого пути они всю ночь будут кутить и пьянствовать в портовых кабаках. А на корабле осталась только небольшая стража — 15—20 человек: ведь войны с немцами не было, и корабль пришел в дружеский порт. Бояться, как будто, было нечего.

Часа в три ночи лодки осторожно подплыли к борту корабля. Люди потихоньку, бесшумно взобрались на палубу. И началась резня. А леди Килигрю, сидя в лодке на своем месте, подавала команду. Все матросы были перебиты, а трупы их выброшены в море. Всю ночь шныряли лодки от замка к кораблю и обратно, перевоза награбленные товары. Их прятали в подвалах замка Килигрю. Подвалы эти были огромны, так как лорды Килигрю и раньше занимались морским разбоем. Но на этот раз прятать приходилось хорошо, потому что грабить немцев да еще в английском порту не разрешалось. Однако леди Килигрю ничего не оставила на корабле: все перетащила к себе.

Все же береговая стража заметила, кто грабил. Уж очень часто в эту ночь шныряли лодки. Немецкие купцы подали жалобу. Началось следствие, и старую леди Килигрю посадили в тюрьму. На допросе леди Килигрю все отрицала. Но уж слишком много было против нее улик.

— Вас повесят! — сказал ей следователь.

Она расхохоталась.

— Скорее тебя повесят чем меня, — ответила она следователю.

И в самом деле, ее не повесили, хотя 10 человек, помогавших ей, все же попали на виселицу. Леди же Килигрю отпустили на все четыре стороны: она успела откупиться. И все это сделала женщина, которой было почти семьдесят лет.

ТВАЖНЫМ и знаменитым разбойником был и Вальтер Ралей. Он первый привез из Америки картофель и табак, и до него в Европе люди не знали, что такое куренье. Он был очень богат. У него были дворцы и имения, и сама королева Елизавета милостиво относилась к нему. Но милость эту она оказывала не даром. Ограбит Вальтер Ралей в море испанский корабль и является в Лондон к королеве Елизавете. Тут начинается дележ.

И нередко Вальтер Ралей жаловался друзьям, как трудно бывало делиться с королевой.

— Привез я недавно, — говорил он, — жемчуга; большую корзину, обшитую внутри парусиной, полную доверху жемчугов. Привез и явился во дворец к королеве. Стали делиться. Сначала все шло по-хорошему: разделили поровну; половину мне с матросами, а половину ей. И стала она меня все просить, чтобы я из своей доли показал ей лучшие жемчужинки. «Посмотреть, — говорит, — только хочется». Показываю я ей одну жемчужину за другой, а она посмотрит, повертит и кладет их в свою кучу. Так они у нее и остались. Ну что тут с ней поделаешь?! Не драться же с королевой!

Между тем испанцы, которые очень страдали от набегов морских разбойников, посылали Англии самые грозные предостережения. Английское купечество, как один человек, стояло на стороне пиратов. Поддерживала их и королева Елизавета. Но, опасаясь испанского короля Филиппа, она старалась ему доказать, что такие люди, как Вальтер Ралей, — не разбойники, а мирные жители и честные подданные английской короны.

Так шло дело, пока между Испанией и Англией не загорелась война.

Редко за все время существования Англии — а существует она уже полторы тысячи лет — бывали в истории ее такие страшные дни.

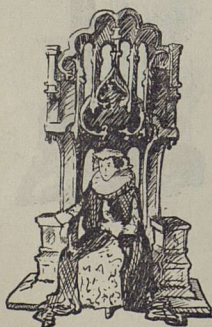
Испания собрала весь свой флот, а флот у нее был по тому времени огромный: раз в пять больше того, что могла выставить Англия. И вот тут-то морские разбойники во главе с Вальтером Ралеем оказали Англии великую услугу. Они, конечно, понимали, что в случае победы Филиппа в первую очередь погибнут они. Их ждала ужасная судьба, потому что испанцы распрыгались с морскими разбойниками жестоко: их подвергали пыткам, мучили, калечили и, наконец убивали.

И вот в 1588 году «Непобедимая армада» — так называли испанцы свой флот, потому что флот по-испански — «армада», — соединив все свои корабли, вышла из испанских вод и двинулась к английским берегам. Наступила грозная пора.

«Непобедимая армада» вошла в узкий пролив, который французы называют Ламанш, т. е. «рукав», отделяющий Англию от материка.

И тут на испанскую армаду напал английский флот, а с ним и целая туча морских разбойников.

Испанский адмирал рассказывал потом, что все это действительно было похоже на тучу комаров, облепивших огромное животное. А как бы ни было сильно животное, но и оно может погибнуть от укусов громадной комариной тучи.

Англичанам повезло. Страшная буря прошла над Ламаншем и разметала в разные стороны корабли «Непобедимой армады». Когда же буря кончилась, англичане по частям стали уничтожать испанский флот. Не имея возможности нигде пристать к берегу и отдохнуть, армада должна была обехать вокруг Англии и вернуться в Испанию. Но это уже была не та «Непобедимая армада», а только ее тень: даже десятой части не осталось от всех боевых судов.

Все это случилось в самом конце шестнадцатого столетия.

С тех пор морские разбойники приобрели в Англии еще большую славу. И по сейчас в английских буржуазных школах на них смотрят как на народных героев, оказавших в свое время отечеству громадную услугу, забывая, что были за ними и грешки: воровство и разбой.

Правда, это был храбрый и лихой народ. Но полагаться на них все-таки было нельзя. И даже самые знаменитые из них нередко кончали свою жизнь на плахе.

Так случилось и с Вальтером Ралеем.

Золотая страна — Эльдorado

МЕРЛА королева Елизавета, и на английский престол вступил новый король — Яков I. Времена изменились. Теперь уже не Испания, а Франция угрожала Англии, и англичанам выгодно стало с Испанией дружить. Но испанцы, прежде чем вступить в союз с Англией, потребовали от нее унять своих разбойников.

И вот король Яков I решил прекратить морской разбой. Но не тут-то было! От отца к сыну передавалось это ремесло, и расстаться с ним было нелегко.

К тому же пираты были замечательные мореходы. Тогда еще не знали паровых машин. На крохотных суденышках под парусами пираты совершали далекие путешествия по океанам. Корабли, на каких плавали разбойники, были не больше обычной комнаты или мелкой баржи, а те, которые были больше, считались солидными кораблями.

На таком вот корабле под парусами знаменитый пират Гаукинс, выйдя из Англии, переплыл Атлантический океан, обогнул Америку с юга, вошел в Тихий океан, поднялся вдоль берегов Калифорнии и вернулся в Англию. Он совершил кругосветное путешествие, переплыв три океана: Атлантический, Великий и Индийский.

Первый человек, кто совершил кругосветное путешествие, был Магеллан. Но он только обехал вокруг земли. Гаукинс же сделал то же самое, да еще и грабил в пути. В Атлантическом океане он ограбил несколько испанских кораблей, а в Тихом разорил дотла острова, которыми владела Португалия.

Правда, половину своих матросов Гаукинс потерял убитыми, корабли, на которых он вернулся, были уже не те, с которыми он вышел, а чужие, захваченные грабежом, но все же путешествие свое он совершил до конца. Вот какие люди были эти разбойники!

Итак, после смерти королевы Елизаветы англичане уже не хотели ссориться с испанцами. Велено было разбой прекратить, но это было трудно. Когда по жалобе испанцев схватили одного пирата и на суде спросили его, почему он не прекратил разбой, он ответил: «Как же мне прекратить? Ведь если я каждый день с утра до вечера буду работать каменщиком, плотником или огородником, то за целый год я выработаю 40 или 50 фунтов стерлингов. А тут за одно удачное путешествие я привезу не 40, а 4 тысячи таких монет, и все мое путешествие будет продолжаться каких-нибудь 3—4 месяца. Я могу обеспечить себя на всю жизнь и потом ничего не делать». Его спросили, почему он не сберет себе ничего из награбленных богатств. Пират сказал: «Я к этому не привык. Когда я возвращаюсь домой, я живу в свое удовольствие и деньги швыряю направо и налево. Жизнь пирата коротка, нужно уметь пользоваться ею. И уж если суждено жить недолго, то надо пожить как следует». Таким же был и Вальтер Ралей.

В то «доброе старое» время, когда разрешалось разбойничать на море, Ралей стал богатым и знатным человеком. Но и при Якове I, когда разбойничать было запрещено, Ралей не прекращал разбоя. Его поймали и посадили в тюрьму. И теперь еще существует в Лондоне та старая тюрьма, в которую был заключен Вальтер Ралей. Это огромная грозная башня, точно крепость, выложенная из камня. Высокие, неприступные стены окружают ее. И вот Ралей, человек, привыкший к вольному воздуху, к морю, к веселой жизни, принужден был сидеть в заточении в полумраке крошечной камеры. Он просидел несколько лет. И вот что он придумал: он велел передать Якову I, что знает в Южной Америке, по реке Амазонке, место, где находится царство золота.

Ведь и до сих пор в Южной Америке, в Бразилии, существуют места, куда еще не ступила нога белого человека. Только краснокожие туземцы знают эти таинственные джунгли. А в те далекие времена о новых землях рассказывали чудеса. Ходили слухи, что где-то, на юге Америки, есть золотая страна, где золото лежит не просто в песке, около рек, как его обыкновенно находят, а залегло пластами, и что будто бы жители той страны купаются в реке, а потом мокрыми ложатся на песок и встают, покрытые золотом с головы до ног. Слухи об этой сказочной стране ходили и в Испании, и испанцы называли ее Эльдorado.

Люди долго мечтали и верили, что есть на свете золотая страна — Эльдorado. И даже в девятнадцатом веке, лет 75 назад, когда Америку знали гораздо лучше, нашелся один англичанин, который снарядил экспедицию для поисков этого Эльдorado.

Так вот Вальтер Ралей заявил Якову I, что он открыл Эльдorado и знает, как туда пройти. Он просил дать ему два корабля и обещал все богатства Эльдorado отдать английской казне. Но за это Яков I должен был освободить Ралея из тюрьмы. Король ему поверил, и Ралей поехал в Южную Америку. Вряд ли Вальтер Ралей сам верил в эти рассказы: никакого Эльдorado он во время своих прежних путешествий не открывал. Но перед ним было два выхода: или погибнуть в тюрьме или же, по крайней мере, хоть пожить на воле. А может быть и в самом деле он надеялся найти Эльдorado и стать свободным.

Так или иначе, он поплыл по реке Амазонке. Никакого Эльдorado он не нашел, но по пути по старой привычке взял да и съел два испанских города. Что ему было делать? Возвратиться в Англию — посадят опять в тюрьму да еще повесят как обманщика.

Остаться тут — значит... попасться в руки испанцам. Ралей знал, что испанцы с него живого кожу сдерут, а тот, кто доставит его живым или мертвым, получит тысячу золотых монет. И Ралей вернулся в Англию.

Об этом узнал испанский посол. Однажды утром, когда король Яков I еще не встал с постели, в спальню к нему ворвался испанский посол. «Вы посылаете к нам пиратов! — кричал он. — Вы послали в Америку Вальтера Ралея, который съел два города!» Тут Яков I увидел, что случай этот так просто ему не пройдет. Нужно было что-то предпринять. И он отдал Ралея под суд.

Испанский посол требовал, чтобы Ралея судили как простого разбойника. И так как Яков I все-таки хотел дружить с испанцами, ему оставалось только подчиниться. Ралея судили и приговорили к смертной казни. Но на английское купечество и аристократию это осуждение Вальтера Ралея произвело самое ужасное впечатление. Помня его подвиги в боях с «Непобедимой армадой», они считали его народным героем.

В день его казни весь Лондон был в трауре, женщины выходили на улицу в черных платьях. Его вывели к месту казни. Палач, который должен был отсечь Ралею голову, на виду у всего народа кинул в сторону топор, а сам бросился в ноги Вальтеру Ралею, целовал его руки и умолял простить его. А затем отсек ему голову.

Вот какими средствами наживала Англия свои богатства, не даром Марк говорил, что богатство буржуазии во всех странах началось с разбоя и грабежа в колониях и на морях.

Морские разбойники существовали несколько столетий и перевелись всего лет 150 назад. Появился паровой флот. Новые паровые суда оказались сильнее и быстрее пиратских суденышек, и морские разбойники уйти от них не могли. Разбойничать на море стало трудно, и с той поры постепенно морские разбойники перевелись.

Вы прочитали очерк профессора Е. Тарле об английских морских разбойниках. Очень интересно, какое воспоминание о пиратах сохранилось в стране в течение столетий. Баллада английского поэта Роберта Саути отражает представление о разбойниках, смелых, не боящихся ни бога, ни чорта людях. Роберт Саути — современник великого поэта Байрона. Балладу эту он написал в 1802 году на основании старинного предания о подводном острове Инчкэйп, в Северном море. Во время прилива остров покрывался водой. Некий аббат Абербротог укрепил на этих рифах колокол, приводимый в движение волнами. Колокол предупреждал моряков об опасности. Пират снял этот колокол и сам погиб, налетев на риф.

Предание описывает гибель пирата как наказание за жестокий нрав, за богохульство, но не отказывает ему в храбрости и силе.

Во всей этой истории отразилось и опасливое отношение к богохульнику-пирату и восхищение его смелостью.

Инчкэйп

Баллада

Роберт Саути

Рис. Ю. Кискачи

Перевод Наталии Кончаловской

Был тих и ясен океан,
Пришел корабль из дальних стран,
И неподвижно он стоял,
Как будто ветра в море ждал.

Бесшумен был в тот день прилив.
Бежали волны через риф,
Через Инчкэйп катился вал,

Но медный колокол молчал.
Уж много лет тому назад.
Его привез один аббат
И буй на рифах укрепил,
Чтоб в бурю колокол звонил.

Чтоб над пучиной плавал он,
Чтоб корабли слышали звон
И обходили страшный риф,
Аббата поблагодарив.

С утра рассеялся туман,
Сверкал на солнце океан,
С веселым криком над водой
Носились чайки чередой.

И в океане голубом
Инчкэйпский буй темнел пят-
ном.

Сэр Джон под мачтами ходил,
От буя глаз не отводил.

Сэр Джон с матросами шутил,
Он весел был и полон сил,
И он смеялся громче всех,
Но нечестив пирата смех.

Он буй разглядывал, и вот
Он приказал: «Спустите бот.
Сегодня я шутить хочу
И над аббатом подшучу!»

*Александр Македонский побеждает собакоголовых людей.
Рисунок из средневековой рукописи.*

Существуют ли высшие и низшие человеческие расы?

Проф. А. М. Быховский

Кто лучше и умнее: немцы или англичане, русские или евреи, грузины или итальянцы, индейцы или французы?

Кого может занимать такой нелепый вопрос? Разве мы не видим на каждом шагу, как русский, украинец, еврей, грузин, татарин, узбек работают рядом, одинаково хорошо делают свое дело. Среди каждого народа у нас, в Советском союзе, становится все больше стахановцев, летчиков, героев-пограничников, отважных капитанов, писателей и ученых.

У русских был Пушкин, у грузин — Руставели, у англичан — Шекспир, у немцев — Гете. Неграмотные индейские певцы сложили гениальную «Песню о Гайавате», которой все мы восхищаемся.

Какой народ лучше и какой хуже — глупый и нелепый вопрос!

Но есть сейчас страна, где этот вопрос разбирается всерьез и где выдумана даже целая «наука»... о высших и низших людях! Эта страна — фашистская Германия.

Нашлись и немецкие «ученые», которые доказывают, что есть только одна «высшая раса». Остальные — одни в большей мере, другие в меньшей — все гораз-

до хуже, ниже и глупее этой «высшей расы».

Вы, конечно, догадываетесь, кого немецкие фашисты считают «высшей расой»? Самих себя!

Самая «высшая раса», по их словам, — это «арийцы» (и самое слово «арийцы» означает «благородные»). Какие же такие эти арийцы?

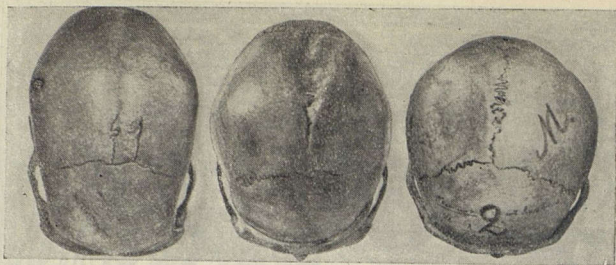
Арийцы высьего роста, со светлыми волосами, голубыми глазами, а голова у них, если посмотреть на нее сверху, длинная.

Фашистские «ученые» уверяют, что это и есть портрет немцев, и даже не всех немцев, а немецких дворян, генералов, фабрикантов и фашистских вожаков — «лучшей части нации», как они утверждают.

Фашисты готовят войну. Они жаждут завоеваний и господства над другими странами. Они заставляют и свою «науку» подготавливать войну.

Если они — такая уж «высшая раса», то им, мол, и сам бог велел стать хозяевами земли.

И фашистская «наука» преворачивает

Так выглядят человеческие черепа, если смотреть на них сверху. Слева — череп «длинноголового» человека, справа — «круглоголового», между ними — череп «мезоцефала» (человека с «промежуточной» формой головы).

вверх дном всю историю, чтобы доказать, что арийцы — это «соль земли».

Вот, например, все мы знаем, что были когда-то великие культуры древних египтян, древних римлян, древних греков.

Ничего подобного! — говорят фашисты. Египтяне, греки и римляне тут не причем.

Все это — дело рук «арийцев», то есть немцев.

Прямо-таки ошеломляющее «историческое открытие»!

Как же это так?

Оказывается, очень просто! Немецкие арийцы, видите ли, очень любили далекие походы и путешествия. Они дошли когда-то до греческих гор, итальянских равнин и нильских долин и организовали там замечательные культуры древности. Даже и до Китая добрались и организовали китайскую культуру. Вообще, где бы какая культура ни возникла, — всюду, выходит, действовали «арийцы».

А отчего же эти великие культуры погибли? Это уж совсем просто. Постепенно арийская длинноголовая и голубоглазая верхушка смешалась с низшими, туземными расами, — и головы у правителей древнего Рима, Египта, Греции округлились.

Вот вам и вся причина гибели великих древних культур!

Всякий третьеклассник, прочтя все это, расхохочется. В самом деле, как тут не вспомнить русскую пословицу, что «гречневая каша сама себя хвалит»? Но гречневая каша зато ведь и не имеет профес-

сорского диплома. А немецкие «расовики» называют себя «учеными»!

То, что фашистская наука ставит своей целью сохранить буржуазное господство и подготовить войну (и в первую очередь против нашей родины, против Советского союза), — это ясно. Но вот есть ли хоть какой-нибудь смысл в этих разговорах о том, что существуют расы умные и глупые? Правда ли, что в государствах древних греков, римлян, египтян и т. п. была какая-то особая верхушка, похожая на «арийцев», как их изображают фашистские «ученые»? Верно ли, что человек со светлыми волосами, голубыми глазами и длинной головой — самый умный человек? Да и существует ли вообще на свете «чистая арийская раса»?

Начнем вот с чего: что такое вообще человеческие расы? И сколько их?

На земле живет очень много разных людей. Немало веков потребовалось, пока наука выяснила, сколько этих разных народов на земле.

Великий завоеватель древности Александр Македонский во время своих походов дошел до Индии. Тогда-то европейцы узнали о многих, до того неизвестных народах. И сколько же сказок и легенд придумали про них! Посмотрите на картинку, изображающую небывалых людей, с какими будто бы воевал Александр Македонский. У них собачьи головы, страшные клыки и когти на пальцах. На других картинках изображали шестируких людей. Даже малый ребенок не поверит сейчас, что такие люди могут где-нибудь существовать. А эти картинки нарисованы были

через полторы тысячи лет после походов Александра Македонского: так долго ученые верили в шестируких и собакоголо-вых людей!

Когда 28 октября 1492 года каравеллы Колумба пристали к Багамским островам, европейцы впервые встретились с жителями Америки. Это были индейцы-караибы. Их тело было разрисовано красной краской (так всегда разрисовывали свое тело воины у караيبов), и вот с тех пор и повелось, что индейцев называют краснокожими, хотя кожа у них совсем не красная, а бронзового цвета.

Храбрые караибы не очень испугались бледнолицых пришельцев, но зато пришли в неописуемый ужас от привезенных европейцами невиданных чудовищ — лошадей. Они думали, что лошади пожирают людей. Впрочем, скоро караибы убедились в своей ошибке: чудовищами-то, пожирающими людей, оказались не лошади, а приплывшие через океан гости.

Начало завоевание Америки. Туземное население порабощалось, целые области безжалостно истреблялись. Завоеваны и разрушены были и старые культурные государства индейских народов: ацтеков — в Мексике, инков — в Перу. Европейцы искали золото, золото и золото! Индейцы так и решились, что золото — это главный бог европейцев.

Вот этот-то самый бог и гнал в неведомые, далекие края многих путешественников той «эпохи великих географических открытий», как ее называют. Особенно упорно искали дорогу в Индию. По всей Европе ходили заманчивые рассказы о сказочном богатстве этой страны, о драгоценных камнях, валяющихся на земле, о жемчуге и о пряностях. И в 1497 году португалец Васко де Гама, об'ехав вокруг Африки, впервые добрался до знаменитого индусского торгового города — Калькутты. По дороге, на африканских берегах, он встретил готтентотов, негров-банту и арабов.

В 1502 году Васко де Гама снова поехал в Индию, уже с большим военным флотом. Многолюдная Калькутта была разрушена. На Малабарском берегу построили крепость. Индусов истребляли тысячами, так же, как индейцев в Америке. Но Португалия зато богатела. А европейский бог — золото — требовал все новых открытий и жертв.

До таинственной страны драгоценных индийских пряностей Васко де Гама не

добрался. Они росли где-то дальше, в неведомых краях.

Через 9 лет туда попал Альфонсо д'Альбукерк. Он побывал на Цейлоне, на Зондских островах. Корабли Альбукерка достигли и Молуккских островов — это были острова пряностей. Альбукерка прозвали Наполеоном Индии. С невероятной жестокостью он покорил беззащитных малайцев, жителей страны пряностей, и Португалия стала тогда самым главным хозяином в торговле Европы с Индией.

Завоеватели почти не считали туземцев за людей. Тогда даже придумали, что «белые», мол, произошли от Адама и Евы, как это рассказано в Библии, а «цветных» бог сотворил вместе с остальными животными. Видите, зачем понадобилась самая первая теория о «высших» и «низших» расах?

Мало-помалу завоеватели, купцы и путешественники обошли и об'ехали на кораблях всю землю. И только в 18-м веке наука попыталась, наконец, разобраться в расах и народах, населяющих землю. Великий шведский ученый Линней, тот самый, который распределил по группам все растения и всех животных, разделил и людей на четыре главные расы. И вот как он описывает их:

«1. Американец (туземное население Америки) — красноватый, стройный, с черными прямыми толстыми волосами, веснущат и почти безбород. Вспыльчивый, упорный, самодовольный, свобододолюбивый. Покрыт татуировкой. Управляется на основании обычаев.

2. Европейец — белый, мясистый, с желтоватыми кудрявыми волосами и голубоватыми глазами. Легко подвижный, остроумный, изобретательный. Покрыт тесно прилегающим платьем. Управляется на основании законов.

3. Азиат — желтоватый, крепкого сложения, с черными прямыми волосами и карими глазами. Упрямый, жестокый, любящий роскошь, скупой. Носит широкое платье. Управляется на основании верований.

4. Африканец — черный, флегматичный, вялый. Черные, как уголь, спутанные волосы, гладкая, шелковая кожа, плоский нос, вздутые губы. Хитер, ленив, равнодушен, мажется жиром. Управляется посредством произвола».

Линней думал, что кроме этого есть еще «чудовищные люди» и «дикий человек» — голый и немой. Как видите, еще двести лет

Арабская девушка из Туниса.

назад верили в то, что где-то на земле живут фантастические народы.

Но и в четырех главных расах Линнея — какая смесь самых разных, и важных и неважных, признаков! Кто поверит теперь тому, что все население Азии, Европы или Америки имеет один и тот же характер? Ведь даже братья иной раз совсем по характеру непохожи друг на друга.

Ненцы, якуты, чукчи и сейчас, при советской власти, остались народами тех же рас, хотя они «управляются» вовсе не «на основании верований». А сколько раз со времен Линнея менялись моды на одежду! Линней описывал своих современников, и притом не крестьян даже, а дворян, придворных, военных, которые ходили в тесно обтянутых лосинах. И Линней был твердо убежден, что это вечный и неизменный расовый признак европейца!

Но не говоря уже обо всем этом, ясно, что Линней насчитал слишком мало рас. Вот посмотрите на арабскую девочку из Туниса, на зулуску и на бушмена. Разве они совсем одинаковы, хотя все живут в Африке? И разве итальянец, черноглазый и обычно невысокого роста, похож на вы-

сокорослого и голубоглазого шведа? А ведь оба они — европейцы!

И чем больше и внимательнее изучали ученые население земного шара, тем все больше приходилось увеличивать число рас.

Вскоре после Линнея их стали считать пять, затем семь, двадцать две, двадцать девять, наконец, шестьдесят и даже сто с лишним рас.

Сколько же их всех? Сосчитать их настолько трудно, что один крупный ученый, Лушан, даже совсем махнул рукой на это дело и сказал так: задаваться вопросом о числе рас — это все равно, что думать о том, сколько ангелов может танцевать на острие иголки.

Негры и австралийцы на европейских кладбищах

Отчего же это происходит? Дело в том, что человеческие расы совсем не резко отграничены одна от другой. И какой мы признак ни возьмем, между человеческими расами все равно окажется множество переходов.

Кажется, уже на что ясный отличительный признак — цвет кожи. А на самом деле — нет ничего изменчивее. Ученые пользуются для определения цвета кожи таблицей, в которой есть 34 образца окраски кожи. У австралийцев кожа очень темная, у зулусов — гораздо светлее, а у бушменов — почти такого же цвета, как у некоторых китайцев. Смуглые арабы («белой» расы!) бывают темнее иных «желтых» японцев.

До того, как в Германии пришли к власти фашисты, в немецкой науке было немало крупных ученых — антропологов, которые отлично знали, что никаких «чистых» рас на земле не существует (не существует, значит, и никакой чистой арийской расы).

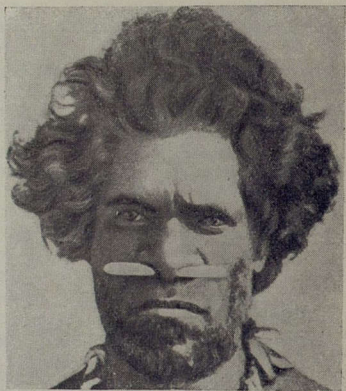
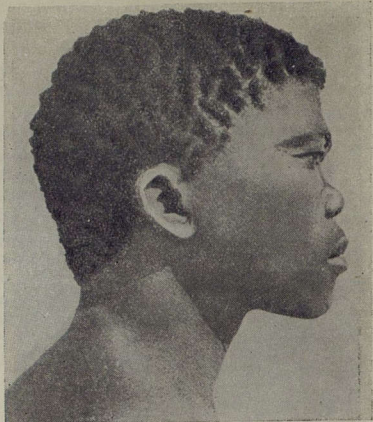
Один из этих ученых, живший в провинциальном немецком городке, однажды удивил своего друга, показав ему замечательную коллекцию черепов всех человеческих рас, такую, которой мог бы гордиться любой мировой антропологический музей.

— Откуда вы взяли их? — в изумлении спросил друг.

— Очень просто, — ответил ученый. — Все эти «негры» и «австралийцы» — с нашего городского кладбища!

Наверху, слева, — лапландка, справа — эскимос, внизу — индейцы. Черные прямые волосы, широкоскулое лицо, косой разрез узких глаз, желтоватую кожу мы считаем признаками монголоидной расы. Но у лапландцев так мало «монгольских» черт, что ученые не решаются даже причислить их к монголоидной расе. Немного монгольского также у одного из индейцев (справа, внизу). Зато представитель другого индейского племени (слева, внизу) убеждает нас в том, что индейцев следует все-таки отнести к монголоидной расе.

А эти четверо — представители негроидной расы. И у зулуски (сверху, слева), и у бушмена (сверху, направо), и у папуаса (снизу, слева), и у австралийца (снизу, справа) — толстые губы, жесткие курчавые волосы, выступающие (больше или меньше) челюсти. И у Пушкина, потомка «арана Петра Великого» (выходца из Абиссинии), тоже были еще курчавые волосы и толстые губы! Но, посмотрите, как непохожи эти четверо, сфотографированные здесь. Самая темная кожа у австралийца, у зулуски гораздо светлее, а бушмен лишь немногим темнее китайца. У папуаса целая шапка вьющихся волос. А у бушмена волосы вьются группами, образуя «островки», похожие на перечные зерна (бушменов и называют «перечноволосыми»).

Фашисты хвастаются «длинноголовостью» «арийцев». Но никакой сплошь длинноголовой расы не существует. И среди самых чистокровных немцев есть множество людей с круглыми, «короткими» головами. А с другой стороны, есть много народов, среди которых людей с удлинненными головами столько же и даже больше чем среди немцев. Это итальянцы, испанцы, негры, бушмены, папуасы, австралийцы, эскимосы, некоторые индейцы, туркмены — видите, какой длинный список. А негры, к тому же, и высокорослые. А самыми высокими людьми (средний рост около 180 сантиметров) считаются патагонцы в Америке и одно из негритянских племен.

Голубые глаза, светлые волосы тоже встречаются у многих европейских рас, а не только у «арийцев»! А волнистые волосы, помимо европейцев, мы найдем и у австралийцев, и у веддов с острова Цейлона, и у айнов с Курильских островов.

Все люди на земле соединяются как бы в единый ряд, в единую цепь с бесконечным множеством переходных звеньев. Невозможно разорвать эту цепь надвое: это, мол, — «высшие», а то — «низшие».

Нет на свете „умных“ и „глупых“ народов

Да и кто вообще доказал, что длинноголовые люди — самые умные?

Великие философы, ученые, писатели, композиторы часто были, наоборот, «круглоголовыми». Таких немало: Кант, Лейбниц, Лаплас, Шопенгауэр, Гете, Вольтер, Бетховен. К тому же многие из них были низкого роста, с темными волосами и глазами, словом — явно не «арийцы».

Самые тщательные научные исследования показали, что нет никакой связи между умом и формой головы. Умными могут быть люди и с длинной и с короткой головой. И глупыми иной раз бывают люди совсем независимо от того, какая у них с виду голова!

Но как насчет того, что во всех древних государствах правители якобы отличались от народной массы?

Греческие, римские и египетские статуи полководцев и правителей сейчас хорошо изучены. Их сравнивали с костяками и черепами «простых людей», сохранившимися на древних кладбищах. И статуи и черепа оказались одной расы. Значит, «правящая верхушка» по своей расе

не отличалась от «низов». Она совсем не была пришлой, как утверждают «расовики».

Да ни великие люди древности, ни представители этой «верхушки» не походили на арийский портрет. Юлий Цезарь был черноглаз, Август, Флавий, Веспасиан — круглоголовы.

Так ничего не получилось из фашистского «открытия», что немецкие арийцы создали культуры Рима, Греции, Египта, Ассирии-Вавилонии и даже Китая!

Но если бы мы даже не видели ни одной древней статуи, не измеряли ни одного черепа, не знали бы жизни никаких великих людей древности, то и тогда нелепость фашистских теорий была бы ясной. Ведь если эти «арийцы» могли создать такие замечательные культуры далеко от своей родины, где им сопротивлялось туземное население, то почему же они у себя дома не придумали в те времена ничего кроме первобытного варварства?

Мы сравнивали расы и народы человечества со звеньями одной цепи. Не существует и не может существовать никаких «чистых» рас. Все человечество едино. Все человечество, как говорят ученые, произошло «от одного корня». Значит, можно сказать так, что все люди, в конце-то концов, — родственники.

Но это не значит, что все люди по своим телесным признакам одинаковы. Люди, живущие в разных местах земли, постепенно приобрели разные телесные признаки. Современная наука делит человечество на небольшое число основных рас — расы первого порядка, которые в свою очередь делятся уже на вторичные расы — расы второго порядка. Только в будущем мы сможем более точно сосчитать число этих вторичных рас.

Расы первого порядка — это «европеоидная», «негроидная» и «монголоидная». Русские, немцы, французы, англичане, итальянцы, евреи, арабы в Африке, феллахи, живущие в Египте, — все это европеоидная раса. Назвать ее европейской будет неправильно. Ведь не все люди этой расы живут в Европе. Тунгусы, гиляки, якуты, монголы, японцы, китайцы, а также лапландцы и татары, живущие в Европе, индейцы и эскимосы, живущие в Америке, составляют монголоидную расу. Африканские негры, австралийцы, папуасы и жители многих островов Океании — негроидная раса.

У всех представителей каждой из этих рас есть много общего друг с другом. Их

всегда можно узнать. И все же в каждую из этих больших рас входят очень различные люди. Японцы непохожи на монголов, а монголы — на индейцев. Смуглого араба всегда отличишь от украинца.

Да и кроме того — еще раз напомним про это — нет ни одного народа, который состоял бы из одной расы. Есть немецкий, французский, еврейский народы, но нет никаких «немецкой», «французской», «еврейской» рас (вопреки тому, что говорят «расовики»). Каждый народ состоит из множества «расовых типов» и помесей между многими расами.

И никак нельзя сказать, какая раса умнее, а какая глупее. Наблюдения путешественников, учителей школ, специальные обследования показывают, что нет одаренных и неодаренных народов и «расовых типов».

Европейцы, правда, достигли высокой культуры, а негры в Африке до сих пор охотятся с копьями и стрелами. Но это не потому, что мы или наши предки были умнее. Тут множество самых различных и сложных причин.

Вот, посмотрите, у нас, в Советском союзе, уничтожен национальный гнет, нет эксплуататоров, и поэтому все народы учатся и одинаково хорошо могут строить счастливую, культурную жизнь. И как быстро у нас шагают вперед самые отсталые народы! Рядом с русскими профессорами совершают открытия профессоры-узбеки, профессора-татары, профессоры-туркмены. А ведь совсем недавно туркмены были отсталым, кочевым племенем.

Даже буржуазные учителя и исследователи должны были признать, что часто, например, и маорисы с Новой Зеландии и негры учатся в школе лучше чем дети европейцев. Недавно американские ученые специально обследовали 7 тысяч индейцев, 5 тысяч мексиканцев, 4600 итальянцев, 3500 испанцев, 2400 негров и 1300 китайцев. Среди всех них нашлись люди более одаренные и менее одаренные, но ни одна раса не оказалась одареннее другой.

Деление на высшие и низшие расы всегда придумывал класс эксплуататоров для того, чтобы оправдать свое господство.

Нет и не может быть никакой «науки» о «высших» и «низших» расах. Фашист-

скую лженауку пропагандируют сейчас в гитлеровской Германии. Но такой лженауки не будет нигде в мире, когда мировая пролетарская революция навсегда покончит с делением человеческого общества на классы.

Фашисты — самые зверские враги рабочего класса. Они больше всего заинтересованы в том, чтобы посеять рознь среди рабочих разных стран: поэтому им и выгодна гнусная выдумка про «высшие и низшие» расы, которую они называют наукой.

Натравить рабочих и всех трудящихся разных стран друг на друга, уничтожить их, отравить их газами, расстрелять их пулеметами, заставить их умирать за интересы «своей» буржуазии — вот чего хотят фашисты — зачинщики и поджигатели новой мировой войны.

А больше всего ненавистна им страна социализма, где уничтожены эксплуататорские классы, где у власти рабочий класс, где все нации равны, где наука свободна. Против этой страны, против нашей родины в самую первую очередь готовят фашисты войну, к нам они засылают больше всего шпионов, вредителей, диверсантов и троцкистских бандитов.

Придумывая расовую лженауку, фашисты борются с настоящей наукой: ведь она говорит ненавистную им правду. Опровергнуте ее они не могут. Они просто пытаются ее уничтожить.

Во многих городах Германии книги неугодных ученых, писателей, философов фашисты жгли на кострах.

Они сожгли тысячи книг. И не только книги Маркса и Энгельса, но даже и поэта Гейне и математика Эйнштейна. И когда эти книги горели, мракобесы — штурмовики и фашистские студенты — плясали вокруг костров.

Лучших ученых, которые создавали славу немецкой науке, они изгнали из страны или бросили в тюрьмы и концентрационные лагеря. Знаменитый немецкий ученый Эйнштейн бежал в Америку, зоолог Шаксель работает в СССР, писатель Карл Осецкий, получивший нобелевскую премию мира, томится в заточении.

И если в самом деле есть на свете дикари, — это сами фашисты — человеконенавистники и разрушители культуры.

Чарльз Диккенс

(Сто двадцать пять лет со дня рождения)

Чарльз Диккенс в молодости.

Евгений Ланн

В марте 1836 года жители Лондона увидели в книжных магазинах тонкую книжку в светлозеленой обложке. На обложке, вверху, нарисован был молодой человек в клетчатом сюртуке, стреляющий из ружья в дерево, а внизу лодка, в которой сидел заснувший толстяк, забывший про удочку, прикрепленную возле него.

На обложке было напечатано:

«Посмертные записки Пикквикского клуба, содержащие правдивый отчет о странствиях, опасностях, путешествиях, приключениях и охотничьих похождениях членов-корреспондентов, издаваемые под редакцией «Боза» с иллюстрациями».

Английскому читателю имя «Боз» было известно. Читая лондонскую газету «Утренняя хроника», он часто встречал на ее страницах небольшие рассказы и сценки из лондонской жизни, подписанные «Боз».

Эти рассказы и сценки написаны были очень живо и увлекательно.

Повидимому, автор их был хорошо знаком с жизнью и нравами городских жителей; хорошо изучил людей разных классов и групп: купцов, ремесленников, мелких клерков (служащих), лакеев, кучеров, студентов; он прекрасно знал их язык, привычки, особенности их профессий. Правда, он хуже знал быт и нравы пролетариата — промышленных рабочих, которых в Лондоне было уже немало столет назад, но, тем не менее, поражала наблюдательность автора и его осведомленность при описании городской жизни.

Читая эти сценки в газете — очерки из жизни Лондона, — лондонский житель должен был считать «Боза» пожилым человеком, который прожил уже долгую жизнь, накопив те многочисленные наблюдения, которые позволили ему так увлекательно писать свои очерки.

Но читатель ошибался: автору этих очерков было только двадцать два года. Когда же в книжных магазинах появились один за другим выпуски «Посмертных записок Пикквикского клуба», автор был немногим старше: ему исполнилось двадцать четыре года.

Что же был этот «Боз», выступивший с романом, который вскоре после появления первого выпуска обратил на себя внимание не только лондонского читателя, но всей Англии? Это был Чарльз Диккенс. писатель, вскоре приобретший мировую славу.

Чарльз Диккенс был сыном мелкого клерка. Он родился 7 февраля 1812 года в пригороде Портсмута, военного порта на юге Англии, где служил в портсмутских доках его отец. Через два года после его рождения отца перевели на службу в Лондон, а затем в лондонское предместье, маленький городок Чатхем, где мальчик поступил в школу.

Но маленький Чарли недолго учился в школе. Его отец лишился службы, и вслед за этим семью постигло другое несчастье. По английским законам, отмененным только через полвека после рождения Диккенса, каждого должника, который не имел возможности уплатить свой долг, можно было заключить в тюрьму. Арестанта освобождали лишь тогда, когда он сам или кто-нибудь уплачивал за него долг кредитору.

Отец Диккенса попал в такое положение неисправного должника, и его заключили в лондонскую долговую тюрьму Маршелси. У Чарльза было пятеро братьев и сестер, и все они были обречены на голод. Двенадцатилетнему мальчику надо было думать о том, чтобы не умереть с голоду. Мать его с младшими детьми переселилась в тюрьму к мужу, а Чарли должен был поступить на работу в предприятие, изготавливающее ваксу.

Двенадцатилетний мальчик наклеивал ярлыки на баночки с ваксой и закупоривал их, получая за работу с раннего утра

до позднего вечера по семь шиллингов в неделю, т. е. по три рубля.

Он жил в каморке у сухой, черствой старухи, которую он вывел потом в романе «Домби и сын» под именем миссис Пичин, и должен был сам заботиться о том, чтобы его ничтожного заработка хватало на еду и на покупку одежды. Только по воскресеньям он мог навестить в тюрьме отца и мать, которые бессильны были ему помочь. Одиноким, заброшенный, мальчик не мог даже и помышлять об учении.

Полгода продолжалась эта невыносимая жизнь. Небольшое наследство, полученное неожиданно его отцом, помогло семье уплатить долги и освободило его отца из тюрьмы. Чарли снова мог поступить в школу, но не прошло и четырех лет, как семья снова стала голодать, и отец взял его из школы. Он нашел сыну службу в конторе адвоката, куда Диккенс поступил писцом. Ему исполнилось шестнадцать лет.

Вскоре его отец стал работать репортером в газете «Утренний герольд» и устроил туда и сына. Работая в газете судебным репортером, Диккенс увлекся театром, принимал участие в любительских спектаклях и даже стал подумывать о профессии актера. Но он не бросил своей работы и вскоре обратил на себя внимание как способный газетный репортер. Его начали посылать из Лондона в провинцию. Он любил эти поездки, благодаря которым стал знакомом всех средств передвижения (в ту пору в Англии еще не было железных дорог), и с большой охотой описывал их в своем первом романе.

Первый рассказ молодого Диккенса появился в «Ежемесячном журнале», когда автору был двадцать один год.

Вскоре он заключил договор с распространяемой газетой «Вечерняя хроника», но не как газетный репортер, а как писатель. Он задумал дать большую серию

очерков и рассказов из лондонской жизни.

Эти очерки появлялись в газете регулярно в течение двух лет — те самые «Очерки Боза», которые сделали его имя известным до выхода в свет светлозеленой книжки — первого выпуска «Посмертных записок Пикквикского клуба».

«Очерки Боза» послужили отчасти причиной возникновения этого романа. Как это случилось?

Первоначально книгоиздатели Чеммен и Холл не предполагали издавать роман. Они задумали издать рисунки известного художника Роберта Симура. Эти рисунки должны были изображать спортивные приключения нескольких лондонцев, членов спортивного клуба, под названием «Немвродов клуб» (Немврод — легендарный искусный охотник). Под этими рисунками, по замыслу Симура, нужно было давать юмористические подписи.

Издатели предложили давать эти подписи под рисунками автору «Очерков Боза», которые нравились читающей публике.

Когда Диккенс получил такое предложение, он стал возражать против этого плана. Диккенс говорил, что он не знаток спорта и ему будет трудно ограничиться подписями, так как его фантазия подсказывает ему ряд приключений, не связанных с охотой или спортом. Его увлекала мысль объединить героев в какое-нибудь общество, а затем послать их в поездку по Англии, хотя бы в городки, соседние с Лондоном.

Познакомившись с предложением Диккенса, Симур отказался от своего плана, и Диккенс приступил к роману. Так возникли «Посмертные записки Пикквикского клуба».

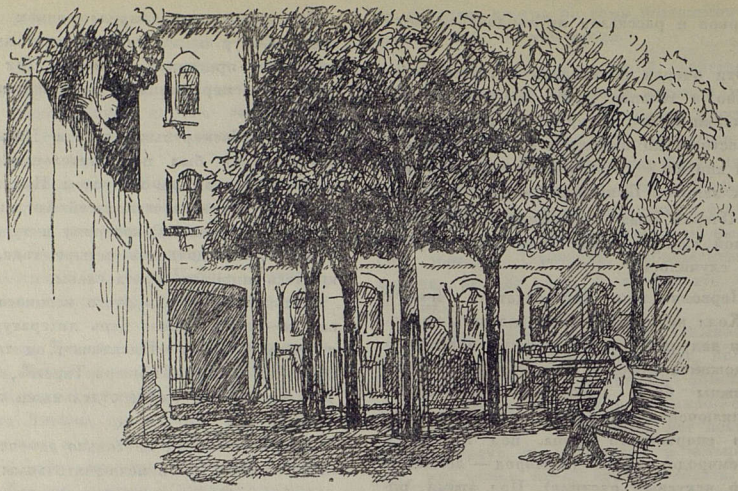
Успех «Посмертных записок Пикквикского клуба» был исключительный. Он возрастал с каждым выпуском. Имя автора «Боз» стало известно всей Англии.

Перед Диккенсом, которому в ту пору было только двадцать четыре года, открылась широкая дорога славы.

Дальнейшая жизнь этого великого писателя — непрерывная цепь литературных успехов. Окончив «Пикквика», он тотчас же начал писать «Оливера Твиста», который также был издан отдельными выпусками.

Диккенс обладал не только замечательным талантом, но и исключительным трудолюбием. Он написал пятнадцать романов, из них немало двухтомных, и семь сборников рассказов и очерков. Многие его книги стали классическими не только у народов, говорящих по-английски, но и во всем мире. Такие романы, как «Посмертные записки Пикквикского клуба», «Оливер Твист», «Давид Копперфильд», «Крошка Доррит», «Домби и сын», «Николай Никльби», «Тяжелые времена», известны в каждой стране не менее чем книги отечественных классиков. Смерть Диккенса (в 1870 году) была тяжелой утратой для всей мировой литературы.

В этом номере журнала вы прочтете «Рассказ школьника» Диккенса, переведенный на русский язык впервые.

РАССКАЗ ШКОЛЬНИКА

Перевод с английского М. Кондратьевой

Чарльз Диккенс

Рис. П. Митурича

Я довольно молод.—Я старею, но пока я еще довольно молод,—поэтому сам я еще не переживал никаких приключений, о которых мог бы порассказать. Пожалуй, здесь никому неинтересно знать, какой выжига наш «достопочтенный» (директор нашей школы), какая шпионка «сама» и как они оба вымогают деньги у родителей, особенно за стрижку волос и лечение.

Одному из наших ребят записали в его счет за полугодие двенадцать шиллингов и шесть пенсов за две пилюли (не очень-то они полезны, думается мне, если стоят по шести шиллингов и три пенса за штуку), а он даже не стал их глотать и засунул в рукав своей куртки. А говядина просто позорная. Это не говядина. Настоящая говядина не состоит из сплошных жил. Настоящую говядину можно жевать. Кроме того к настоящей говядине подается подливка, а на нашей и капли не увидишь.

Другой из наших ребят уехал домой больной и слышал, как домашний доктор

говорил его отцу, что не может объяснить причину болезни иначе, как пивом, которое мальчику давали в школе. Конечно, все дело было в пиве.

Однако говядина — это совсем не то, что Старый Чизмен. И не то, что пиво. Ведь я хотел рассказать о Старом Чизмене, а не о том, как нашим ребятам расстраивают желудки ради наживы.

Да что там! Посмотрите только на корочку паштета. В ней нет рыхлости. Она твердая — ну прямо свинец! От нее у наших ребят бывают кошмары, и тогда их колотят валиками из-под подушек за то, что они кричат во сне и будят товарищей. И не удивительно.

Как-то раз ночью Старый Чизмен начал расхаживать во сне, надел шляпу поверх ночного колпака, взял в руки удочку и крикетную дубинку и спустился вниз, в приемную, а там, естественно, подумали, что это — привидение: такой у него был вид. Будьте уверены: он никогда бы не

сделал этого, если бы ел здоровую пищу. Вот когда мы все начнем расхаживать во сне, тогда наше начальство, наверное, раскается.

В то время Старый Чизмен еще не был младшим учителем латинского языка: он сам был школьником. Когда он в первый раз попал сюда, он был еще совсем маленький, а везла его в почтовой карете женщина, которая все время нюхала табак и встряхивала своего питомца, — это все, что Старый Чизмен помнит о своем приезде сюда. Он ни разу не ездил домой на каникулы. Счета за его обучение и содержание (он не брал дополнительных уроков ни по одному предмету) всегда отсылали в банк, а банк оплачивал их; и ему шли по два коричневых костюма в год, а когда ему исполнилось двенадцать лет, он стал носить сапоги. Они всегда были велики ему так же, как и костюмы.

Во время летних каникул некоторые ребята, жившие поблизости, частенько приходили в школу и влезали на деревья, за стеной площадки для игр, специально затем, чтобы посмотреть на Старого Чизмена, который сидел там и читал один-единешек. Он всегда был кроткий, жидкий на расправу, как чай в нашей школе (а чай у нас достаточно жидкий, будьте покойны!), поэтому, когда ребята свистели ему, он поднимал глаза и кивал головой, а когда его спрашивали: «Эй, Старый Чизмен, чем тебя кормили за обедом?» — он отвечал: «Вареной бараниной», а когда его спрашивали: «Не скучно тебе одному, Старый Чизмен?» — он отвечал: «Скучновато по временам». Тогда мальчики говорили: «Ну, прощай, Старый Чизмен!» — и слезали с деревьев. Конечно, очень нехорошо было так угнетать Старого Чизмена, но давая ему ничего, кроме вареной баранины, на протяжении целых каникул, но это было в духе наших школьных порядков. Если его не кормили вареной бараниной, его кормили рисовым пудингом, уверяя, что это — редкость вкусного кушанья. И этим сэкономили на мясе.

Так жил Старый Чизмен. Кроме скуки каникулы приносили ему и другие неприятности. Дело в том, что, когда ребята начинали с'езжаться в школу — очень неохотно, — он всегда был рад увидеться с ними, но это их еще больше раздражало, так как они совсем не были рады увидеться с ним. Поэтому его стукали головой об стену, и кровь шла у него из носа. Но в общем все его любили. Как-то раз в его

пользу собрали деньги по подписке и, желая развеселить его, подарили ему перед каникулами двух белых мышей, кролика, голубя и чудесного щенка. Старый Чизмен даже расплакался.

Само собой разумеется, Старому Чизмену¹ давали всякие прозвища, называли его различными сортами сыра: Голландмен, Швейцармен, Рокформен, Двойной, Глостермен, Семейный, Чеширмен, Северный, Уилтширмен и тому подобное. Но он никогда не обижался. И я вовсе не хочу сказать, что он был старый по годам — он был не старый, — но его с самого начала прозвали Старый Чизмен.

В конце концов, Старого Чизмена назначили на должность младшего учителя латинского языка. Как-то раз утром в начале нового полугодия его привели и представили школе в качестве «младшего учителя латинского языка, мистера Чизмена». Тогда все наши ребята сошлись на том, что Старый Чизмен — шпион и дезертир, что он перешел в лагерь противника и продал себя за золото. И его не оправдывало то, что он продал себя за очень ничтожное количество золота, по слухам, за два фунта стерлингов и десять шиллингов в квартал и даровую стирку белья. «Парламент», заседавший по этому случаю, постановил, что тут нужно принимать во внимание одни лишь корыстные побуждения Старого Чизмена и что он «продал нашу кровь за драхмы». «Парламент» позаместовал это выражение из сцены ссоры Брута с Кассием.

Когда таким образом твердо установлено, что Старый Чизмен — подлый изменник, пронохавший все тайны наших ребят с целью выдать все, что ему известно, начальству и этим подслужиться к нему, — всех храбрых ребят пригласили выступить вперед и записаться в члены «общества», основанного для борьбы с изменником. Председателем «общества» был первый ученик, по имени Боб Тартер. Отец его жил в Вест-Индии, и Боб сам утверждал, что у его отца громадное состояние. Он пользовался большим вниманием среди наших ребят и написал пародию, начинающуюся такими словами:

«Кто притворялся простаком,
Тихоней, смирным дураком,
А стал шпионом и врагом?
То Старый Чизмен».

¹ Чиз — по-английски сыр, меч — человек. Фамилия соответствует нашему — Сыров.

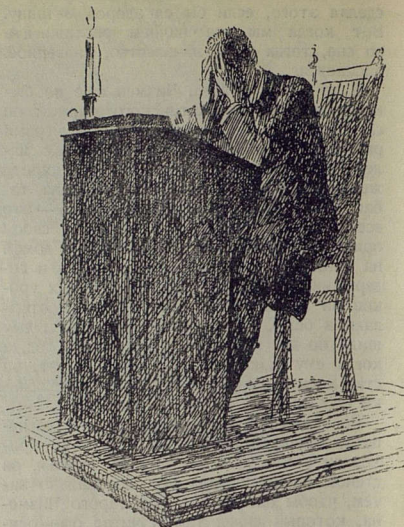
И так далее, в том же духе, строф на десять; эту песню Боб распевал каждое утро у самой кафедры нового учителя.

Все это производило большое впечатление на Старого Чизмена. У него и раньше-то было немного волос, но теперь они стали редеть с каждым днем. Он все больше бледнел и худел, а иногда по вечерам мы видели, как он сидит на кафедре перед свечой с длиннейшим нагаром и плачет, закрыв лицо руками. Но ни один из членов «общества» не смел жалеть его, даже если хотел, потому что наш председатель говорил, что Старого Чизмена терзает совесть.

Так жил Старый Чизмен, и скверно же ему жилось! Конечно, наш «достопочтенный» задира перед ним нос и «сама» тоже задира перед ним нос—ведь так они оба вели себя со всеми учителями, — но больше всего Старый Чизмен терпел от ребят, а терпел он от них постоянно. Насколько было известно «обществу», он никогда не жаловался начальству, но этого ему не ставили в заслугу, потому что председатель говорил, что не жалуется он из трусости.

У него был один-единственный друг во всем мире, но этот единственный был почти так же беспомощен, как и он сам, потому что это была всего только Джейн. Джейн служила у нас в школе чем-то вроде гардеробщицы и наводила порядок в сундуках воспитанников. Вначале она, кажется, поступила сюда на должность подручной (кое-кто из наших ребят говорил, что она воспитывалась в приюте; я не знаю, так это или нет), но когда срок ее ученичества кончился, ей стали платить жалованье сколько-то в год. Не знаю, сколько именно, но похоже, что очень мало. Все-таки она скопила несколько фунтов и положила их в сберегательную кассу, и вообще она была очень милой молодой девушкой. Она была не особенно хорошенькой, но лицо у нее было честное, открытое, веселое, и все наши ребята любили ее. Она была необыкновенно опрятная, уютная и добрая. И если у кого-нибудь из мальчиков заболела мать, он обязательно шел к Джейн и показывал ей письмо из дому.

Джейн была другом Старого Чизмена. Чем больше «общество» угнетало его, тем больше поддерживала его Джейн. Иногда она бросала на него добродушный взгляд из окна кладовой, и это на целый день придавало бодрости Старому Чизмену.

...Он все больше худел и бледнел, а иногда по вечерам мы видели, как он сидит на кафедре.

Уходя из фруктового сада и огорода (ворота их всегда были на запоре, будьте спокойны!), она неизменно проходила по площадке для игр, хотя могла бы пройти другой дорогой, и делала это только затем, чтобы повернуть голову в сторону Старого Чизмена, как бы желая ему сказать: «Держитесь крепче!» Его крошечная комнатка была такая чистенькая и в таком порядке, что все отлично понимали, кто именно убирает ее, когда сам он сидит на кафедре. А когда наши ребята видели на его тарелке за обедом пышущее жаром яблоко в тесте, они с возмущением догадывались, кто именно прислал это кушанье Старому Чизмену.

Приняв все это во внимание, «общество» после многих собраний и споров постановило требовать от Джейн, чтобы она прекратила общение со Старым Чизменом, а если она откажется, объявить бойкот ей самой. И вот выбрали делегацию во главе с председателем и поручили ей сообщить Джейн постановление, которое «общество» было вынуждено принять, к своему пригорюнию. Джейн очень уважали за все ее хорошие качества и рассказывали даже,

что она как-то раз подстерегла «достопочтенного» в его собственном кабинете и по доброте души упростила его отменить суровое наказание, к которому приговорили одного из ребят. Поэтому делегации было не особенно приятно браться за такое дело. Но все-таки она пошла наверх, и председатель сообщил Джейн постановление «общества». Тут Джейн густо покраснела, раслакалась и совершенно необычным для нее тоном заявила председателю и делегатам, что они просто шайка злых маленьких дикарей, а потом выгнала всю почтенную группу вон из комнаты.

После этого в книгу «общества» (в которой все записывалось секретным шифром из боязни, что ее найдут) записали, что всякое общение с Джейн прекращается, а председатель обратился по этому убедительному случаю к членам «общества» с речью на тему о кознях Старого Чизмена.

Но Джейн была так же безусловно верна Старому Чизмену, как Старый Чизмен, по мнению ребят, был им неверен. Она упорно оставалась его единственным другом. Это сильно раздражало членов «общества», потому что в лице Джейн они потеряли столько, сколько приобрел Старый Чизмен, и, больше прежнего настроенные против него, они обращались с ним еще хуже. Наконец, как-то утром оказалось, что кафедра его пуста: заглянули в его комнату, но там никого не было. Ребята, бледные, шептались, что Старый Чизмен, не стерпев такого обращения, встал пораньше и утопился.

Таинственный вид других учителей после завтрака и то обстоятельство, что никто из них явно не ждал возвращения Старого Чизмена, укрепили мнение «общества». Некоторые члены начали спорить о том, чего заслуживает председатель: повешения или пожизненной ссылки? А председатель, судя по выражению его лица, сильно тревожился. Однако он заявил, что суд его родины оправдает его и что в своей речи к присяжным он попросит их указать, положив руку на сердце, могут ли они, как британцы, одобрять ябеды, а также, как им

понравится, если их самих приговорят к такому наказанию. Некоторые члены «общества» считали, что председателю лучше всего убежать, добраться до какого-нибудь леса, а там обменяться одеждой с дровосеком и вымазать себе лицо ежевичным соком, но большинство полагало, что если он останется на месте, его отец, поскольку он живет в Вест-Индии и владеет многомиллионным состоянием, сможет выкупить его.

Сердца всех ребят сильно бились, когда «достопочтенный» вошел и, держа перед

...Председатель сообщил Джейн постановление «общества»

собой линейку, начал корчить из себя не-то римлянина, не-то фельдмаршала: это он обычно проделывал перед тем, как произнести речь. Но их страх был ничто в сравнении с охватившим их удивлением, когда «достопочтенный» начал рассказывать целую историю насчет того, что Старый Чизмен, «наш столь давно уважаемый друг и спутник в странствованиях по приятным областям науки», как он называл Старого Чизмена (О да! Еще бы! Как бы не так!), был сиротой, сыном одной, лишенной наследства молодой леди; она вышла замуж против воли отца, молодой муж ее умер, сама она тоже умерла с горя, а ее

несчастный младенец (Старый Чизмен) воспитывался на средства дедушки, который не желал видеть его ни ребенком, ни юношей, ни взрослым мужчиной. Этот дедушка теперь умер—и поделом ему (последнее вставил я сам),—а завещания он не написал, поэтому крупное состояние этого дедушки перешло теперь внезапно и навеки к Старому Чизмену. «Наш столь давно уважаемый друг и спутник в странствованиях по приятным областям науки», закончил «достопочтенный» свою речь, добавив к ней целую кучу надоедливых цитат, хочет «вновь виться среди нас» ровно через две недели, чтобы распрощаться с нами по-свойски. С этими словами он окинул всех ребят строгим взглядом и торжественно вышел.

Тут членов «общества» охватило великое смятение. Многие заявили о своем уходе, а многие начали делать вид, что никогда и не вступали в «общество». Однако председатель держался твердо и заявил, что все должны или сплотиться или пасть вместе, если же кто-либо сбежит, то лишь перешагнув через его труп. Так он говорил, чтобы подбодрить «общество», но это ему не удалось. Далее, председатель заявил, что обдумает положение, в которое попали все члены «общества», через несколько дней выскажет им свое мнение и даст совет. Этого ожидали с нетерпением, так как он хорошо знал жизнь, потому что отец у него жил в Вест-Индии.

Много дней председатель напряженно размышлял иставлял армии оловянных солдатиков на своей аспидной доске, а потом созвал наших ребят и все раз'яснил. Он сказал, что когда Старый Чизмен явится в назначенный день, он, ясное дело, прежде всего отомстит тем, что пред'явит обвинение «обществу» и прикажет высечь всех его членов до единого. Злорадно полюбовавшись на страдания своих врагов и насладившись их криками, он, по всей вероятности, пригласит «достопочтенного» прийти, под предлогом беседы, в уединенную комнату, скажем, в приемную, куда приходят родители и где стоят без употребления два огромных глобуса, и там будет упрекать его за те разнообразные обманы и притеснения, которые вытерпел от него. Закончив выговор, он сделает знак профессиональному боксеру, спрятанному в коридоре, а тот появится и будет тузить «достопочтенного», пока он не упадет без чувств. Тогда Старый Чизмен сделает Джейн подарок стоимостью от пяти до де-

сяти фунтов и, злобно торжествуя, покинет школу.

Председатель раз'яснил, что против места «достопочтенному» в приемной или против вознаграждения Джейн он ничего не имеет, но атаке на «общество» он советует оказать упорное сопротивление. Он сказал, что для этого надо набить все свободные места в партах камнями и что первое же обвинительное слово должно будет послужить для каждого мальчика сигналом к избиению Старого Чизмена. Смелый совет поднял дух «общества» и был принят единогласно. На площадке для игр поставили столб примерно такой же величины, как Старый Чизмен, и все наши ребята упражнялись, бросая в него камнями, так что он весь оказался ободраным.

Когда настал назначенный день и сделали перекличку, ребята расселись по местам, дрожа всем телом. Много было споров и пререканий насчет того, каким образом прибудет Старый Чизмен, но общее мнение склонялось к тому, что он появится в какой-нибудь триумфальной колеснице, запряженной четверней, с двумя ливрейными лакеями на козлах и с переодетым боксером на запятках. Поэтому все наши ребята прислушивались к стуку колес. Но никакого стука не послышалось, потому что в конце концов Старый Чизмер приехал пешком и вошел в школу без всяких приготовлений. Вид у него был почти такой же, как раньше, только он был весь в черном.

— Джентльмены, — сказал «достопочтенный», представляя его, — наш столь давно уважаемый друг и спутник в странствованиях по приятным областям науки желает сказать вам несколько слов. Внимание, джентльмены, все и каждый!

Все ребята сунули руки в парты и обернулись в сторону председателя. Председатель был наготове и целился глазами в Старого Чизмена.

И что же сделал Старый Чизмен? Он взошел на свою старую кафедру, оглянулся вокруг со странной улыбкой, даже как будто со слезами на глазах и начал дрожащим кротким голосом:

— Мои дорогие товарищи и старые друзья!..

Все ребята вынули руки из парт, а председатель внезапно разревелся.

— Мои дорогие товарищи и старые друзья! — сказал Старый Чизмен. — Вы слышали о моей удаче. Я провел так много лет под этим кровом — можно сказать,

...Открытая коляска остановилась около крикетной площадки.

— Мои дорогие товарищи и старые друзья!..

всю мою жизнь,—что, смею надеяться, вы порадовались за меня. Я не мог бы получить удовольствия от этой удачи, если бы не обменялся с вами приветствиями. От полноты сердца, исполненного благодарности, я хочу пожать руку каждому из вас. Затем я и вернулся сюда, мои дорогие мальчики.

Видя, как председатель разревелся, несколько других ребят тоже прослезились один за другим, но теперь, когда Старый Чизмен, начав с него как с первого ученика, ласково положил ему левую руку на плечо и протянул правую, а председатель сказал: «Я, право же, не заслуживаю этого, сэр; клянусь честью, не заслуживаю»,—вся школа заплакала и зарыдала. Каждый мальчик сказал примерно тем же тоном, что он этого не заслуживает, но Старый Чизмен, не обращая на это никакого внимания, весело обошел всех ребят, а потом всех учителей поочередно и под конец пожал руку «достопочтенному».

Тогда один маленький мальчишка в углу, вечно терпевший то одно, то другое наказание, пронзительно крикнул:

— Желаем удачи Старому Чизмену!
Ура!

«Достопочтенный» взглянул на него сердито и сказал:

— Мистеру Чизмену, сэр.

Но Старый Чизмен уверял, что прежнее прозвище нравится ему гораздо больше нового, так что все ребята подхватили приветственный клич, и, не знаю уж, сколько минут, все так хлопали в ладоши и стучали ногами и так ревели «Старый Чизмен!», что такого гвалта никто и не слыхивал.

После этого в столовой было подано великолепнейшее угощение: домашняя птица, языки, консервы, фрукты, сладости, желе, горячее вино с сахаром и водой, сооружения из ячменного сахара, пирожные со сбитыми сливками, сухие бисквиты — ешь, сколько душе угодно, и забирай в карман, что приглянется, — и все это за счет старого Чизмена! После этого были речи, на весь день отменили уроки, принесли двойные и тройные наборы всевозможных принадлежностей для всевозможных игр, привели осликов, пони, запряженных в коляски (причем ребятам самим разрешили править), всех учителей угостили обедом в трактире «Семь колокольчиков» (наши ребята рассчитали, что обед обошелся по двадцати фунтов на человека), постановили

каждый год отмечать отдыхом и пиршеством этот день, а также день рождения Старого Чизмена («достопочтенный» вынужден был разрешить это в присутствии всех ребят, так что впоследствии он уже не мог отвертеться) — и все это за счет Старого Чизмена!

И тут наши ребята отправились целой толпой кричать «ура» у трактора «Семь колокольчиков». И как кричали!

Но надо рассказать еще кое-что. На следующий день постановили, что «общество» сначала помиритсЯ с Джейн, а потом будет распущено. Но, можете себе представить, Джейн ушла...

«— Как? Ушла навсегда?» — спрашивали наши ребята, и лица у них разочарованно вытягивались.

— Да, конечно, навсегда, — вот все, что им отвечали.

Ни один человек в доме не хотел больше ничего сказать. Наконец, первый ученик осмелился спросить «достопочтенного», правда ли, что наш старый друг Джейн ушла. «Достопочтенный» (у него была незамужняя дочь, курносая и рыжая) ответил строгим тоном:

— Да, сэр, мисс Пит ушла.

Это еще что за новость — называть Джейн «мисс Пит»? Некоторые говорили, что ее уволили с позором за то, что она взяла деньги от Старого Чизмена; другие говорили, что она поступила к Старому Чизмену в услужение и он повысил ей жалованье на десять фунтов в год. Но все наши ребята знали только то, что она ушла.

Как-то раз, во вторую половину дня, два или три месяца спустя, открытая коляска остановилась около крикетной площадки, прямо за оградой, а в коляске сидели леди и джентльмен, долго смотрели на игру и вставали, чтобы лучше видеть, как играют. Никто не обращал на них особенного внимания, как вдруг тот же самый маленький мальчишка сорвался, против всяких правил с места, где он стоял в качестве разведчика, прибежал и сказал:

— Это Джейн!

Обе команды сейчас же бросили игру, побежали и столпились вокруг коляски. В ней, действительно, сидела Джейн. Да еще в какой шляпке! И верьте не верьте, но Джейн, оказывается, вышла замуж за Старого Чизмена.

Теперь всякий раз, как наши ребята с увлечением играли на площадке, они видели коляску у низкой ограды, в том месте,

где она соединяется с высокой, а в коляске стояли леди и джентльмен и смотрели через стену на игру. Джентльмен неизменно оказывался Старым Чизменом, а леди неизменно оказывалась Джейн.

Когда я впервые увидел их, это случилось вот при каких обстоятельствах. К тому времени в среде наших ребят произошли большие перемены и выяснилось, что у отца Боба Тартера нет многомиллионного состояния. Выяснилось, что у него вообще ничего нет. Боб записался в солдаты, а Старый Чизмен выкупил его. Но речь не о том, а о коляске. Коляска остановилась, и все наши ребята остановились, как только завидели ее.

— Значит, вы все-таки не объявили мне бойкота! — со смехом сказала леди, когда наши ребята облепили все стены, чтобы позвать ей руку. — И не собираетесь объявить?

— Никогда, никогда, никогда! — послышалось со всех сторон.

Они вскоре заметили меня как новичка, и я подумал, что мне, пожалуй, тоже можно влезть на стену и позвать им руки по примеру всех остальных. Я был очень рад видеть их, так же, как и все остальные, и в один момент совсем освоился с ними.

— Теперь только две недели до каникул, — сказал Старый Чизмен. — Кто остается в школе? Есть кто-нибудь?

Множество пальцев показало на меня, и множество голосов закричало:

— Он остается!

Это было как раз в тот год, когда все вы раз'ехали кто куда, так что мне было довольно грустно, могу вас уверить.

— О! — сказал Старый Чизмен. — Но здесь во время каникул скучновато. Лучшее ему погостить у нас.

И вот я приехал к ним, в их чудесный дом, и мне там было хорошо, лучше некуда. Они понимают, как нужно обращаться с мальчиками, да, уж они-то понимают. Например, когда они ведут мальчика в театр, они ведут его, как надо. Они не приходят, когда спектакль уже начался, и не уходят прежде, чем он окончится. И они знают, как нужно воспитывать мальчика. Поглядите на их собственного мальчика. Хотя он пока еще очень маленький, какой это замечательный мальчик! Да что там, после миссис Чизмен и Старого Чизмена я больше всех люблю маленького Чизмена.

Теперь я рассказал вам все, что мне известно насчет Старого Чизмена. Боюсь, что это не так уж интересно. Правда?

Советский флаг

А. Некрасов

Танкер «Союз водников» уходил из ба-тумского порта.

Проводы были самые скромные. К обеду представители портовых властей подписали рейсовые документы, надели дождевики с капюшонами, пожелали счастливого плавания, спустились по трапу и ушли, не оборачиваясь, глядя под ноги, чтобы не поскользнуться на причалах, залитых нефтью.

Потом трап убрали. Загрохотал брашпиль, выбирая якорную цепь, закрутились винты под кормой. «Союз водников» развернулся и вышел в море.

Танкер вез газойль — жидкое топливо, вроде бензина.

Рейс был спокойный. Погода стояла хорошая, работы на танкере было немного: у машинистов — вахта в машине, у матросов — вахта у руля. Вот и вся работа в дальнем плавании. И на такой махине, на корабле в 10 тысяч тонн, чуть не в полтора метра длиной, команды всего 44 человека. Да и у тех вдоволь свободного времени. Отработал 8 часов, остальное время твое. И это время не теряют: молодые моряки учатся: флот растет, каждый год нужны капитаны, штурманы и механики. И почти у каждого в шкафчике найдешь книги, тетради, задачки.

А старики — те читают, играют в шахматы, а то и так: просто соберутся поболтать и покурить. На палубе курить нельзя: ведь груз хуже пороха. Порох нужно поджечь, чтобы он взорвался, а к бензину только поднеси огонь — вспыхнут пары и разорвет так, что кусков не соберешь. И хотя плотно, как пробки к бутылкам, пригнаны горловины грузовых цистерн, — все равно вдруг просочится струйка горячего газа? И на танкере закон: курить только в курилке. Курилка внизу, в стальной комнате, туда уже никак не проникнут пары бензина, а дым вытягивает вентилятор. Вот там и собираются курильщики.

Но в тот рейс там собирались не только курильщики. На танкере готовились к встрече 19-й годовщины Октября. В курилке собралась редакция, там боцман расписывал заголовки к праздничному номеру стенгазеты, а помполит

проводил беседы с комсомольцами. Молодежь все свободное время проводила там.

На всем судне у одного капитана нет свободного времени.

В порту погрузка, отчеты, ремонт. В рейсе — что бы ни случилось — капитан должен знать обо всем и все решать. А если ничего не случится, — все равно: чуть похуже погода, чуть потруднее дорога, опять идут к капитану. Ведь, в конце концов, он один отвечает и за груз, и за судно, и за команду.

А дорога тут, из Черного моря в Средиземное, трудная. Узкие проливы, Босфор и Дарданеллы, потом каша островов — Греческий архипелаг: Лемнос, Лесбос, Скирос, Хиос, — ошибется, перепутает что-нибудь помощник, прозевает рулевой — вот и авария. Ход у танкера — десять с лишним миль в час, если налетишь с такого хода на камень или на мель, пропорет дно, вытечет груз, пропадет судно.

Капитан «Союза водников» Иван Аристархович Попов плавает 40 лет. Из них 32 года — капитаном. Он все дороги здесь знает на память, но все равно почти не сходит с мостика.

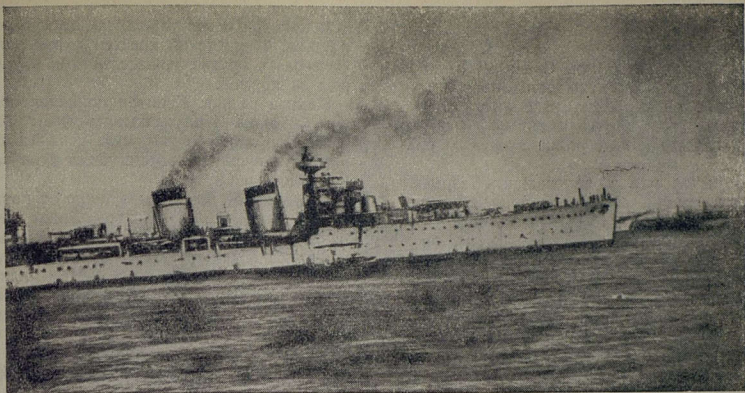
Вот в Средиземном море, там другое дело. Там дорога широкая, частые маяки, там можно и капитану отдохнуть и отоспаться за все бессонные ночи.

Но в тот рейс и в Средиземном море испортили сон капитану. У самого входа в Средиземное море по левому борту неожиданно вынырнул перископ и пошел наперерез танкеру. Потом серая, боевая рубка быстро поднялась из воды, и подводная лодка, неизвестно чья, без флага, обогнула корму и пошла позади, в кильватер.

И вспомнились Ивану Аристарховичу прочитанные в детстве книги о пиратах и пережитые в мировую войну пиратские нападения немецких подводных лодок. Они тоже вот так, без флага, выскакивали из воды и топили беззащитные пароходы.

Пусти такая лодка один зажигательный снаряд — весь танкер взлетит как ракета. А если кто и останется в живых, — поди, ищи виноватого.

Капитан не спускал глаз с этой лодки,

Мятежный крейсер «Альмиранте Сервера» конвоирует захваченный им советский танкер «Союз водников» в Сеуту.

а когда через три часа лодка нырнула и ушла, он не спеша обошел все судно, проверил, на месте ли огнетушители, знают ли молодые матросы распписание тревог, хорошо ли смазаны блоки спасательных шлюпок и есть ли там аварийный запас.

Ночью Иван Аристархович часто поднимался на мостик, а днем только два раза спустился оттуда: пообедать и вечером на судовой митинг, поздравить экипаж с наступающим праздником.

Праздник удался наславу. Четотку плясали так, что краска горела под ногами. Премированный, лучший по всему Черноморскому флоту джаз «Союза водников» гремел по всему Средиземному морю, а за кормой два дня подряд развевался шолковый семиметровый парадный флаг.

На третий день капитан приказал убрать парадный флаг и поднять старый, потрепанный, ходовой. Боцман достал ведерки с краской, размочил кисти в скипидаре, и команда принялась за окраску.

Море попрежнему было спокойно, подводных лодок больше не видели, только какие-то самолеты пролетели над танкером и скрылись за горизонтом.

11 ноября, в пятом часу утра, вахтенный разбудил капитана. Танкер подходил к Гибралтару. Иван Аристархович поднялся на мостик. Ночь стояла холодная для этих мест, на палубе было пусто, все на судне спали кроме вахтенных. Ходовые огни отражались в темной воде.

Капитан огляделся. Справа открылись огни английской крепости. Кроме них ничего не было видно, но Иван Аристархович столько раз проходил Гибралтар, что знал все здесь на память и воображением дорисовывал низкую косу испанского берега и силуэт огромной скалы, похожей на спящего льва.

Там, на скале, замелькал огонек. Это англичане запрашивали, какой корабль.

Он всем задает этот вопрос, но никто не обязан на него отвечать. Гибралтарский пролив свободен для прохода кораблей всех наций.

Но танкеру незачем было скрывать своего имени и своего флага. Капитан приказал радисту ответить: «Союз водников СССР».

Огонек над крепостью погас. Вдруг из темноты, по левому борту, вырос высокий как колокольня силуэт военного судна.

Оно шло без огней прямо на танкер.

Неожиданно вспыхнула вода за бортом, тугой сноп лучей прожектора ударил в борт, обшарил палубу от носа до кормы, задержался на секунду на мостике, ослепляя людей, и погас. Ночь показалась вдвое темней, и в густой темноте звездочкой замелькал огонек слева.

«Остановить ход», — прочел радист. Капитан сразу понял, с кем он имеет дело. Он дернул ручку машинного телеграфа, дизеля замолчали, но судно в 10 тысяч тонн — это не лодка. С застопоренной машиной оно

еще долго идет, постепенно сбавляя ход, и пиратам показалось, должно быть, что танкер спасается бегством. Снова замелькала лампочка на мачте военного корабля, и, не успев еще радист разобрать сигнал, ухнул выстрел: танкер вздрогнул, и сейчас же в кормовой надстройке взорвался снаряд.

Засвистел пар в разорванных взрывом трубах, густой, едкий дым пополз из дверей, из пробоины, из разбитых иллюминаторов. Загорелись запасные канаты, свернутые в тугие бухты...

Пиратский корабль стоял тут же, рядом, и каждую минуту мог послать новый снаряд.

Все на танкере знали: попади он на полтора метра ниже — судно взлетит на воздух. И уж если спастись, то лучше всего хватать пробковый пояс и — за борт: до берега недалеко.

Но о себе никто не подумал. Капитан приказал осветить палубу — загорелись люстры на мачтах и на надстройках, загремель звонок пожарной тревоги...

Полуодетые люди выскакивали из кают, на ходу надевая противогазы, и разбирали пожарный инструмент.

Молча, без паники, встали по местам, прислушивались к команде капитана. В машине закрыли вентиля пробитых труб. Свист пара умолк, застучали пожарные донки. Брандспойты сбили огонь, дым разошелся, и на палубе опять стало тихо. Люстры погасли, и команда, сняв маски, столпилась на борту.

Над морем быстро светало. Теперь ясно стало видно, что рядом стоит не один военный корабль, а целая эскадра с наведенными на танкер орудиями: крейсер, канонерская лодка и три тральщика...

С канонерки спустили шлюпку, и через минуту три солдата и два офицера поднялись на борт танкера.

Они опечатали радиорубку, поставили у двери часового с ружьем и пошли на мостик, к капитану.

«Вы арестованы, — объявил один из офицеров по-английски, — ведите судно в Сеуту».

Не подчиниться — тогда взорвет судно, и на всех перекрестках, по всему миру, фашистские газеты начнут кричать, что вот, мол, советский корабль шел с военным грузом для Испании, был задержан, при попытке к бегству обстрелян и взорвался. Поди потом, доказывай, как было на самом деле.

И капитан повел танкер на юг, к берегу Африки. Фашистский крейсер «Альмиранте Сервера» с орудиями, наведенными в упор, шел за кормой.

Взошло солнце. Капитан приказал погасить ходовые огни и поднять флаг. Флаг развевался как раз там, куда целились фашистские пушки. В восемь часов утра танкер вошел в Сеуту.

В маленькой бухте было тесно от кораблей. Тут стояли военные тральщики и миноносцы. Тут же, у причала, несколько итальянских и немецких пароходов выгружали тяжелые ящики, уголь, автомобили.

На набережную стекался народ: босногорие марокканцы, испанцы, арабы — пешком и на ослах. Все торопились поглядеть на советский корабль.

Но не успел еще «Союз водников» бросить якорь, как откуда-то появились полицейские с винтовками, поднялся шум, крик, и пестрая толпа растялая, загнанная в узкие улочки, спускавшиеся к морю. Набережная очистилась, только изредка появлялись на ней шикарные автомобили, оставившиеся на берегу, и оттуда нарядные пассажиры в бинокли разглядывали советский танкер.

Огромный корабль загораживал всю бухту, фашисты вертели его и так и этак, пока, наконец, приткнули кормой к причалу. Потом на судно пригнали человек двадцать солдат с винтовками, офицеры расставили их у трапов, у машин, на мостике.

Капитан тоже выставил вахту. Ведь фашисты могли подбросить что-нибудь на борт — это их испытанный фокус. Все на судне знали это и глядели в оба. Так и шагали по палубе парами — фашистский часовой и наш вахтенный. Вместе стерегли судно друг от друга, вместе спускались покурить.

А офицеры тем временем осмотрели пробоину, проверили судовые документы, потом пошли шарить по каютам, по бункерам, открывали горловины цистерн, лазили в провизионную кладовку, в машины и ничего не нашли, кроме груза газойля, да и тот еще в Батуми купила немецкая фирма «Бензолфербанд» и деньги уже заплачены.

Потом писали какие-то бумаги, совали их на подпись капитану, но капитан отказался подписывать, и фашисты ушли ни с чем. Придаться было не к чему, что делать дальше на пленном танкере, офицеры не знали, оставили часовых и ушли.

Зато наши моряки прекрасно знали, что делать.

Матрос флота испанских мятежников на борту «Союза водников» в Сеуте.

В порту, на стоянке, если нет погрузки, полагается делать уборку, мелкий ремонт и окраску.

Этим и занялись.

А вечером, когда кончились судовые работы, как всегда, началась учеба в кружках, и еще не стемнело, когда знаменитый джаз «Союза водников» расселся на палубе и сыграл «Интернационал», так что на

всех кораблях в порту матросы столпились у поручней.

Потом пошли ужинать. Фашистские часовые остались на палубе, неокормленные с утра, в потрепанной, разношерстной форме они шагали по танкеру и, проходя мимо кухонного вентилятора, подтягивали и без того туго затянутые пояса. Наконец, караульный начальник не выдержал, спустился

к повару и попросил хоть чайком напоить голодных, продрогших в вечернем тумане солдат.

Повар растерялся. Он не знал, что ответить, побежал к капитану и помполиту, и те в один голос велели пригласить караульных в столовую поужинать.

Часовые спускались в столовую поодиночке, с опаской оглядываясь по сторонам, потом осмелели, накинудили на хлеб и на борщ, согрелись, развеселились и скоро дошли до того, что вместе с караульным начальником стали показывать на портреты, висевшие над столами, и вслух говорили:

«Сталин, Ленин, Ворошилов».

А новенькие немецкие винтовки мирно стояли в углу, под октябрьским номером стенгазеты, и, расходясь из столовой, часовые брали винтовки наизготовку и показывали: вот так они будут стрелять в Муссолини и в Франко.

Ночь стояла дождливая и холодная. Наши вахтенные надели тулупы, а фашистские часовые дрожали в рваных одеялах, жались к паровым трубам и, собравшись у фонаря, разглядывали герб на советском двугривенном, который кто-то из команды потерял на палубе.

Ночь прошла спокойно.

А наутро снова собрались толпы на берегу и опять появилась полиция. Были даже два выстрела, а к десяти часам к капитану явились офицеры и потребовали спустить советский флаг.

Капитан выслушал их, вызвал помощника, шепнул ему что-то. Помощник пошел на корму и спустил потрепанный, выгоревший в рейсе ходовой флаг. Офицеры взяли под козырек, но они поторопились. На флагштоке сейчас же поднялось шолковое семиметровое, парадное знамя. Тогда офицеры стали ругаться, грозить, убеждать. Они объясняли, что в Сеуте из-за этого флага волнения, что красный цвет плохо действует на народ, но капитан только разводил руками:

— Волнение на берегу — не мое дело, — говорил он. — А спустить флаг не могу, не имею права без разрешения правительства. Хотите, спускайте сами; привязан он не больно крепко.

Но на это фашисты не решились. Задержат в море судно, даже обстрелять его — одно. Тут еще можно как-то спорить, что-то доказывать, оправдываться, извиняться, врать, а насильно спустить флаг — другое. По морским законам, это все равно, что объявить войну.

И флаг остался на месте. И все шесть дней, пока танкер стоял в Сеуте, все шло по-старому. По утрам в узких улочках вспыхивали стычки между полицией и разноцветной толпой, пробивавшейся на берег. И все шесть дней гремел «Интернационал» на палубе танкера, и в порту действительно начинались волнения. Это было видно по тому, что больше полицейских стояло там, у пакгаузов, и все чаще полицейский автомобиль подезжал и забирал кое-кого из рабочих.

Командант Сеуты вызвал к себе капитана. Капитан отказался ехать. Тогда сам командант приехал на танкер. Он уговаривал капитана не разносить большевистские заразы, запретить команде играть революционные гимны...

— По советским законам, я не могу запретить команде веселиться в свободное время, — ответил капитан, — а Хотите избавиться от заразы, отпустите нас.

И зараза распространялась. Пленный танкер превратился в сплошной агитпункт. Никто там не произносил речей, никто не раздавал специальной литературы, но агитация и без того шла полным ходом. Прекрасно агитировал, сам того не замечая, повар. Он агитировал вкусными, сытными обедами, которые с удовольствием уплетали за обе щеки голодные часовые, агитировал и джаз, агитировал и флаг. Дошло уже до того, что некоторые часовые по-военному салютовали нашему флагу, но так, конечно, чтобы не видел никто из своих. У фашистов салют красному флагу — опасное дело, за это можно остаться без головы.

Наконец, фашисты не выдержали. Прислали лоцмана, убрали часовых и объявили, что судно свободно. Уходя, часовые жали руки матросам и тихонько шептали:

«Вива Русия!»

«Союз водников» прошел Бискайский залив и английский канал, сдал груз и порожняком той же дорогой пошел обратно.

Через сорок дней после выхода «Союз водников» вернулся в Батуми. Советский танкер вернулся из дальнего плавания и встал в порту под погрузку.

Еще в пути команда очистила цистерны, и как только порт принял судно, все пошло на берег по своим делам.

Один капитан остался на танкере. Он сидел в своей каюте и сердился, что эта задержка выбила его из графика. И так столько дней пропало, а теперь еще идти в Туапсе на ремонт, ставить латку на месте фашистской пробоины!

Состязания в Давосе

Высоко, в долине швейцарских Альп, расположен горный курорт Давос. Он славится среди спортсменов как место мировых конькобежных рекордов. На катках Давоса устраиваются соревнования на первенство Европы и всего мира. Ровная температура, отсутствие ветров, большое количество солнечных дней делают лед на катках Давоса идеальным. Состояние льда очень влияет на скорость бега. Вот что пишет заслуженный мастер спорта СССР Платон Ипполитов: «Корявый лед, покрытый буграми, в состоянии убить в конькобежце высокую технику. Скороходу приходится преодолевать не столько расстояние, сколько подъемы и тряску. После бега по корявой поверхности нестерпимо болят икры и стопы — так сильно влияет неровный лед на работу ног. В то же ненормальное положение попадает конькобежец, впервые ступающий на идеальную поверхность сверкающего льда. Ему кажется, что коньки его недостаточно остры, а необычайно скользкая поверхность заставляет его не твердо держаться на коньках».

Филонов прыгает на мотоцикле через автомобиль.

Новый вид спорта

Старший лейтенант Г. Н. Филонов открыл новый вид спорта — прыжки на мотоцикле.

Правда, открытие это было вынужденным. Вот как тов. Филонов об этом рассказывает:

— В 1935 году я был командиром пробега на советских мотоциклах. В одно ясное утро, когда погода дала нам отдых от дождя, а земля — прекрасную, ровную дорожку, я шел впереди колонны. Стрелка спидометра показывала скорость около 60 километров в час.

Неожиданно лес расступился и я увидел зеленую лужайку. Неподалеку от полянки протекала речонка и нырала под мост, бугром вздыбившийся над дорогой.

Никто в СССР не бежит на коньках быстрее их. Это Зоя Холщеникова — чемпион СССР — в разряде девушек и Марианна Валова — чемпион СССР — в разряде мастеров.

Разреженный горный воздух уменьшает сопротивление при беге. Вот почему в Давосе установлено так много мировых рекордов по конькам. У нас с Давосом могут соперничать курорт Бакуриани на Кавказе, около Боржома, и Кировск.

В этом году зима для конькобежцев Европы началась неудачно: все оттепель да оттепель. Конькобежцы были в отчаянии: на 30—31 января в Давосе был назначен розыгрыш первенства Европы, а тренироваться к нему негде.

В отчаянии тренер финской команды конькобежцев Хелангер начал тренировать своих конькобежцев на презираемых настоящих скоростниками роляковых коньках. Норвежки сначала смеялись над выдумкой своих соперников, потом решили перенять выдумку финнов, но тут как раз и пришли морозы.

Мотоцикл быстро нес меня к мосту. Всего в нескольких шагах, когда машина почти уже влетела на шаткий настил, я увидел, что второй половины моста не было. Вместо нее виднелся противоположный скалистый берег и бешеный поток воды.

Взлетев на мост, я дернул вверх руль, и мотоцикл сделал прыжок. Первый диковинный трамплин «Красный Октябрь» взял очень хорошо. Длина прыжка была около 2,5 метра.

После этого случая тов. Фионов начал тренироваться в прыжках на мотоцикле. Первый опыт был неудачен. Трамплин был велик, а скорость мотоцикла мала, и поэтому, оторвавшись с трамплина, переднее колесо пошло вниз, а заднее, оттолкнувшись от трамплина, пошло вверх. Машина сделала в воздухе сальто, но осталась цела. Фионов отделался ушибами.

Фионов все же продолжал опыты. Сначала он довел дальность прыжка до 10 метров. Потом он стал прыгать через препятствия: разрушенный мост, через легковой автомобиль и т. п. Рекорд прыжка на мотоцикле — 18 метров.

Несколько цифр о физкультуре

★ В СССР насчитывается 9 миллионов физкультурников и 15 тысяч инструкторов физкультуры. 4 миллиона физкультурников получили значки «Готов к труду и обороне» 1-й ступени и 17 тысяч имеют значки ГТО 2-й ступени.

★ За 1936 год советские физкультурники установили 140 новых всесоюзных (из 233 возможных) и 14 мировых рекордов (по стрельбе, тяжелой и легкой атлетике и конькам).

★ В СССР 72 стадиона. Пять лет назад их было 30.

★ Из 9 миллионов советских физкультурников 2 миллиона — женщины.

Слалом

Слалом — норвежское слово. Так называется спуск на лыжах с горы, требующий много поворотов из-за всяких препятствий. Обычно дистанция для слалома выбирается от 50 до 500 метров (в Москве, на Ленинских горах, обычная дистанция — 200—250 метров). На этом расстоянии расставляются узкие, метра в три шириной, «ворота» из флажков. «Ворота» расставляются по всей дистанции так, чтобы лыжнику нужно было сделать много поворотов. Лыжнику приходится проходить через «ворота», поставленные «змейкой», «коридором» и под углом. Все это требует хорошего знания горнолыжной техники. Если лыжник заденет флажок или пропустит «ворота», ему засчитываются штрафные очки. Флажки делаются такими, чтобы они сами поднимались, если их сшибет лыжник. Для этого они укрепляются на пружинах.

Состязания в Давосе принесли много неожиданностей. 18 января 1914 года знаменитый норвежец Оскар Матиссен прошел в Давосе самую трудную дистанцию — 1500 метров — в удивительное время — 2 минуты 17,4 секунды. 23 года пытались конькобежцы всех стран побить рекорд Матиссена и все неудачно. В прошлом году норвежец Баллангруд повторил время Матиссена. А в этом году сразу трое норвежцев побили старый рекорд. Микаэль Стаксруд первым прошел 1500 метров в 2 минуты 14,9 секунды, опередив норвежца Энгенстангена на 1 метр.

Звание чемпиона Европы по конькам на 1931 год во второй раз завоевал норвежец Микаэль Стаксруд.

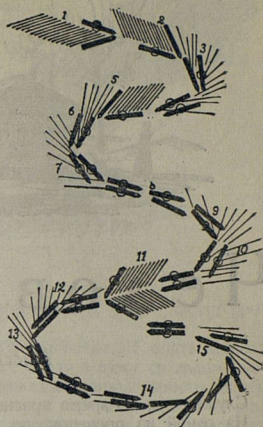
Звание чемпионки мира по конькам завоевала также норвежка Лайла Шоу-Нильсен. Ей всего 17 лет.

В Давосе она удивила весь мир, поставив мировые рекорды на все четыре дистанции соревнования: 500 метров (46,4 секунды), 1000 метров (1 минута 38,8 секунды), 3000 метров (5 минут 29,6 секунды) и 5000 метров (9 минут 28,3 секунды). Шоу-Нильсен установила еще в Норвегии мировой рекорд и на 1500 метров (2 минуты 38,1 секунды).

Могут ли наши советские мастера побить рекорды буржуазных конькобежцев? Смело можно сказать, что да. Чемпион СССР Аниканов очень близко подошел к рекордам норвежцев.

Если бы состязания происходили на таком льду и в таких условиях, как в Давосе, то наши конькобежцы смогли бы показать результаты не хуже мастеров Норвегии и Финляндии. До войны трижды (1889, 1910, 1911 годы) первенство мира завоевывали русские конькобежцы.

Это схема торможений и поворотов на лыжах. Кружок на льду показывает, на какую лыжу делать упор. 1) Спуск с упором, 2) поворот из упора—левая нога вперед, 3) перенести центр тяжести на правую ногу, 4) центр тяжести на обеих ногах, наклон в сторону поворота, 5) христиания из упора—правая нога вперед, 6) поворотом ступней подвести конец правой лыжи к левой, 7) перенести центр тяжести на обе ноги, 8) христиания ножницами—вынести правую ногу вперед и в сторону, 9) перенести центр тяжести на правую ногу, 10) перенести центр тяжести на обе ноги, 11) тормозные плугом, 12) чистая христиания—взмахом рук вверх, подняться на носки, ослабить давление на лыжи, и в момент опускания обратно поворотом корпуса и ног повернуть обе лыжи в сторону поворота, 13) центр тяжести на обе ноги, 14) телемарк влево—выставить правую ногу вперед и поставить под углом к левой, центр тяжести на правой ноге, 15) подтянуть правую лыжу к левой, центр тяжести на обе ноги.

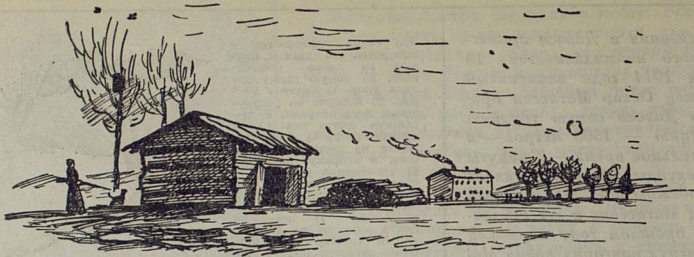

КЛЕЕННЫЕ ЛЫЖИ

При состязаниях на лыжах, в особенности на большие расстояния, каждый лишний грамм веса лыжи уменьшает возможность победы. Поэтому лыжники стараются уменьшить вес лыжи, не уменьшая ее прочности. Для уменьшения веса лыж стали делать их клееными. Скользящая и верхняя части лыжи делаются из тонких пластинок прочного и тяжелого дерева гикори (американский орешник). Середина лыжи делается из обыкновенной сосны или березы, которые менее прочны чем гикори. Для уменьшения веса лыжи делают короткими—в 200—205 сантиметров.

Напишите, какой поворот делает этот лыжник.

Человек с ружьем

Рассказ и рисунки П. Кузьмичева

Служил я в то время красноармейцем.

На одной из проверок, по уставу карательной службы, молодой красноармеец нашего взвода на вопрос: «Кто такой часовой?» — невразумительно ответил: «Это человек с ружьем». А чем часовой отличается от охотника, который тоже человек с ружьем, так и не смог объяснить командиру.

Вот таким, примерно, «человеком с ружьем» я и оказался в ту ночь, когда меня впервые поставили на пост. Посты, сказал бы я, были на первый раз незамысловатые: товарищи по взводу охраняли старую конюшню с корытом и учебную пушку под навесом, а наш пост состоял из пустого сарая и поленицы дров. Задача была простая: ходить вокруг и не подпускать никого на 10 шагов.

Пост показался мне совсем никудышным и даже обидным, тем более что до нас все это хозяйство вместе с пушкой охранялось старым сторожем казармы, у которого и винтовки никогда не было. Но уж если поставили, значит, тут что-то важное, и, будь добр, охраняй и обо-

роняй со всей строгостью; к тому же утром по приказу старшины мы смазали старую пушку, как боевое орудие.

Всю ночь дул порывистый весенний ветер. Около меня вертелся наш ротный пес Сигнал. Пес был доброго нрава, крайне любознательный по молодости, но баснословно неопытный и с одной особенностью: он боялся и терпеть не мог непонятных вещей, именно непонятных, в этом я находил даже какое-то сходство с собой: необъяснимые вещи меня тоже всегда выводили из равновесия и лишали спокойствия.

Ну что этот сарай охранять, думал я, коли и двери-то в нем настезь открыты; или поленицу дров сторожить: кто позарится на полено, ежели кругом на сотни километров лес.

Все старшина, наверное, это его выдумка: некуда было поставить, он и приткнул меня к поленице дров...

Однако стоять на посту было лестно: в винтовке четыре патрона да одиннадцать в подсумке. Впервые такая ответственность.

Все это вызывало досаду и беспокойство. Пес тоже чувствовал себя беспокойно в эту влажную весеннюю ночь.

Таёт снег, а Сигнал помнит, как глубокой осенью земля покрывалась белым, и вот опять он начинает таять; а что впереди будет яркая весна и зеленое лето, — это еще Сигналу неизвестно. Этого он еще не мог узнать за свою семимесячную жизнь.

Не простояли мы с ним и часу спокойно, как пес впал в ярость, кидается к углу сарая, остервенело рычит и отскакивает, как мяч.

Страх и на меня нашел. Старый сарай с темными провалами раскрытых дверей показался вдруг дырявым. Иду с винтовкой за угол: тихо кругом, никого нет, только дверь на петлях раскачивает ветром.

Не дурил ли, думаю, шенок. Стал его тихонько подталкивать к углу сарая, всматриваюсь туда же, куда и пес кидается. Он повизгивает, шерсть на нем дыбом. Изготовился я с винтовкой, наклонился тихонько к углу сарая и, наконец, рассмотрел причину ужаса и ярости пса — всего-навсего легкий клубочек войлока. Завихряет его ветром на углу, подбрасывает в воздух кверху и кружит спиралькой, а псу от этого жизнь немила, да и мне что-то не по себе.

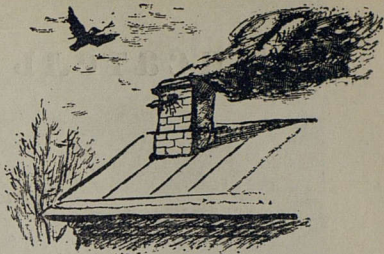
Пока мы с Сигналом разбирались в этой напастии, мне показалось, что кто-то прошел за сараем, я быстро подошел к другому углу, заглянул в сарай, но никого не было. Страхи ползли отовсюду.

Мне стало досадно, что поленницу не видно сразу со всех сторон и сарай тоже. Как хорошо было бы откуда-нибудь сверху видеть сразу все это и стрелять по злоумышленникам. Но стрелять было не в кого, а ходить в полной темноте кругом никому ненужной поленницы и сарая было необходимо. Тысячу усовершенствований я придумал в эту ночь для этого поста. Мысленно выстроил высокую вышку, навел на сарай и ненавистную поленницу яркий прожектор, а вокруг всего на крепкие кольца натянул колючую проволоку. Сколько я времени мечтал и строил — неизвестно, но настал час отдохнуть: пришла смена.

В следующую смену на пост я вышел в пять часов утра. Давно мне не приходилось так радостно встречать восход солнца. Мне показалось, что в эту ночь состоялось торжественное открытие весны, все явилось разом: и багряница восхода, и прилет птиц, и ржавая земля на проталинах, и метровые сосульки с крыши. Хожу я вокруг поленницы и сарая да поглядываю в разные стороны.

Взошло солнце.

Скворцы стали что-то мастерить в скворечнице. В трубе нашего склада галка начала строить гнездо из сухих веток, отломленных на тополе. Но вот ветка ей попалась покрепче и как раз над скворечницей. Встала галка на берестяную крышу скворечницы и потянула ветку. Скворцы в панике, шум на крыше, а галка отложила ветку — и бересту со скворечницы сдвинула. Скворцы шумят: дыра в крыше. Галка тоже в беде, повалил из трубы густой дым:

старшина, должно быть, решил склад пропустить.

Кругом весенняя возня. И опять Сигнал озверел, тычет морду в лужу со льдом, щенок опять пришел в великую ярость, опять непонятное увидел: первые движения лягушки. Тает лед, отходит земля, и лягушка начинает разгибать свои промерзшие лапы. «...Как оттает лягушка, значит, пришла весна», — так предсказывал наш повар Петр. И, действительно, весна пришла.

Прошла ночь, прошли у нас с Сигналом ночные страхи, а вскоре и с поста меня сняли — так прошла у нас с Сигналом первая ночь на посту.

Прошла она, как мне казалось, очень мирно. А гроза накапливалась. Иду я, выспавшись, умываться по коридору, подхожу к стенгазете, а из нее смотрит на меня безобразная карикатура и статья «Человек с ружьем».

Узнаю себя. Горько было узнать правду: поставили меня к этому дырявому сараю на испытание, и пока я разбираюсь с Сигналом в «непонятных» вещах, а может быть, и во время мечтаний о прожекторе, старшина подобрался к моему посту и успел перенести с десятков поленьев в сарай.

Горьким укором смотрели на меня из газеты эти плохо нарисованные поленья. С этих пор мне стала ясна разница между «часовым» и «человеком с ружьем».

Писатель на охоте

Фотоочерк

Когда Михаил Михайлович Пришвин работает, то любимая его собака Лада, описанная во многих рассказах, лежит смиренно позади на кресле и терпеливо ждет, когда хозяин оглянется на нее.

Творчество Михаила Михайловича Пришвина тесно связано с охотой. На охоте, в общении с природой, Пришвин черпает сюжеты своих рассказов: он описывает встречи с людьми, зверей, птиц, цветы, деревья, ручейки и своих собак.

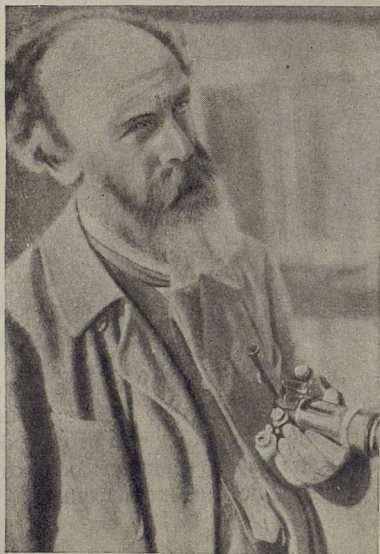
Пришвин очень любит охоту на зайцев. На зайца лучше всего ходить зимой, по следу на снегу. Но ходят на него и осенью, по «чернотропу». На снимке: М. М. Пришвин на охоте «по чернотропу» на зайца. Заяц где-то запал, одна из собак вернулась к охотникам, а Пришвин ей говорит: «Пошла, пошла, ищи, глупая».

А вот писатель на тетеревиной охоте.

Этот петух налетел на охотника вплотную, увидел его, круто повернул и стал удирать. Но меткий глаз Пришвина поймал на фоне светлого неба черный силуэт, и догнавшая пуля пронзила петуха. Это был исключительно счастливый выстрел.

— Вот как надо стрелять! — сказал Пришвин.

Михаил Михайлович—прекрасный фотограф. Замечательные «лесные» снимки, иллюстрирующие его рассказы, хорошо известны читателям. Тонкую, кружевную паутину, первые зацветающие веточки, и многое другое «поймал» Михаил Михайлович своей «лейкой».

На снимке: Пришвин с аппаратом «лейка», к которому привинчен телеобъектив для с'юмок птиц и зверей.

Обе эти фотографии сняты Михаилом Михайловичем Пришвиным.

Это лес в Загорске, где живет писатель. В марте солнце светит чаще и дольше чем зимой. Снег еще не начал таять, но уже чувствуется весна.

Михаил Михайлович Пришвин много ездит по Советскому союзу. И везде, где заметит он что-нибудь интересное, щелкает его фотоаппарат.

Вот заросли редкого вида папоротника. На Дальнем Востоке увидел его Пришвин и запечатлел на фотопленке.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ НАУК
БИОЛОГИЧЕСКИХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ,
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ, ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ

Г Е О Г Р А Ф И Я

К Северному полюсу на подводной лодке

Какие только средства передвижения ни применял человек, чтобы добраться до полюсов! И простые сани с собачьей упряжкой, и корабли, и аэропланы, и дирижабли!

Знаменитый английский полярный исследователь Губерт Вилькинс решил применить еще один способ: подводную лодку.

Собаки и люди, так рассуждал Вилькинс, идут по льду, но останавливаются перед водой. Корабль может быть остановлен и даже раздавлен льдами. Самолет может обледенеть или разбиться при посадке. Всем им страшны бури, метели, циклоны. А подводная лодка идет и под открытой водой и подо льдом, и ее не достанет никакая буря.

У Вилькинса не было денег, чтобы купить или построить подводную лодку и снарядить экспедицию. Ему пришлось собирать добровольные пожертвования. Правительство Соединенных штатов очень заинтересовалось проектом Вилькинса и решило было предоставить ему одну из своих подводных лодок. Но, по американскому закону, нельзя дарить государственное имущество частному лицу, да еще иностранцу. Юристы-закононики нашли, однако, выход. Нельзя дарить? Прекрасно! Но закон не запрещает продать Вилькинсу подводную лодку, скажем, за... один доллар (то есть меньше чем за два рубля!).

Так и было сделано.

Подводную лодку Вилькинс переделал. Он поставил на ней выдвижную трубу со сверлом, чтобы можно было в случае нужды пробуровать снизу ледяное поле. Сверху к лодке были приделаны кроме того большие перевернутые полозья — на них лодка должна была скользить по нижней поверхности льда, напоминая ползущую по потолку муху.

Но всего предусмотреть невозможно, и первая экспедиция «Наутилуса» — так назвал Вилькинс свое судно в честь Жюль Верна — так и не достигла полюса. Было это еще в 1931 году.

Сейчас Вилькинс готовит вторую экспедицию. На этот раз он собирается построить новую подводную лодку, специально приспособленную для Арктики. Особые аппараты будут все время указывать глубину океана и давать тревожные сигналы, если за сотню метров впереди окажется подводная скала, айсберг или иное препятствие. Плывя под водой, Виль-

кин сможет разговаривать с земными станциями, а может быть, и с самолетами, работающими в Арктике.

Вилькинс собирается в июле от Шпицбергена пройти до полюса и выйти в Берингов пролив. Этот путь, длиной в 4 тысячи километров, Вилькинс предполагает сделать за два с половиной месяца.

Через каждые 100 километров лодка должна подыматься на поверхность для научных наблюдений. Но если понадобится, она сможет остаться под водой целых пять суток. Длина лодки около 22 метров. Команда ее будет состоять из шести человек.

Т Е Х Н И К А

Солнечная машина

Французский ученый Рожак сосчитал, что солнце в 3 минуты дает земле столько тепла, сколько тратят все фабрики и заводы мира, сжигая топливо в течение целого года. Уже давно у инженеров возникла смелая мысль: нельзя ли заставить работать эту гигантскую и даровую энергию солнечных лучей? Это оказалось, однако, не так просто. Правда, несколько солнечных машин построили. Они качают воду, снабжают кипятком бани, даже приводят в действие небольшие двигатели. Но на большее их не хватает.

Но вот совсем недавно известному американскому ученому Эбботу удалось построить настоящую паровую солнечную машину.

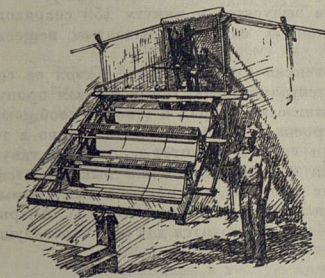
В машине Эббота «работают» три зеркала сложной формы, сделанные из полированного алюминия. Эти зеркала действуют вроде зажигательного стекла; все упавшие на каждое зеркало лучи собираются вместе и попадают на стеклянную трубку.

У трубки двойные стенки, а из промежутка между ними выкачен воздух. Внутри же находится особая черная жидкость — «арохлор».

Солнечные лучи свободно проходят сквозь двойное стекло, попадают на черную жидкость и нагревают ее.

Тут-то они и пойманы! Превратившись из света в тепло, они не могут выйти обратно. Сквозь безвоздушное пространство тепло почти не проходит. Поэтому лучи могли бы нагреть жидкость очень сильно — до 700 градусов. При такой температуре железо раскаляется докрасна! На самом деле жидкость так не нагревается, потому что она все время течет по трубке: с одного конца входит, а с другого выходит. За это время она все же успевает нагреться больше чем до 200 градусов. Вот эта очень горячая жидкость, протекая по трубкам через котел с водой, быстро заставляет воду закипать. В остальном машина Эббота работает, как обычная паровая машина. Но в отличие от всех паровых машин она не требует ни малейшей затраты топлива.

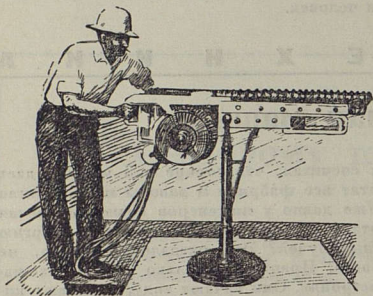
Эббот считает, что такие машины можно будет ставить всюду, где много ясных дней.

Электромагнитная пушка-пулемет

Самые мощные современные пушки имеют все-таки важный недостаток: при выстреле видна вспышка, а звук выстрела далеко слышен. Враг может узнать, откуда стреляют, и в свою очередь обстрелять батарею.

Давно уже изобретатели всего мира выдумывают пушку, которая не выдавала бы себя при стрельбе.

Для этого стараются заменить силу пороховых газов какой-нибудь другой силой, например центробежной или электричеством. Особенно удобно было бы, конечно, электричество. Но сделать электропушку оказалось совсем не так легко. Изобретатели проектировали пушку за пушкой, но получались такие огромные, неуклюжие уроды, что их никто и не пытался построить.

И вот сейчас, как сообщают американские журналы, американцам удалось сделать удобную электрическую пушку.

Она выпускает в минуту 150 снарядов, начиненных сильно взрывчатým веществом.

Как же устроена эта необыкновенная пушка-пулемет? Ствол ее состоит из ряда мощных кольцевых электромагнитов. Когда по ним пропускают ток, они со страшной силой втягивают снаряд в ствол и сообщают ему огромную скорость. Пушка устроена так, что ток идет только в те магниты, которые находятся впереди снаряда и которые, значит, тянут снаряд вперед. Магниты, оставшиеся позади, немедленно выключаются. К тому моменту как снаряд вылетает из ствола, все магниты выключены, в ствол подан новый снаряд — и пушка готова к новому выстрелу. Американцы считают, что новая пушка особенно пригодится для противовоздушной обороны.

Крылатые люди

Спрыгнув с самолета, парашютист не знает, куда занесет его ветер. Может быть, на ровное поле, а может быть, в реку. Парашютом нельзя управлять!

Много раз изобретатели пытались придумать управляемый парашют. Делали крылья, чтобы летать на них, как на маленьком планере. Однако крылатых людей поджидал страшный враг — штопор. Человек с крыльями вдруг начинал не просто падать или планировать, а стремительно вращаясь и потеряв возможность управлять своим движением, несся вниз, к земле...

Этой беде никто помочь не мог. Но вот за дело взялись профессора, инженеры и слушатели нашей Военно-воздушной академии, и сейчас построены уже крылья системы слушателя Б. В. Павлова, которые оказались лучше всех остальных. Чтобы летающий человек не вертелся и не кувыр-

кался в воздухе, Павлов изобрел мягкий «стабилизатор», вроде хвоста воздушного змея.

Сами крылья сделаны из металла дюрала и обтянуты полотном. Они очень похожи на крылья кузнечика и так же складываются за спиной. Крылья прикрепляются к спине, а руки остаются свободными.

Свой аппарат — наполовину парашют, наполовину планер — изобретатель назвал «парাপлан».

Он совершил на нем уже довольно много полетов, продолжавшихся по нескольку минут.

Он делал виражи, развороты и другие фигуры, планировал то круто, то полого.

На небольшой высоте он снимал крылья, и они опускались на грузовом парашютике. Сам он тоже раскрывал обычный парашют и приземлялся.

Сейчас Павлов с другими работниками Академии стремится еще улучшить свой «парাপлан». Главное — это добиться уменьшения скорости падения. Тогда можно будет обойтись вовсе без парашюта, а прямо с крыльев становиться на ноги на землю.

Вода из воздуха

В самое сухое время над каждым квадратным километром земли пролетают за сутки в виде пара миллионы ведер воды. И в воздухе над пустыней есть вода, беда только в том, что она не выпадает на землю дождем или росой.

Значит, нужно найти способ все же извлечь ее из воздуха. Как же сделать это? Вот о чем говорили несколько дней подряд ученые, собравшиеся недавно в Москве на конференцию «по конденсации водяных паров воздуха».

Извлечь воду из воздуха можно даже не одним, а тремя разными способами.

Первый способ основан на очень простом наблюдении: если внести холодный стакан в теплую комнату, он «запотевает».

большие кучи камней. Внутри кучи камни оставались холодными, и проходящий сквозь кучу ветер оставлял на них влагу. Из-под кучи тек маленький ручеек...

Однако кучи и ямы очень громоздки, а воды дают мало. Профессор В. В. Тугаринов построил в Москве башню с очень толстыми стенами. Внутри башни всегда прохладно, как в подземелье. Через отверстия туда

попадает воздух и покрывает росой холодные стены. Тугаринов изобрел электрический прибор, который ускоряет образование росы. Поэтому даже небольшая башня дает довольно много воды. Можно делать даже переносные башенки. Башенка, занимающая 1 квадратный метр, может дать за 10 часов 10 литров воды.

Некоторые вещества на воздухе «отсыревают». На этом построен второй способ.

Если древесные стружки оставить на ночь на воздухе, к утру они станут влажными. Каждый килограмм стружек, оказывается, вбирает в себя два литра влаги. Сырые стружки перекладывают в застекленный ящик. Днем от тепла и солнечных лучей вода испаряется. Пар попадает по трубам в другой ящик с холодными стенками и снова превращается в воду. Всю эту установку легко переносить с места на место, и в самых засушливых пустынях она даст несколько литров воды в день.

Есть и третий способ. Он основан на том, что некоторые химические вещества жадно поглощают влагу. Но этот способ самый дорогой и сложный, поэтому им никто не пользуется.

БИОЛОГИЯ

Пересаженная нога

Врачи давно знают, что можно пересаживать с одной части тела на другую или с одного животного или человека на другого кусочки кожи или мускулов. Такой пересадкой доктора исправляют, например, изуродованные раной лица.

Но можно ли пересадить не простой лоскуток кожи, а ногу? Целую ногу, с костями, мускулами и кожей?

Ученые отвечали на это так: смотря у какого животного. Ведь не все живые существа одинаково легко выносят раны и операции. Человек с отрезанной ногой без медицинской помощи умрет наверняка, лисица может выжить, а у рака оторванная клешня просто вырастает снова.

Пересадки ног у таких животных, как ящерицы или саламандры, удавались, а пересадить ногу млекопитающему или птице еще никто никогда не мог.

Правда, один только раз знаменитому физиологу Алексису Каррелю удалось пересадить ногу собаке. Но эта нога хотя и приросла, но ничего не чувствовала и не двигалась. Она жила, по жилам текла кровь, но ее можно было жечь, колоть, а собака ничего не замечала. Это было двадцать лет назад.

И эти двадцать лет не прошли даром для науки. Осенью 1936 года американский ученый Швинд из Чикаго пересадил на спину белой крысы ногу от другой крысы. Самым тщательным образом он соединил связки со связками, мышцы с мышцами, нервы с нервами. И все срослось. У крысы стало пять ног.

И что замечательней всего — пятая нога двигается. Ее нервы сращены с нервами одной из собственных ног крысы. Поэтому обе ноги повинуются одним и тем же нервным приказам и делают одинаковые движения. Когда крыса ходит, то пятая нога тоже «шагает» по воздуху, когда одну ногу шкочут или колот, — отдергиваются обе ноги.

Пересадка ноги удалась у собаки. Когда-нибудь такие операции научатся делать и над человеком. Потерявшему руку или ногу человеку будут приращивать новую от трупа, как сейчас спасают от смерти сотни и тысячи раненых, переливая им трупную кровь.

Сказка о черной жучихе Такингеут

Чукотская сказка

Обработала Н. Шеболдина

Рис. Ю. Кискачи

У старика была дочь.

Приехал к нему на белых оленях гость и сел у очага.

Хозяин спросил:

— Кто ты?

— Я Тиркиннеку.

— Зачем приехал?

— Сватать твою дочь.

— Не отдам. Год плохой. Корма плохие. У меня много оленей подошло. Как свадьбу справлять?

— Дам тебе сто оленей!

Схватил Тиркиннеку бубен, застучал, закричал, завыл, с неба упали звезды, сделались оленями, защелкали рогами, стучат, жмутся к яранге старика.

Тиркиннеку сказал:

— Вот, старик, бери оленей.

Взял старик, обрадовался и сказал:

— Ладно. Породнимся!

Схватил Тиркиннеку бубен, застучал, запел. От его пения все шкуры песцов, лисиц, горностаев, белок ожили и стали плясать

под бубен. Плясали, плясали, потом прыгнули на свои места, повисли и опять сделались шкурами.

Схватил Тиркиннеку дочь старика, посадил на своих белых оленей и увез.

Покевали они и приехали к речке. На другом берегу речки стояла белая яранга Тиркиннеку.

Тиркиннеку сказал жене:

— Сядь на этом берегу, посиди, а я пойду поищу броду, — и ушел.

Сидит дочь старика. Видит: идет к ней черная жучиха. Дочь старика спросила у нее:

— Кто ты?

— Я черная жучиха Такингеут.

— Зачем пришла?

— Тебя ищет большая птица. Хочет отнять у Тиркиннеку. Я сказать пришла.

— Что делать? Унесет меня большая птица.

— Не бойся, я тебя спрячу! Надень мое черное платье, а я надену твое!

Надела жена Тиркиннеку черное жучихино платье и сделалась жучихой. Схватила ее Такингеут и посадила под корень травы.

Потом пришел Тиркиннеку и сказал:

— Ну поедем! Я нашел брод.

Он не узнал черную жучиху.

Жена закричала из-под корня травы.

— Тиркиннеку, это жучиха! Это злая шаманка Такингеут!

Но голос ее был слаб, Тиркиннеку не услышал его и уехал.

Весной родился у дочери старика сын. Вырос, уперся головой в травяную кочку, вышиб ее и вышел. Мать обрадовалась, поставила на берегу речки ярангу, сплела из своих волос веревку, поставила петли и стала ловить диких оленей. Из шкур оленей сделала сыну одежду, сделала ему лук и сказала:

— Пойди, выстрели. Куда полетит стрела, туда иди и ты.

Мальчишка пошел, выстрелил из лука, стрела полетела через реку, в ярангу Тиркиннеку.

Пришел мальчишка в ярангу Тиркиннеку и сел у очага.

Тиркиннеку спросил его.

— Кто ты?

— Да вон там живет моя мать, за речкой. Пойдем к ней.

Тиркиннеку удивился.

— Кто там живет за речкой? Никто никогда не жил.

Но все-таки пошел посмотреть, а мальчишка повел его за руку. Пришли, и Тиркиннеку сел у очага. Женщина спросила его:

— Пришел, Тиркиннеку? — и заплакала.
— Ты что плачешь? — спросил Тиркиннеку.
— Я твоя жена, — ответила женщина.
— Нет, моя жена сидит в моей яранге, шкуры оленей скоблит:
— Это не твоя жена. Это злая шаманка, черная жучиха Такингеут. Она меня обманула, надела на меня свое жесткое платье, посадила под корень травы.

Тиркиннеку хорошо всмотрелся в свою жену и узнал ее. Он обрадовался, обнял ее и сказал:

— Сиди здесь. Я пойду убью черную жучиху.

Пришел домой и говорит жучихе:

— Жена, у тебя голова косматая. Дай причешу.

Жучиха обрадовалась:

— Причеши! Причеши!

Она положила голову на колени Тиркиннеку. Стал Тиркиннеку чесать ее голову, она и уснула. Тиркиннеку раздвинул ее косы, посмотрел, а шея у нее черная, жучиная.

Развел он огонь и бросил жучиху в огонь.

Упала жучиха на спину, лапки подняла кверху и кричит:

— Тиркиннеку, зачем ты меня бросил в огонь? Я твоя жена.

— Нет, ты черная жучиха Такингеут. Ты обманула мою жену, надела на нее черное платье, посадила под корень травы.

Схватил лучину, перевернул жучиху ничком — она и замолчала. Сгорела.

Полевод совхоза «Вахш» об'езжает хлопковое поле.

Республика таджиков

Ю. Тушкан

Крыша мира

На самом юге Советского союза сплелись огромные горные цепи Гиндукуша, Гималаев, Куэнь-Луня и Тянь-Шаня. Между ними высится Памир — могучие горы, покрытые льдом и снегом. Персы называют их *Vam-i-dunia* — Крыша мира. По индийской космографии, Памир находится в центре мира и дает жизнь всем рекам. Еще в древности многие ученые писали о Памире: писали Аристотель, Плиний, Птоломей. Но писали они по-наслышке. Впервые Памир посетил и описал в VI столетии буддийский монах Суень-Цзян:

«По-ми-ло, — писал он, — тянется между двумя снежными хребтами, поэтому здесь страшно холодно и дуют порывистые ветры. Снег идет и зимой и летом... Всюду дикая пустыня, без следов человеческого жилища. Посредине долины, на огромной высоте, Озеро драконов».

Много позже, в XIII столетии, купец Марко Поло, искавший путь из Венеции в Китай, так описал Памир:

«...На восток дорога идет с горы на гору, и в одном месте можно подумать, что это самая возвышенная часть света... Там, на самых высоких горах, виднеется кое-где несколько хижин, где живет племя диких очень злых идолопоклонников, питающихся охотой и употребляющих звериные шкуры вместо одежды».

На Памире, в Кизил-Рабате, есть старинный столб, а на столбе надпись со стрелками:

«Индия, Афганистан, Россия, Китай».

Теперь надпись надо изменить. Стрелки, обращенные к югу и востоку, попрежнему показывают на Индию, Афганистан и Китай, но на север от столба лежит Киргизская ССР, на запад — Узбекская ССР, а между ними, в центре, находится Таджикская советская социалистическая республика».

ка. Столб с надписями стоит во владениях этой республики, самой южной из всех республик Советского союза и лежащей на самой большой высоте над уровнем моря.

Памир — собиратель воды

От Атлантического океана, от Черного и Каспийского морей ветер гонит на восток облака.

Перистые, слоистые, кучевые, грозовые, они проносятся над долинами, городами и реками, разливаясь дождями, рассыпаясь снегом. Все выше и выше поднимаются облака над раскаленными песками среднеазиатских пустынь, но дальше путь им преграждают снежные вершины Памира, поднимающиеся ввысь до семи тысяч метров. Тут тучи застревают: горы не пропускают их на восток, в Китай. Если и прорвется туча через Заалайский хребет, ее остановит хребет Академии наук. Прорвутся остатки и через этот хребет — остановит следующий хребет — Ванчский. Так и клубятся тучи в цепках об'ятых ледников, где-нибудь между Шугнанским и Дарвазским хребтами, оседающая изморозью, осыпаясь снегом. Более тысячи миллиметров осадков ежемесячно приносят тучи. Из века в век несутся они. Веками намерзают висящие ледники на безжизненных вершинах гор. Веками накапливаются здесь огромные запасы воды.

Безжизненны бесконечные снежные просторы гор зимой. Изредка лишь залетает сюда снежный гриф да орлы парят внизу.

Но вот пригрело весеннее солнце. Обнажились верхушки холмов. Ветер сдувает с них песок и рассыпает по снегу. Снег желтеет от песка, и песчинки, накаляясь на солнце, жгут снег и «едят» его. Снег испаряется, не тая.

От шума, от ветра, от солнца и мороза пласты снега и льда, бывшие тучи, сотнями лавин бешено кувыркаются вниз, срывая на своем пути куски скал, снося кусты и деревья.

Осыпаясь на ледники, они увеличивают их водные запасы. Ледники на Памире огромны. Один ледник Федченко — 77 километров!

Страшен сверкающий, слепящий глаза ледник. Извилистые бездонные трещины наполнены темнотой и морозом. Кругом нагромождены ледяные столбы. В сильные морозы орудийные залпы несутся с ледников: это трескается лед.

Из ледников течет вода.

Памир богат водой. Сотни ключей бьют у подножья гор и на перевалах. Из каждого такого ключа обычно с перевала текут две реки: одна — в одну сторону, другая — в другую. У перевала Кизил-Бель, из одного и того же места, одна Кизил-су течет на запад, в СССР, другая Кизил-су течет на восток, в Китай. С перевала Терс-Агар одна Туз-су течет на север, другая — на юг. И так повсюду.

Зимой вода прозрачна. Даже маленькие камешки видны на дне. А летом, когда греет солнце, мутные потоки рвутся из ледника. Вначале небольшими ручьями с камня на камень, со скалы на скалу вода свергается вниз. Разбежится с круч и мчитяся во весь дух. Все скорее, все стремительнее, все страшнее. Тут уж вода не обтекает камни, а ударяет в них, выворачивает и катит по дну, несясь все быстрее и быстрее.

Десятки, сотни камней гремят по дну. И не какие-нибудь маленькие обломки: вода мчит вниз и 70—80-пудовые глыбы. Стоя и гул стоят над реками, зажатыми в ущельях гор, закутанными водяной пылью. Ни переехать, ни перейти.

Потоки мчатся с гор, соединяются в большие реки и поливают поля Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана и Каракалпакии. «Река народов», как ее называют с древнейших времен, — Аму-Дарья — имеет в Средней Азии не меньшее значение чем Нил в Египте. На вид в Аму-Дарье не вода, а густой кофе: на один кубометр воды — 1,4 килограмма ила. Зато почва в долине Аму-Дарьи — одна из плодороднейших в мире.

Вода — великое слово для Средней Азии. Из-за воды воевали народы, судились родственники, сосед убивал соседа. Водой владели богачи.

Там, где вода, — там зеленеют сады, пахнут стада и рис шелестит колосьями. Там, где нет воды, — вздымаются бесконечные песчаные барханы.

Вода — жизнь для Средней Азии, а таджикский Памир собирает и дает воду.

Страна „белых пятен“

С древних времен Памир привлекал к себе различных завоевателей. Его захватывали тибетцы и китайцы. Великий полководец Александр Македонский в IV веке до нашей эры настроил в горах Памира крепостей и переселил сюда 14 тысяч греков. Конечно, не снега и льды манили завоевателей.

Академик Горбунов и тов. Аболаков поднимаются на высочайшую вершину Памира — пик Сталина.

лей, а огромные богатства, которые таят в себе недра таджикских гор, особенно золота.

Часть этих богатств была известна еще в древние времена: Кугелянские рубиновые копи царя Соломона, старинные Туя-Муюнские рудники радия, горы соли, белой, синеватой и розоватой... Ртуть, которую ловили на кошму в арыках, ляпис-лазуревые разработки, уголь, свинец, серебро и железо на Ванче. Но это — далеко не все: это лишь часть сокровищ Памира. До самого последнего времени Памир был мало исследован; только в советское время началось настоящее его изучение.

Таджикский народ до революции не мог пользоваться богатствами своих гор. Они расхищались эмирами, баями и царскими колонизаторами.

Баи и духовенство после революции долго пытались сопротивляться советской власти. Но Красная армия и дехкане, организовавшиеся в партизанские отряды — в отряды «красных палочников», как их называли в Таджикистане, — разгромили басмаческие шайки. Сотни советских научных работников во главе с академиком Н. Н. Гор-

буновым пошли на штурм неизвестных гор и долин Таджикистана, чтобы помочь трудящемуся таджикскому народу.

Крыленко штурмовал пик Ленина, Кавалеров вел наступление на неизвестные в то время горы с запада, и сразу оказалось, что карты неточны.

Множество «белых пятен», т. е. множество неисследованных, неизвестных никому гор и долин, оказалось в Таджикистане.

На вопрос: «Что за горой?» — проводники — горные таджики — отвечали:

— За горой неизвестно что. Дорог нет, никто не был, никто не знает!..

Узел Гармо искали в одном месте, а нашли в другом. Много неожиданностей преподносил исследователям Памир. Но большевики не сдавались. И вот там, где были на картах «белые пятна», геологоразведочные партии таджико-памирской экспедиции нашли редкие ископаемые. Один Кара-Мазар чего стоит! Там свинец, серебро, олово уран, радий, мышьяк, висмут, фосфориты.

На центральном Памире нашли торий, церий, циркон, молибден.

Открыт Дарвазский золотой пояс.

Найдены колоссальные запасы солей для химической промышленности.

А подмиллиарда тонн угля!

А нефть, а медь!

Огромны богатства таджикского народа. Теперь, казалось бы, уж все исследовано, все известно. Нет, далеко не все! Только год назад одна из экспедиций открыла Баба-Тар. До тех пор в этом месте никто не был, и считалось, что там полупустынные степи. Но в один из летних месяцев, когда снега тают на перевалах, экспедиция пробралась через горы, и оказалось, что в Баба-Таре сотни гектаров фисташковых и ореховых лесов, рощи диких яблок, груш и миндаля. Там бесчисленные стада джейранов, масса диких кабанов и барсов.

И кто знает, что еще можно найти в Таджикистане!.. Но исследование Памира давалось с огромным трудом. Многие перевалы открывались только летом и то на месяц или на несколько дней. Лед, снег и неприступные скалы преграждали путь.

Джины, дэвы и ождахоры

Встречались и совсем особенные трудности.

Очень часто в далеких горных кишлаках на предложение показать дорогу или сделать какую-нибудь работу участникам экспедиции отвечали:

— Нельзя, Гулли-Явони запрещает.

До революции в Таджикистане на тысячу неграмотных было только шесть грамотных, да и те муллы и баи. Поэтому жители малодоступных горных кишлаков верили во всякую чертовщину: в дэвов — злых духов; в Гулли-Явони — лешего, верили в джинов, то есть в тени некогда живших людей, что скитаются за грехи по свету.

Часто жители знали, где находится в горах золотая жила, но молчали, потому что мулла запретил им рассказывать о ней. А почему запрещал мулла, — понятно: ведь если большевики вырвут из скал золотые корни, то в песке рек исчезнет золото. Нечего будет посылать Ага-хану, которого муллы зовут «уполномоченным бога» на земле. Этот «уполномоченный бога» живет в Индии, в Бомбее, в роскошном дворце, и прокучивает бедняцкие деньги.

Так на пути экспедиций стали драконы, злые духи, змеиные цари. Муллы и баи, отстаивая свои интересы, обманывали неграмотных таджиков старыми легендами. Со всей этой чертовщиной пришлось упорно бороться. Она мешала и вредила.

Но таджикские большевики победили. Они принесли грамотность. Они облегчили ее, введя более простой, латинский алфавит. Они разгромили басмачей и помогли беднякам создать колхозы. Плохо стало джинам и ождахорам. Лешему — Гулли-Явони — пришлось бежать в Афганистан. Сразу нашлись пути в ранее недоступные ущелья, рудники, россыпи, копи...

Теперь в горах говорят о других чудесах — об автомобиле и железной дороге.

Черная буря

В Таджикистане все время дуют ветры. С утра начинается слабый ветерок, потом он усиливается и часто переходит в ураган.

Земледельческие долины вытянуты в Таджикистане с востока на запад. Из-за того, что в них все время гуляют ветры, их шута называют «сквозняковые долины».

На Памире мало земли, пригодной для земледелия. Поля в горных кишлаках крошечные, но и они созданы огромным трудом. Люди приносят издалека землю на эти поля. Однажды на высоте 3120 метров я был свидетелем такого случая. На этой высоте было поле. Его только что вспахали. В это время усилился западный ветер. По земле накатились листья, ветер пригнул траву. Запрыгали легкие песчинки. Ветер заревел, песчинки взвились в воздух и понеслись. Горы исчезли за тучами поднятой пыли. Земля набивалась в рот, в нос, в уши. Мы лежали под полотнищем сорванной палатки и держались за камни, чтобы не улечь.

Ветер продолжал реветь.

Когда на другой день мы пошли на вспаханное поле, то поля не оказалось. Ветер поднял всю землю, до самых камней, и унес в Китай.

Иногда бывает обратное: восточный ветер приносит в Таджикистан китайскую землю. На другой день как раз так и случилось. Утро было безоблачное. На солнце было жарко, а в тени, как и всегда на Памире, — холодно. Ветра не было. Было тихо-тихо. К полудню солнце стало тусклым и покраснело. Горы исчезли в дымке. Было жарко и душно. Все дышали, широко открыв рты, и все время пили воду.

Вдруг с неба посыпалась пыль. Желтая и очень мелкая. Она покрыла тонким слоем все окружающее. Это была пыль самумов, прошедших в китайской пустыне Гоби, или Шамо.

Тутовая мука

Однажды я сидел на камне, у кибитки, а все жители кишлака: дети, юноши, мужчины, женщины — сидели на деревьях. Я тогда еще не знал таджикского языка, поэтому никак не мог договориться, чтобы нанять проводника.

Я не могу понять, почему в рабочее время взрослые люди занялись ягодами. Но вскоре под'ехал райагроном-таджик и все выяснилось. Оказывается, жители здесь питаются целый год тутовой мукой и изредка мясом. Полей нет,— значит, нет и зерна. Вот они и собирают тутовые ягоды, сушат их и перемалывают в муку.

Райагроном приехал, чтобы вручить жителям кишлака документы на переселение в долину Вахша, на плодородные земли, где Вахшстрой орошает 73 тысячи га. Там они будут сеять хлопок и есть рис, баранину и хлеб вместо туты. Так перестраивает свою жизнь Советский Таджикистан.

Почему як потерял любовь населения

Развитию Таджикистана мешают трудные проходимые горные дороги — овринги.

Дороги лепятся узкими карнизами на отвесных скалах, пользуясь незначительными выступами. В расщелины гор воткнуты палки, они покрыты прутьями и засыпаны камнями. Это и есть дорога — овринг. По такой дороге приходится людям делать десятки километров над страшными кручами, то поднимаясь высоко вверх, то спускаясь ко дну ущелья, чтобы по шаткому, висячему мосту переехать через реку.

От Москвы до Ленинграда 651 километр. Далеко ли это? Нет, близко: только ночь пути. Весь Таджикистан, в поперечнике с севера на юг, — около 250 километров. Расстояние как будто небольшое. Но это далеко! Очень далеко!

На высоких горах, по пояс в игольчатом снегу, можно сделать только несколько километров за сутки, а то и меньше.

Когда академик Горбунов и Аболаков брали высочайший пик Сталина, они делали за час по несколько десятков шагов. А на самую вершину Аболаков вполз буквально на четвереньках. Это было 2 сентября 1932 года.

Прославленный вездеход Памира — як. Это — горбатое, волосатое как мамонт, высокогорное животное с лошадиным хвостом

и огромными рогами. Як на Памире — это транспорт, одежда, пища. И вдруг як, выносливый як, потерял любовь населения.

Як вытеснил автомобиль. Овринги, где не могут разминуться встречные, сменило шоссе.

Шоссе бежит через весь Памир, извиваясь по долинам, мимо голубых озер, через снежные перевалы, перед которыми Монблан покажется холмиком. Задыхаются автомобили в разреженном воздухе больших высот, и грифы зло смотрят со скал на фыркающие чудовища.

Як потерял свою славу высокогорного вездехода, потому что по линии Ташкент—Сталинабад—Хорог летают самолеты.

Сразу Памир сделался близким в различных своих частях, куда раньше нужно было ехать месяцы, хоть и много еще оврингов вьется по крутым горам.

Страна в движении

Все в Таджикистане движется.

Двигутся люди, движется вода, движутся горы, движутся колхозные отары.

Ранней весной крупнейшие в мире гиссарские овцы еще пасутся внизу, в долинах. Там, по берегам Аму-Дарьи и других рек, растут травяные леса, закрывающие всадника с головой.

Из этих долин с наступлением тепла отары начинают подниматься все выше, в горы. К осени стада достигают высокогорных степей. За отарами движутся скотоводы с ребятами, с юртами, нагрузив багаж на яков, ишаков и лошадей.

Передвигается дикий животный мир Памира. С наступлением весны архары и киики поднимаются к кромке вечных снегов.

Двигутся ледники, проползая от 20 до 500 метров в год. Сотнями потоков льется с гор вода, увлекая вниз золотой песок и платину.

Когда-то, полторы тысячи лет назад, таджики образовали великие культурные государства: Согдиану, Бактриану, Трансоксиану. Эти страны лежали на мировых торговых путях. Здесь шли караваны с товарами в Китай и Индию.

Но беспрерывные войны и набеги кочевников разорили таджиков. Разрушались оросительные сооружения. Население бежало в горы. Только теперь, при советской власти, таджики снова вернулись в плодородные долины.

Над бурными реками, ежеминутно рискуя сорваться, пробирается караван по оврингу — карнизу из камней и веток. Фото академика Горбунова.

По горным рекам ездят на турсуках — бараньих шкурах, надутых воздухом. Несколько турсуков связывают вместе — получается плот. На нем среди брызг и грохота мчатся путники вниз по течению. Фото академика Горбунова.

Орошение одной только Вахшской долины дало огромные новые площади для посева. В знойных долинах Таджикистана прекрасно растет хлопок, и хлопководство там быстро развивается. В 1913 году было посеяно 3 тысячи гектаров хлопка, а теперь Таджикистан сеет 118 тысяч и не просто, а лучших египетских сортов.

В Канибадаме построен текстильный комбинат на 50 тысяч веретен. Там пушистый белый хлопок превращается в яркие ткани.

Хлопковые поля, сады, зеленые долины—все это цветет благодаря воде. Вековые водяные запасы Памира таджикские большевики сумели использовать. В Таджикистане крупнейшие запасы гидроэнергии. Они могут дать 15 миллионов киловатт. Здесь можно построить десятки Днепростроев. И уже построены Вахшская, Варзовская и Исфайрамская электростанции.

Все это благополучие далось таджикскому народу после тяжелой борьбы. Басмачи долго разоряли страну, вырезали много народу. Когда в 1925 году, при национальном размежевании республик, выбирали место, где быть столице Таджикистана: в кишлаке Дюшамбе или в кишлаке Гиссар—и поехали в Гиссар, то там вместо населения в 8 тысяч дворов оказалось только... 6 дворов.

Столицу построили на месте кишлака Дюшамбе. Узки были улицы этого кишлака: на них еле могли разминуться два груженых верблюда. Средневековые высокие

стены дворов—дувалы—прятали население дома от всего мира. А над всем кишлаком царил минарет мечети, откуда пронзительно кричал муэдзин. Сотни верст отделяли Дюшамбе от железной дороги.

Но все быстро переменялось. Едва затихли басмаческие выстрелы, как начали строить столицу Таджикистана. Провели в Сталинабад железную дорогу. На трехмоторном самолете привезли в горы телеги, которых никогда не видело горское население.

Прошло несколько лет. Вместо глухих глиняных кибиток, наполненных дымом,—прекрасные светлые здания. Улицы в Сталинабаде широкие, обсаженные деревьями, словно бульвары.

В Сталинабаде есть театры, кино, вузы, техникумы и школы.

В Таджикистане огромные запасы нефти. Ее добывают усовершенствованными способами и перерабатывают на заводах Таджикистана.

Когда-то таджикскую нефть наливали в светильники «карачираки», где лежал фитиль из ваты; теперь на нефти работают двигатели и электричество освещает Сталинабад.

В таджикской народной песне поется:
«О Таджикская земля, время для тебя
пришло;

Миновал жестокий век, время для тебя
пришло».

Дом дехканина в Сталинабаде.

Боевые дни

(Музей Центрального дома Красной армии)

Боря Фалькович

Москва, Богословский пер., д. 7, кв. 21.

Я был в Музее Центрального дома Красной армии.

В этом замечательном Музее, по-моему, должны побывать все ребята.

Вместе с экскурсией какого-то предприятия я прошел по всем залам. В картинах, фотографиях и документах изображена героическая борьба народов Советского союза за освобождение родины.

Я несколько часов ходил по Музею, и мне все не хотелось уходить, так там интересно. Я расскажу о том, что меня больше всего заинтересовало.

В первом зале висит большая карта Петрограда. На ней начерчен план Ленина, по которому шло Октябрьское восстание. А внизу картина художника Сварога. На ней нарисованы товарищи Сталин, Бубнов, Свердлов и Урицкий. Это военно-революционный центр. Товарищ Сталин руководил всем восстанием.

Но вот начинается гражданская война, со всех сторон на нас наступают враги.

И тогда товарищу Сталину партия поручила разбить войска Деникина.

Деникин отдал приказ:

«Рабочих не арестовывать, а сразу вешать и не снимать 3 дня».

Он страшно ненавидел рабочих и был уверен, что разобьет их в пух и в прах. Но получилось не так: Красная армия разбила Деникина.

На большой карте нарисован план товарища Сталина, благодаря которому Красная армия разбила деникинцев.

Деникин в своем поезде вез сундуки, доверху наполненные погонами. Он собирался раздать их своим соратникам в Москве. Но Деникин был разбит, и красноармейцы, раскрыв эти сундуки, смеются

над Деникиным и привязывают погоны к хвостам своих лошадей.

Очень интересен в Музее отдел партизанской войны.

На столе лежат рогатки, вилы, ружья, будто времен Петра I. Это — оружие партизан. А вот обыкновенная деревянная колотушка. Партизаны прятались в лесах и этой колотушкой нагоняли страх на белых. Белобандиты думали, что это трещит пулемет.

На небольших санках стоит самодельная пушка. Обычно эти пушки разрывались после двух—трех выстрелов. Пушка, которая стоит в Музее, была у алтайских партизан. Она очень небольшая, а ее дуло немного больше дула винтовки. Вся она перевязана проволокой, чтобы не разлетелась от взрыва пороха.

На стене висит какой-то кусочек темной тонкой кожи. Я заинтересовался им и подошел поближе. Оказалось, что это кожа, содранная колчаковцами с руки красноармейца 25-й Чапаевской дивизии. Колчаковцы сдирали кожу и выжигали клеймо на пойманных ими красноармейцах!

Больше всего меня поразило рассказ о храбром командире партизан на Дальнем Востоке товарище Лазо. Он вместе со своим отрядом разбил много вражеских сил, но однажды Лазо попал в плен. Белые начали его мучить и пытать, но Лазо держался очень стойко. Тогда они бросили его живым в паровозную топку, и он сгорел. Так погиб этот храбрый командир.

В другом зале я увидел под стеклом партийный билет, простреленный пулей, и комсомольский билет, залитый кровью.

Я подошел ближе и под комсомольским билетом увидел надпись: «Аниканов, Герасим. Комсомолец. 1900 года рождения».

Когда он умер, ему было всего 29 лет. Он был бойцом Особой дальневосточной Красной армии и погиб во время боя на Китайско-восточной железной дороге в 1929 году.

Я попросил руководителя рассказать мне про Аниканова, и вот что он рассказывал:

«Роту бойцов, в которой был Герасим Аниканов, окружил большой отряд противника. Силы были неравные. Но красноармейцы никогда не сдаются.

— Вперед! — крикнул Герасим и бросился на врага. Но тут же упал, сраженный пулей. И комсомольский билет, который он бережно хранил на груди, был залит его кровью».

Когда я вышел на улицу, уже темнело. Дома я развернул газету и прочел о событиях в Испании.

В Испании тоже много героев. Они хотят жить так же хорошо, как мы. Они берут пример с наших храбрых бойцов — и они победят!

История монастыря

Муля Сагалович и Юра Иванов

Москва, ул. Кирова, д. № 13, кв. 24.

Летом наш пионерский лагерь находился в селе Пошупове, в 25 километрах от Рязани. Жили мы в старинном монастыре Ивана Богослова. Монастырь этот очень большой. Он окружен со всех сторон кирпичной стеной. По середине большого двора находится помещение, в котором жили монахи, а кругом расположены всевозможные башни и церкви. Недалеко от монастыря находится колодезь. Его называли «святым», но там самая обыкновенная вода. Нас всех очень заинтересовал монастырь, и мы устроили сбор отряда, посвященный его истории.

Наш начальник лагеря достал где-то летопись монастыря и рассказал его историю.

Монастырь Ивана Богослова—это один из самых старых монастырей в России. Давно, лет 600 назад, около села Пошупова открылся источник. Через несколько дней на дереве около родника монахи повесили икону Ивана Богослова и объявили, что вода этого источника вылечивает от всех болезней. Недалеко от источника, на пригорке, построили монастырь и перенесли туда икону, а на месте источника соорудили «святой» колодезь. И много народу стало ходить сюда.

Архимандрит этого монастыря Виталий прожил здесь около ста лет и построил

Монастырь Ивана Богослова.

самую высокую и красивую башню монастыря.

Виталий хотел построить такую башню, чтобы она была больше колокольни Ивана Великого в Москве, но церковный синод запретил, тогда Виталий решил строить просто большую башню. Стройка несколько раз прерывалась и начиналась вновь, но все-таки башня была построена.

У монастыря было очень много земель, но архимандрит и монахи были такие жадные, что отнимали землю у крестьян. 25 лет они судились с одним крестьянином из-за клочка земли и, конечно, отобрали у него землю, а его со всей семьей оставили нищим.

Однажды среди ребят нашего лагеря пошли слухи, что недалеко от «святого» колодца находятся какие-то пещеры. Мы решили это проверить. Купили свечу и в свободное время отправились к «святому» колодцу. Искали мы долго, но вдруг заметили, что в кустах что-то белеет. Мы подошли и увидели большую песчаную яму. Мы зажгли свечу и осторожно подошли ко входу. Дыра была настолько мала, что нам пришлось ползти. Вскоре отверстие начало расширяться, и можно было уже встать во

весь рост. По краям подземного хода было много ниш. Человек в темной одежде мог легко спрятаться в этих углублениях. На стенах были заметны следы известки. Как будто кто-то белил их. Нас это очень удивило. С потолка свисали корни различных растений, на них были капельки воды, какие-то насекомые ползали по лицу. Было холодно и жутко. Мы походили еще по пещерам; кое-где были завалы, и мы вернулись обратно. На поверхности земли все село сияло солнышко и было тепло. По дороге в лагерь мы встретили крестьянина. Мы попросили его рассказать нам, что он знает о пещерах. Вот что он рассказал нам. Давно-давно в этих пещерах жили разбойники. Они побелили стены, поставили несколько печей и скрывались от властей. Если их пробовали оттуда выкурить, то они через потайные ходы выбирались наружу и удирали. Для печей у них были особые дымоходы в кустах, топили они экономно, чтобы эти дымоходы не были обнаружены. Впоследствии в пещерах было найдено много старинного оружия.

Мы поблагодарили старика за рассказ и пошли в лагерь.

Монета Петра I

В. Житлов

Город Старобельск, Донецкая область,
ул. Кирова, д. 21, кв. 7.

У меня очень большая коллекция разных монет. Монета, которую я прислал в редакцию, была выпущена Петром I. Это медная копейка. Под словом «копейка» по-славянски написано «1712 год». В это время Россия воевала со шведами. Сначала шведы победили в нарвской битве в 1700, а потом под Полтавой в 1709 году русские наголову разбили войска шведов. А через три года после битвы под Полтавой Петр выпустил эту монету.

В каменоломне

Коля Крючечников

Москва, 4, Глотов пер., д. № 21/1, кв. 5.

Вблизи нашего лагеря, в деревне Ланьшине, находилась каменоломня.

Однажды мы отправились туда, чтобы посмотреть, как добывают камень. Каменоломня была расположена у самого берега Оки. Берег в этом месте крутой и обрывистый. Мы стали осторожно спускаться вниз. Всюду из земли выглядывали желтые глиняные пластины камня. Из-под ног к реке катились мелкие камешки. Мы спустились к узкоколейной дороге, на которой стояли вагонетки, груженные готовыми плитами. Дорога шла по узкой расщелине, между двумя обрывами. Рельсы узкоколейки то влезали высоко вверх, то неожиданно проваливались вниз и, извиваясь, опять вползали на груды камней.

В котловане кипела работа.

Мы, прыгая с камня на камень, вышли из расщелины и очутились в большом котловане. Здесь разрабатывали камень. На каждом выступе, возле огромных, многотонных глыб камня, работали люди. Звенели кирки, сыпался песок и щебень.

В этой каменоломне добывался бутовый камень, который нужен для фундамента домов.

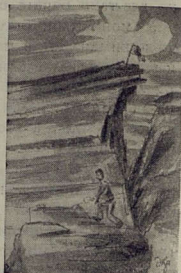
Слой камня лежал неглубоко, и поэтому добыча камня здесь велась открытым способом. Сверху снимали слой почвы, а потом начинали вынимать камень.

Камень добывали здесь еще очень давно — лет 250—300 назад. Тогда камень добывали не открытым способом, а штольнями. Штольни — это нечто вроде шахт. Только шахты в земле идут вертикально, а штольни — горизонтально.

Такие штольни начинали рыть у самой реки и постепенно прорывали все дальше и дальше под землей.

Некоторые из этих штолен сохранились до настоящего времени. Одну из них мы видели. Это было большое, почти квадратное отверстие. Позелевшие от времени деревянные балки сгнили. При прикосновении к ним сыпалась деревянная труха. Из штольни веяло холодом, сыростью и плесенью. В эту штольню теперь уже никто не заходит. Она каждую минуту может обрушиться.

Мы перешли туда, где должны были происходить взрывные работы. Несколько рабочих долбили ломиками скажины в глыбах и заклады вало в них аммонал. Некоторые скажины уже были засыпаны землей, и наверху торчал едва заметный кончик шнура.

Шкуры зажжены.

Шнур этот называется бифордовым шнуром. Это тонкая прорезиненная трубка, начиненная порохом. Его зажигают, и когда огонь доходит до капсулы, происходит взрыв гремучей ртути, от которого взрывается и аммонал.

Над обрывом уже висел красный флаг с черным знаком: это значило, что скоро начнут поджигать шнуры. Мы встали и отошли от обрыва еще метров на сто. Наконец, из-за обрыва вылез человек в куртке, вымазанной желтой пылью: это был подрывник. Он вынул свисток и засвистел, оповещая всех, что шнуры зажжены. Че-

рез минуту должны начаться взрывы. Мы затихли. Было слышно, как колыхается листва на деревьях. Вдруг первый гулкий удар: «Бум-м!» Из-за обрыва взметнулись высоко вверх груды камней. Еще удар: «Бу-у-ум-м!» Прямо возле меня шлепнулся небольшой серо-белый осколок камня. Я его взял в руки, он был горячий.

Взрывы кончились. Подрывник просвистел отбой. Мы пошли вперед и спустились к месту взрывов. От огромных глыб нет и следа. На их месте лежат большие груды камней, а вокруг разбросаны мелкие осколки.

Петька

Письмо и рисунки Володи Соседова

Москва, Костянский пер., д. 4, кв. 42.

Однажды я купил белую крысу и принес ее домой. Крыса была очень пугливая и все время рвалась из моих рук, а один раз даже попробовала меня укусить. Я назвал крысу Петькой и посадил в клетку.

Первые дни я целыми часами стоял у клетки и наблюдал за жизнью Петьки. Крыса постепенно привыкала ко мне и становилась смелее. Вскоре она стала охотно идти на мой зов.

Недели через две я решил заняться воспитанием Петьки. Я выпустил крысу на подоконник. Она быстро обожала весь подоконник и уселась в уголке. Я подошел к окну и протянул руку с приманкой. Крыса осторожно подошла, но, только я чуть-чуть пошевелился, отскочила в сторону. Потом опять подошла и спокойно стала есть из моих рук.

Большая клетка с Петькой стоит у меня на окне. Петька грызет семечки и умывается. А недалеко лежит наш белый кот. Я подхожу к нему и тихонько зову: «Кис-кис». Кот, мягко ступая, подходит ко мне. Тогда я беру его и сажаю рядом с клеткой Петьки. В маленьком домике Петьки происходит ужас-

ный переполох. Петька с ужасом прижимается к стенке клетки. Кот быстро обегает несколько раз клетку и садится вплотную к ней. Потом кот отворачивается. Кажется, что он совсем забыл про крысу. Но это не так. Я вижу, как судорожно стучит о пол хвост кота и как он то и дело выпускает свои кривые острые когти.

Петька отошел от стенки, встряхнулся и подошел совсем близко к коту. Только тонкая стенка клетки разделяет их. По спине кота пробегает дрожь. Уши плотно прижаты к затылку. Кот готов растерзать крысу. Я быстро пригнал блюдечко с молоком и протянул коту. Но он даже не посмотрел, только фыркнул. Петька между тем, видно, понял, что коту не достать его, и совсем расхрабрился. Он просунул между прутиками клетки свою мордочку. Кот сел к нему спиной, а потом вдруг встал, поднял хвост трубой и ушел.

Через несколько дней я решил познакомиться их. Открыл дверь клетки и, взяв кота, насильно втолкнул его к крысе. Кот упирался задними ногами в пол и ни за что не хотел идти в клетку: его страшил маленький крысенок. Петька же доверчиво

тянулся к коту. Кот попробовал вырваться из моих рук, но я крепко держал его. Кот осторожно вошел в клетку, и я тут же взял его обратно.

На следующий день я вновь посадил кота в клетку и запер за ним дверцу. Первым пошел навстречу опять смелый Петька.

Кот снисходительно смотрел на крысу и не трогал ее.

В конце концов я добился того, что крыса и кошка стали есть из одной чашки. Иногда Петька нахально вырывал у кота из-под носа лакомые кусочки.

После еды они играли. Кот набрасывался на крысу, подбрасывал ее кверху и тихонько кусал. Петька бросался на кота и старался укусьить или в нос или в уши.

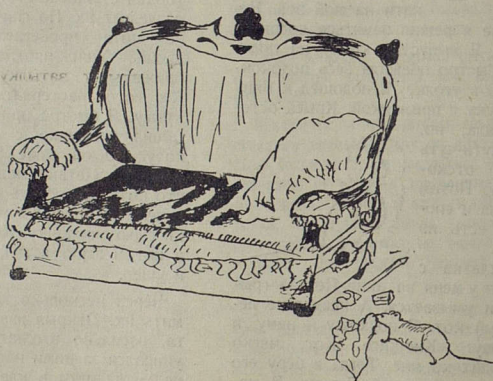
Петька был хитрее кота. Когда ему надоело играть, он ложился на спинку и замирал. Кот походит-походит вокруг него, но Петька даже не шевелится, и кот от скуки уходит, а Петька преспокойно возвращается к себе в дом.

Но скоро Петьке надоело жить в клетке.

Он сделал себе новую квартиру. Я стал замечать, что у меня пропадают вещи. Однажды у меня пропал носовой платок, в другой раз — небольшой карандаш, потом — резинка.

Как-то раз я положил на скамейку небольшую тряпочку, которой вытирал лыжи, и вдруг увидел, что Петька ее куда-то тащит. Я стал следить за ним и вдруг заметил, как он стащил со стола мамин чулок, отгрыз пятку и потащил к дивану. Я тут же пошел за ним и решил обследовать его хранилище. Между спинкой и сиденьем дивана была небольшая дыра. Это вход в петькину квартиру. Внутри дивана было сделано небольшое углубление, выложенное рваными тряпками и бумагой. Гнездо было полно такими кусочками и обрывками, какие можно встретить только у старьевщика. Сверху лежала последняя добыча: чулок, тряпка и карандаш.

С тех пор как Петька поселился у нас в доме, прошло три года. Он очень надоел всем нашим жильцам, и мне пришлось его отдать.

Город Нью-Йорк расположен на острове. Со всех сторон он окружен водой. На западе течет река Готцен, на востоке — Ист-Вива, а на севере — река Галлен. Здесь, у реки Галлен, единственное место, где живут негры.

На фотографии видна река Ист-Вива. На берегу ее находится деловой квартал. В будни здесь очень много народу и бесконечная вереница автомобилей, но в воскресенье на этих улицах безлюдно. Здесь расположены все учреждения, а в воскресные дни они не работают.

В Америке

Андрей Баратов

Москва, Художественный проезд, д. 3, кв. 9

Пять лет назад мой папа был в Америке. Из Америки он привез мне много интересных фотографий и очень много интересного рассказывал о жизни за океаном.

Папа говорит, что когда он в первый день после приезда вышел на улицу, он был так поражен большим количеством автомобилей, что даже остановился. Авто-

На этой фотографии видно самое высокое здание Нью-Йорка, в 103 этажа высотой. В ясную погоду с этого небоскреба виден весь Нью-Йорк и океан. А дома по 20—25 этажей отсюда кажутся совсем маленькими.

мобили шли сплошной вереницей, и, казалось, им не было конца. Все движение регулировал светофор. Там есть только два огня: красный и зеленый, — а желтого, предупредительного, нет.

Вечером город освещен очень ярко. Даже на небе видны световые рекламы: это капиталисты рекламируют свои изделия. Папа видел самолет, который сбрасывал рекламные листовки.

Папа решил посмотреть, как учатся дети в Америке. Но там туристов водят только в хорошие школы, а школы, где учатся дети рабочих, не показывают.

Самая большая школа в Америке имеет 150 классов. За ней тянется очень большой парк. Его даже видно на фотографии. Он уходит далеко за горизонт.

Папа зашел в эту школу и попал на урок алгебры. Учитель вызвал одного мальчика к доске. Тот стал решать задачу, а когда всю доску исписал, учитель нажал кнопку — и доска провалилась в отверстие в полу. А снизу появилась другая, чистая доска. Потом эта доска, когда ее исписали, спустилась вниз, и уборщица там ее вытерла.

Папа рассказывает, что так хорошо все устроено только в тех школах, где учатся дети богатых, в центре, а в других школах ребятам так плохо, что они даже устраивают забастовки.

Красивые высокие дома, которые видны на фотографии, — это самые лучшие дома, находящиеся в центре. Папа сказал мне:

«Не думай, что весь Нью-Йорк такой. Там есть и очень плохие здания и грязные улицы».

На многих улицах папа видел нищих и безработных.

Волчья нора

Шура Кольцов

Город Куйбышев, ул. Куйбышева, д. 108,
кв. 21.

Я, моя сестра и двое товарищей пошли летом за земляникой в «Ленту».

«Лента» — это искусственный лес, когда-то давно посаженный помещиком Камышиным. Деревья здесь насажены стройными рядами. Вдруг я увидел какое-то отверстие и говорю:

— Пойдемте посмотрим, что это такое. Мы подошли и увидели нору шириной в полметра и примерно такой же высоты. Мы заглянули

внутрь, но там блестели чьи-то глаза, и мы отскочили.

По дороге мы стали говорить, чья это нора. Мы думаем, что это была нора волка.

Я был очень доволен, что видел волчью нору, потому что вообще интересуюсь жизнью животных и часто бываю в лесу.

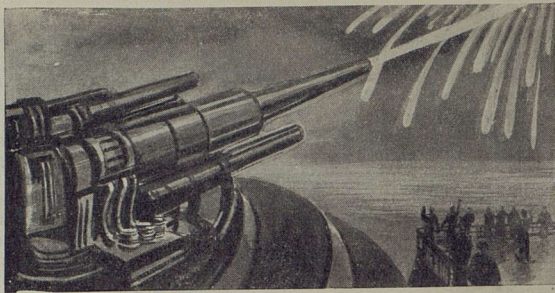
В другой раз я напишу о коллекции птичьих перьев, которые я собрал в нашем крае.

Шура Кольцов собирает коллекцию птичьих перьев. А Лариса Ястребова уже собрала интересную коллекцию бабочек. Некоторые ребята увлекаются сбором марок и монет. В коллекции Тани Прозоровой уже 100 спичечных этикеток.

У каждого — своя коллекция. И если бы собрать все эти коллекции вместе, было бы очень интересно. Чего бы тут только ни было! И разные жуки, и растения, и открытки, и старинные монеты, и минералы! Но собрать все коллекции вместе нельзя.

Зато на страницах журнала можно устроить смотр этих коллекций. Пусть те ребята, которые имеют коллекции, подробно напишут о них, расскажут о самых интересных экспонатах, как и где они достали их, и обязательно пришлют рисунки или фотографии.

Ждем от ребят также писем, как лучше провести смотр коллекций.

Чудесный аккумулятор

Ю. Петровский

Горит электрическая лампочка, работает электромотор. Они тратят ток, полученный с электростанции. Но не вся энергия, посланная со станции, доходит до них: часть ее теряется в проводах, уходит на нагревание их. Чем сильнее ток, чем длиннее его путь, тем больше потери.

Электротехники всего мира давно уже думают над тем, как бы устранить эти бесполезные потери. И вот оказалось, что есть один единственный случай, когда ток проходит по проводу без потерь.

Когда же? Вот об этом мы сейчас и поговорим.

Можете ли вы сказать, какой самый сильный на свете жар, самая высокая температура?

Нет. Нигде, ни на земле, ни на солнце, ни на звездах, нет такого жара, про который можно сказать: «Горячее быть не может». Всегда найдется где-нибудь еще более высокая температура. Предела жару нет.

Совсем не то, если мы начнем искать самую низкую температуру, самый сильный холод. Тут мы увидим, что самая низкая температура есть. Это минус 273 градуса. Холоднее этого нет и не может быть ничего, никогда и нигде. Это и есть абсолютный нуль.

При температуре около абсолютного нуля происходят удивительные вещи. Резина становится хрупкой, ртуть ковкой, воздух твердым.

Так вот, охладив проволоку до такой температуры, голландский физик Камерлинг-Оннес увидел, что электричество стало течь по ней совершенно свободно и без потерь.

Ток, пущенный в проволочное кольцо, вертелся в нем целые месяцы.

Электричество проходит в секунду 300 тысяч километров. Значит, пущенный в кольцо ток за один только месяц проходил больше 777 миллиардов километров. В сотни миллионов раз больше, чем он мог бы пройти при обычной температуре.

Все это навело советского изобретателя инженера Казанцева на замечательно интересные мысли.

«Раз сопротивление проволоки пропадет, — так думает Казанцев, — значит, по ней можно пропустить ток очень большой силы. Значит, охладив проволочное кольцо и не давая ему согреться, мы можем впустить в него большой запас энергии и держать его там, пока он не понадобится. Таким образом мы получим очень удобный и мощный аккумулятор электрической энергии. Чтобы в него вмещалось

еще больше электричества, можно взять проволоку подлиннее и свернуть ее в виде катушки. Катушку же (чтобы температура и не повышалась) можно держать в сосуде с жидким гелием» (газ гелий превращается в жидкость при температуре, очень близкой к абсолютному нулю).

Трудно представить себе, как изменится вся наша техника, когда удастся построить такие чудесные аккумуляторы. Впервые, не станет проводов, опутывающих сейчас наши города, дома, заводы. Не нужно будет тянуть проволоку от лампочки до электростанции. Мы просто вставим в патрон маленькую катушку с энергией, и лампочка будет гореть очень долго. А такие катушки с зарядом будут просто продаваться в магазинах.

Летчикам не нужно будет брать с собой тонны бензина. На самолетах поставят электромоторы и катушки-аккумуляторы. Такие самолеты смогут пролететь без посадки хоть вокруг земного шара. Сейчас самолету трудно подниматься в стратосферу, потому что там мало кислорода для сжигания бензина в моторах. В разреженном воздухе мотор «задыхается» так же, как и человек. Но будущему электростратоплану кислород не понадобится. Он полетит в стратосфере легко и с огромной скоростью.

Электромоторчики с крошечной катушкой мы сможем приделать и к велосипеду или даже к роликовым конькам и нестись, куда захотим.

Зимой мы ходим в тяжелых шубах. А какие тяжелые и неудобные костюмы приходится носить в Арктике! Но и тут поможет наш чудесный аккумулятор. В легкую материю влетят тоненькие проволочки, соединенные с катушкой, такой крошечной, что ее можно положить в карман, как часы. Ток нагреет проволочки. И в легком, летнем костюме нам будет тепло в самый жестокий мороз.

А ледоколы повезут с собой в Северное море большие катушки с огромным запасом электричества. Встретив непроходи-

мые льды, они просто-напросто растопят их. Катушки-аккумуляторы дадут в руки человеку чудовищную силу. Таковую, что с ее помощью человек, быть может, сумеет направлять даже кое-какие космические, межпланетные явления.

Представьте себе, что однажды астрономы узнают о страшной катастрофе, грозившей Земле. Гигантский болид, осколок разбившейся когда-то планеты, попал в сферу притяжения Земли и неминуемо с ней столкнется. Удар уничтожит все живое на земле. И вот человечество, вооруженное чудесным аккумулятором, вступит в бой с болидом. Выстроит огромную электромагнитную пушку. Снарядом для нее будет громадный аккумулятор. Все электростанции дадут ток для зарядки необыкновенного снаряда. И катушка вместит невообразимо огромное количество энергии.

Когда настанет время, пушка выбросит снаряд-аккумулятор навстречу болиду. От удара о болид вся энергия катушки мгновенно освободится. Произойдет взрыв, сильнее чем от сотен миллионов снарядов, заряженных динамитом.

Болид разлетится вдребезги. Миллионы осколков его сгорят в земной атмосфере дождем падающих звезд. И, может быть, только немногие куски, не крупнее обычных метеоров, долетят до земной поверхности.

Все рассказанное здесь — пока еще фантазия. Ученым и инженерам придется преодолеть много затруднений, прежде чем они построят наш чудесный аккумулятор. Только совсем недавно удалось получить первые капли жидкого гелия. И какие сложные приспособления потребовались для этого! А как сохранить все время сверхнизкие температуры в наших аккумуляторах?

Сейчас ученые только начали изучать поразительные перемены свойств всех вещей при «сверххолоде».

Мы рассказали о том, что будет, когда наука сумеет управлять «сверххолодом» и поставит его на службу человечеству.

Приключения капитана Врунгеля

А. Некрасов

(Продолжение)

Рис. К. Ротова

Пришли назад, в Норвегию, в Ставангер. Эти моряки оказались благородными людьми и приняли нас великолепно. Даже белок и тех не забыли. Выписали на них документы, а потом спрашивают: «Чем прикажете кормить ваших милых животных?»

А чем их кормить? Я никогда белок не разводил, спросил Лома, а Лом говорит, что орехами и словами шишками.

И представьте, какая случайность! Я свободно объясняюсь по-норвежски, но вот эти два слова забыл.

Тогда повели Лома в бакалейную лавку, подвели к прилавку. Он ткнул пальцем туда, сюда, вернул и доложил, что нашел и орехи и шишки.

А вечером и прихожу на «Беду», и что бы вы

думали? Лом ошибся, но до чего же удачно ошибся.

Глядя, сидят мои белки как на именинах и за обе щеки уплетают ореховую халву. Халва в банках, и на каждой, на крышке, нарисован орех. А с шишками еще лучше: вместо шишек привезли ананасы. И действительно легко спутать: похоже.

Потом стали нас водить по театрам, по музеям и показывать разные достопримечательности.

Показали, между прочим, живую лошадь. Это у них редкость. Ездят там на автомобилях, еще больше ходят пешком, а пашут последнее время вручную, так что лошади им ни к чему: стоят в зоопарке, жуят сено и думают.

Ну, а нам, знаете, лошадь не в диковинку. Я схватил ее за холку, вскочил верхом и прищипорил каблуками.

Норвежцы ахнули, а на утро все газеты помечтис статьи о моей храбрости и фотографию: мчится лошадь вскачь, и я на ней: китель расстегнулся, трепещет на ветру, фуражка сбилась, ноги болтаются, а у лошади хвост трубой.

После я понял: неприличная фотография, недостойная моряка, но тогда сторчал не заметил и был даже доволен. И норвежцы были довольны.

Вообще, надо сказать, норвежцы—простодушный и добродушный народ, но, конечно, далеко не все. Есть там у них владельцы разных заведений, магазинов, фабрик: делают, между прочим, телефоны и радиоприемники. Так вот пронохали эти фабриканты про мой зуб и забеспокоились: ведь если все станут на зуб принимать, никто приемников покупать не будет. Так они решили выкрасть мой зуб. Ну и, знаете, стало страшно: хорошо если один зуб, так и быть. А если для верности заберут вместе с головой? Куда я без головы пойду плавать!

Я решил уйти от греха. Запросил Ленинградский порт, получил разрешение сбить груз по существующим ценам и поднял отходный флаг. А чтобы пока, до отхода, не похитили мой зуб, принял кое-какие меры: взял дубовую сходню, один ковец засунул под ворота пакгауза, а другой—под дверь кубрика.

Яхта загрузилась, осела до самых бортов, сходяня согнулась как пружина и одним уголком держится под дверью. Тогда я спокойно лег спать, а под утро слышу осторожные шаги, скрип двери... сходяня выскочила, разогнулась.

Выхожу и вижу: подействовала моя катапульта. Да еще как. Тут, на берегу, была радиостанция, так этих негодяев забросило на самую верхушку антенны, они там зацепились штанамп, висят и орут на весь город.

Как уж их снимали, не знаю. Я поднял якорь, отдал концы и пошел прямо на зюйд, в Антверпен.

В Антверпене я пошел разыскивать зверинец. Пришел к директору. Он как раз был у себя в кабинете. Там у него и слоны, и тигры, и крокодилы, и птица-марабу, и белка эта самая висит тут же, в клетке. У нее там устроена такая вертушка, и она все время как заводная, как белка в колесе, так и прыгает, так и вертится.

Я представился и объяснил, что имею на борту полный груз белок.

Директор посмотрел в потолок, сложил руки на животе, покрутил пальцами.

— Белки,— говорит,— это такие, с хвостиками и с ушками? Как же, помню. Так у вас белки? Ну что же, возьму. Только у нас строго с контрабандой. Документы есть на них?

Тут я с благодарностью вспомнил норвежцев и выложил документ.

Директор несеша достал очки, стал протирать стекла. Вдруг, откуда ни возьмись, хамелеон: прыг на стол, высунул свой язычок, слизнул бумагу и был таков. Я за ним, да где уж!

А директор сложил свои очки, развел руками: — Без документов,— говорит,— не могу. У нас очень строго.

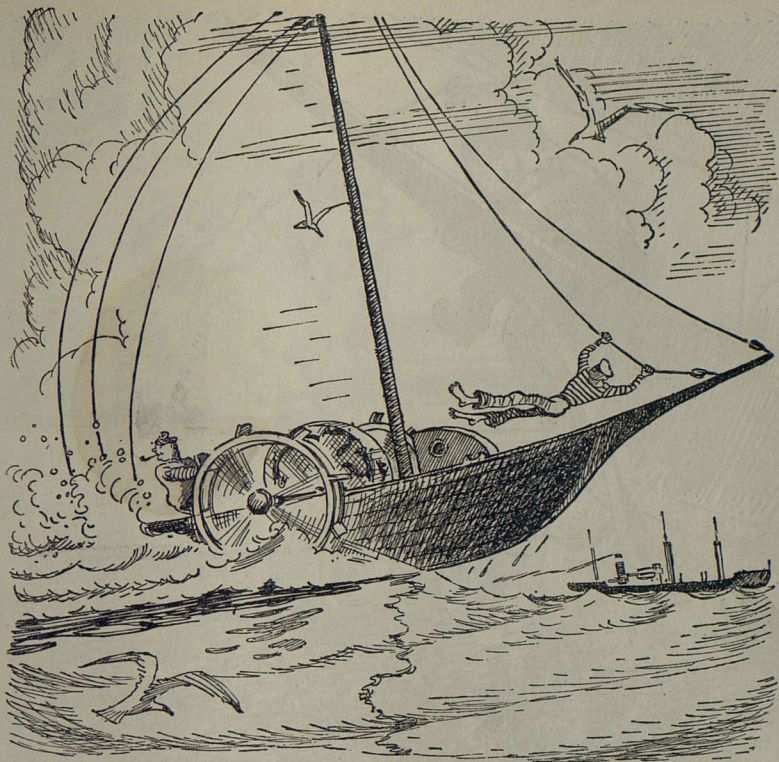
Я плюнул и ушел. Прихожу к пристани, вижу: на «Безде» полицейские, таможенники, портовые чиновники... уж пронюхали, обвиняют в незаконном ввозе скота и грозятся, что конфискуют груз.

Я вижу, дело дрянь. Но я решил: одернул китель, выпрямился во весь рост и самому главному чиновнику заявилю:

— Требования ваши, господи чиновник, необоснованы, поскольку ходовые машины пошлинами не облагаются.

Чиновники сначала опешили, потом опять этот главный:

— Мы,— говорит,— охотно откажемся от наших требований, господи капитан, если вы сумеете доказать, что ваш скот действительно служит ходовой машиной.

Вы сами понимаете: доказать такую вещь трудно. Я объяснил, что завтра представлю доказательства.

Тогда они ушли, но тут же, рядом с «Бедой», поставили полицейский катер, чтобы я не удрал под шумок.

А я, понимаете, вспомнил ту белку, что в зверинце, забился к себе в каюту, взял бумагу, циркуль, линейку и стал чертить.

Через час мы вместе с Ломом пошли к кузнецу, заказали ему два колеса, как у парохода, и одно — вроде мельничного. Только у мельничного ступеньки снаружи, а мы сделали внутри и с двух сторон натянули сетку.

Утром привезли все это на «Беду», поставили и запустили белок.

Белки, знаете, ошалели от света и от свежего воздуха, понеслись, как бешеные. Вся наша машина завертелась, и «Беда» без парусов пошла так, что полицейские на своем катере насилу за нами угнались.

Со всех кораблей на нас смотрят в бинокли,

на берегу народ, а мы идем, только волны разбегаются в стороны.

Потом развернулись, пришли назад, к пристани, и тот самый чиновник, который хотел меня штрафовать, пришел извиняться.

А вечером на автомобиле прикатил директор. — Капитан Врунгель, это у вас белки? Как же помню!

Забрал белок вместе с колесами, а напоследок спрашивает:

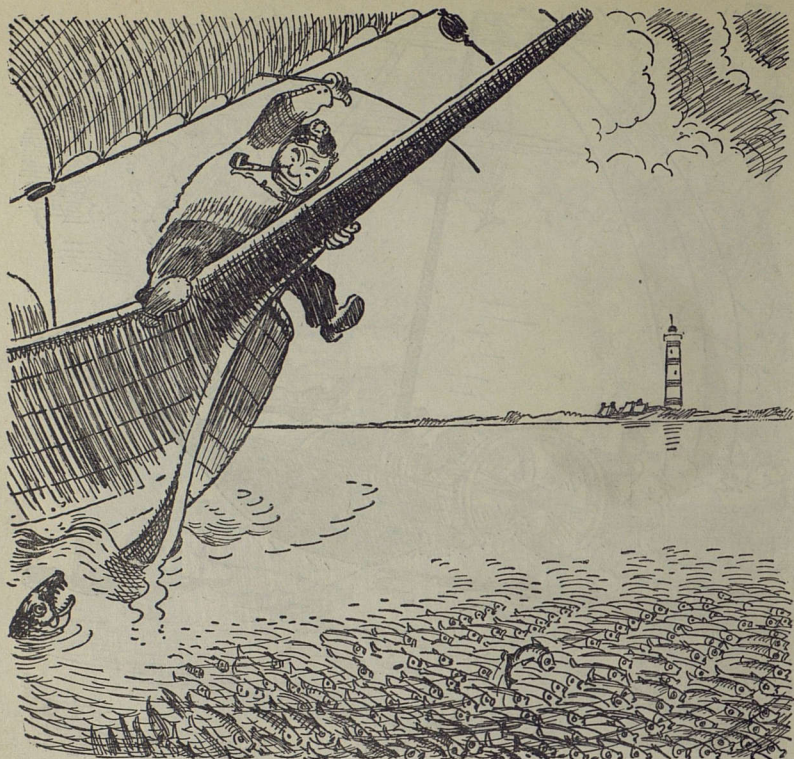
— Чем вы их кормите?

— Халвой и ананасами, — ответил я и распрощался.

В Голландию я совсем не хотел заходить.

Страна эта незначительная и большого интереса для путешественника не представляет. Там только и есть три замечательные вещи: голландская сажа, голландский сыр и голландские селедки.

Меня как моряка заинтересовало это последнее, и я решил заглянуть в Роттердам и познакомиться с селедочным делом.

У них оно поставлено на широкую ногу: там селедок ловят, солят, маринуют, и свежую селедку морозят, и живую селедку можете купить и посадить в аквариум.

Я углубился в изучение вопроса, и тут мне удалось сделать одно открытие, которое совершенно изменило мои первоначальные планы: после ряда наблюдений и установил с исключительной точностью, что каждая селедка — рыба, но не каждая рыба — селедка.

А ведь это что значит?

Это значит, что незачем набивать селедок в бочки, грузить на корабли и выгружать снова. Не проще ли согнать селедок в табун или в стадо, как хотите назовите, и гнать живьем до места назначения.

Поскольку каждая селедка — рыба, утонуть она не может, а, с другой стороны, если придется какая посторонняя рыба, так ведь не всякая рыба — селедка, ее, значит, ничего не стоит отличить, отогнать, напугать, уничтожить.

Я решил это дело проверить, а тут как раз

и случай представился: в Северную Африку отправляли партию селедок; их уже поймали, собирались солить, но я приостановил это дело. Селедок выпустили, согнали в табун, мы с Ломом подняли паруса и пошли. Лом встал на руль, а я уселся на бушприте, взял длинный хлыст и как только замечу какую постороннюю рыбку, а ее по губам, по губам.

И, знаете, прекрасно получилось. Только немножко тяжело для экипажа: следить устаешь, глаз не хватает, а главное, спать некогда. Так что я порассудил и решил взять на судно еще одного человека.

В английском канале я положил «Беду» в дрейф, вызвал катер и отправил Лома в Кале.

И вот к вечеру приводит Лом матроса.

Не вид паренек ничего: мал ростом, но зато шустрый, и борода у него как у викинга. Только викинги, кажется, были блондинами, а этот жгучий брюнет. Фамилия Фукс, говорит на четырех языках, а Лом мне еще шепнул на ушко, что парень — клад: отлично разбирается в картах.

Ну, раз в картах разбирается,— значит, моряк, значит, и в руле может постоять, значит, может и вахту при случае нести самостоятельно.

Устроили ему койку в трюме, объяснили обязанности и пошли дальше.

И знаете, как раз вовремя взяли человека. До тех пор нам везло: ветер все время дул в корму, чистый фордевинд, а тут задум прямо в нос — «вмордувинд», как говорится. Пришлось лавировать.

Я вызвал всех наверх. Лома поставил пасти седелок, сам встал у штурвала, набрал ходу и скомандовал:

— К повороту, оверштаг, приготовиться!

— Набить грот!

Он посмотрел этот растерянно по палубе и давая все подряд захихивать в кубрик.

— Отставите! — кричу я.

Он назад все вытащил и поставил у борта. Ну, вижу — достался матрос: ни в зуб ногой!

— Эй вы, Фукс,— говорю,— какой вы к чорту матрос?

— А я,— отвечает он,— не матрос, я сейчас просто так, без работы хожу.

— А как же вы в картах-то разбираетесь?

— Да я и не в морских, я в игральных, и карточный шулер по профессии.

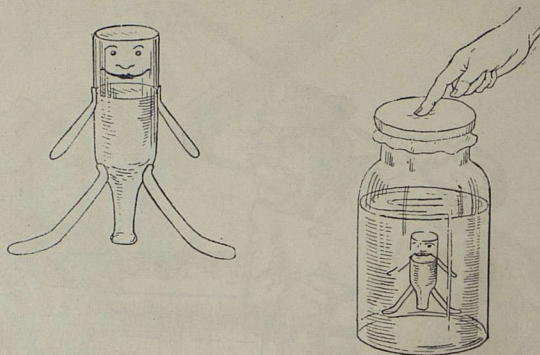
Вот тут и посудите, что с ним делать!

Списать на берег — это еще день простоя, а тут седелки разбегутся... с другой стороны, возить с собой балластом, тоже неинтересно. И тут мне пришла блестящая мысль: у меня нашлась с собой колода карт, так я на каждую снасть принятовил по карте, привел яхту к ветру и повторил маневр:

— К повороту приготовиться,— подтянуть тройку пик, развязать валета червей, смотреть десятку треф!

И, знаете, поворот удался на славу, и этот Фукс действительно так в картах разобрался, что в темноте и то масти не путал.

(Продолжение следует).

„Картезианский водолаз“

На базарах иногда продают занятную игрушку под названием «морской житель», или «картезианский водолаз». Это маленькая фигурка, плавающая внутри банки, наполненной водой. Если надавливать перепонку, затягивающую сверху банку, фигурка то всплывает вверх, то опускается на дно. «Картезианского водолаза» сделать самому очень легко.

Возьмите маленький тонкостенный стеклянный пузырек из-под лекарства (в таких пузырьках теперь часто продают в аптеках валериановые, иноземцевы и другие капли) и налейте около доннышка пузырька из маленьких кусочков смолы рот, нос и глаза. Затем вырежьте из кусочков материи руки и ноги и приклейте их кусочками смолы с боков пузырька. Получится смешная фигур-

ка. Теперь возьмите широкогорлую банку из-под маринованных грибов или из-под варенья и налейте ее на $\frac{3}{4}$ водой.

В пузырек-фигурку тоже налейте воды, оставив небольшое пространство не заполненным водой. Теперь опустите пузырек в банку. Прибавляя или убавляя воды в пузырек, вы можете легко добиться того, что он будет плавать как раз посередине банки горлышком книзу, не опускаясь на дно и не поднимаясь кверху.

Когда вы этого достигли, затяните широкое горло банки бычьим пузырем или, еще лучше, резиновой перепонкой, взятой от лопнувшего воздушного шарика или от «умирающего чортика» («уйди-уйди»). Перепонку туго натяните над отверстием банки и перевяжите вокруг ниткой.

«Картезианский водолаз» готов. Если вы теперь слегка вдавите пальцем внутрь перепонку, то фигурка водолаза сейчас же опустится на дно, но как только вы отнимете палец от перепонки, фигурка снова всплывает кверху.

Ребята, которые знают физику, легко догадаются, что действие этой игрушки основано на законе Архимеда:

Свободное тело, погруженное в жидкость, подвергается действию двух сил: силы своего веса (назовем ее «*P*») и силы, с которой оно вытесняется жидкостью (назовем ее «*K*»). Сила «*K*», по закону Архимеда, равняется весу вытесненной телом воды.

Могут быть три случая:

1) $P = K$. Тогда тело висит, или «парит», внутри жидкости.

2) P — больше K . Тело тонет.

3) P — меньше K . Тело всплывает вверх. Вначале фигурка висела, «парила» внутри жидкости, следовательно, P было равно K , т. е. вес фигурки равняет-

ся весу вытесненной ею жидкости (первый случай).

Когда мы вдавливаем внутрь перепонку, то этим самым повышаем внутри банки давление воздуха. Давление воздуха передается воде, и часть воды вхо-

дит внутрь пузырька, утяжеляя этим фигурку.

P (вес фигурки) становится больше K (веса вытесненной воды), и фигурка тонет (второй случай). Как только давление прекращается, фигурка снова всплывает вверх.

Гальваническая батарея из лимона

Из половинки лимона вы можете в несколько минут соорудить себе гальваническую батарейку.

Разрежьте острым ножом поперек свежий лимон на 2 половинки.

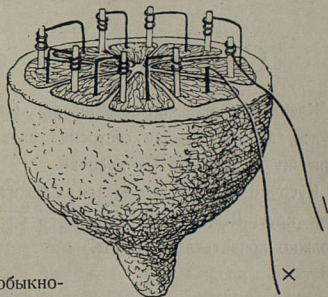
Если вы посмотрите на разрезанную половинку лимона, то увидите, что лимон разделен на целый ряд отдельных камер, или отделений, расположенных, подобно спицам колеса, вокруг общего центра. Вот этими-то отделениями, или камерами, мы и воспользуемся в качестве сосудов для наших элементов, а вся половинка лимона будет у нас собранной воедино батарейкой, состоящей из 8—10 элементов.

Из листового цинка нарежьте тоненьких полосок длиной 3—4 сантиметра и шириной 2—3 миллиметра; полосок нужно приготовить столько, сколько камер у половинки лимона.

Затем возьмите обыкновенную звонковую проволоку, очистите ее от изоляции и нарежьте из нее кусочки длиной 6—7 сантиметров каждый; кусочков медной проволоки потребуется столько же, сколько и цинковых полосок. Теперь воткните в каждую камеру лимона недалеко друг от друга полосу цинка и кусочек медной проволоки так, чтобы они выступали сверху не более чем на 1 сантиметр.

Верхний конец медной проволоки в каждой камере закрутите вокруг верхнего конца цинковой полоски в следующей, рядом лежащей камере, как это указано на рисунке. Только в одной из камер не соединяйте между собой полоску цинка и медную проволоку, а вместо этого присоедините к ним 2 медных проволоки.

Если вы теперь возьмете концы этих медных

проволок на язык, то почувствуете покалывание, указывающее на присутствие гальванического электричества в проволоках.

Откуда появилось это электричество?

Появилось оно вследствие химического действия лимонной кислоты, содержащейся в камерах лимона, на цинк и медь. Гальваническая батарейка из лимона, конечно, очень слаба и недолговечна, тем не менее очень многие опыты она великолепно может обслужить, например 3—4 таких батарейки могут привести в действие звонок, зажечь лампочку карманного фонаря и т. д. От действия лимонной кислоты на медь образуется сильно ядовитая лимонно-кислая медь, которой можно отравиться. Поэтому использованную половину лимона следует сейчас же выбросить.

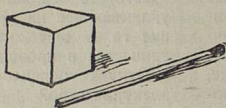
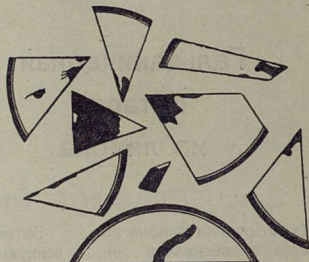

Загадки, задачи, игры и фокусы

Сложите круг

Клеил один мальчик бомбоньерку. Отвернулся, а его младшая сестренка схватила крышку и изрезала на кусочки.

Кусочки эти мы напечатали. Сложите из них круг. Если сложите верно, в середине должно появиться животное.

Простое решение

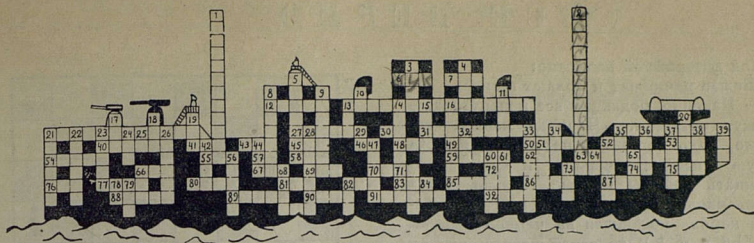
Положи на стол гладкий небольшой кубик и предложи своим товарищам поднять его одной спичкой. Ни ломать, ни расщеплять спичку нельзя.

Задача, казалось бы, совсем не разрешимая. Однако она имеет очень простое решение. Надо зажечь спичку и быстро (пока не успела сгореть головка) приложить ее к середине кубика. Когда головка сгорит, огонь надо задуть. Спичка окажется довольно прочно припаянной к кубику. Во всяком случае кубик теперь поднять легко.

История с часами

(Задачу составил Витя Мангушев, Москва)

У меня остановились стенные часы. Я отправился к товарищу (у него часы идут верно), просидел у него некоторое время и, возвратившись домой, поставил и свои часы верно. Как я смог это сделать, если мне неизвестно, сколько времени занимает дорога от меня до товарища?

К Р О С С В О Р Д

(Составили Мура Ошеров, Эмануил Байсев и Боря Бобров. Москва)

По горизонтали: 6. Великий мореплаватель. 7. Имя девочки. 12. Город в Китае. 13. Город в Турции. 21. Город на Урале. 27. Страна в Европе. 30. Река в Италии. 31. Государство в Америке. 35. Область в Южной Америке. 40. Реактивный снаряд. 41. Приток Рейна. 43. Число. 45. Заостренная палка. 46. Союз. 48. Орган юстиции. 49. Свойство человека. 50. Город в СССР. 52. Латинская буква. 53. «Река» по-индейски. 54. Горючая жидкость. 55. Долина. 57. Местоимение. 58. Магометанское имя. 59. Овощ. 62. Город в Финляндии. 63. Остров в Средиземном море. 66. Битва. 67. Выступ суши в море. 69. Стихотворное произведение. 70. Дом для мытья людей. 72. Корабельная снасть. 73. Кушанье. 74. Предлог. 75. Явление при чешотке. 76. Озеро в Турции. 77. Сапожный инструмент. 80. Насекомое. 81. Палка для понукания слонов. 82. Рыболовная снасть. 83. Название человека. 85. Дикое животное. 86. Конец подсчета. 87. Группа фруктовых деревьев. 88. Река во Франции. 89. Комната на корабле. 90. Человек цветной расы. 91. Специальность. 92. Корка на снегу.

По вертикали: 1. Горный хребет в Африке. 2. Город на Камчатке. 3. Остров в Карибском море. 4. Страна в Азии.

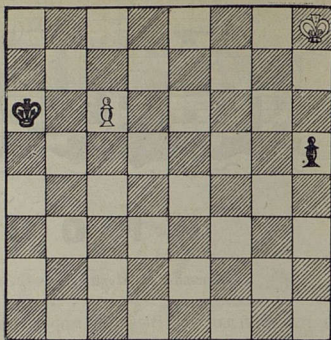
5. Страна в Центральной Америке. 8. Горы в Европе. 9. Нетрудоспособный человек. 10. Нота. 11. Здание, в котором выставлены для опознания трупы неизвестных людей. 13. Принадлежность бильярда. 14. Болотное растение. 15. Порода страусов. 16. Город в СССР. 17. Японский министр. 18. Домашнее животное. 19. Английская мера земли. 20. Скопление насекомых. 21. Один из лучших городов в мире. 22. Страна-колония, принадлежащая трем государствам. 23. Река в СССР. 24. Приток Волги. 25. Русский художник. 26. Прибрежное растение. 28. Питательная мука. 29. Отрава. 32. Старое название автомобильного завода. 33. Богатство Хибинских гор. 34. Глаз. 35. Устаревшая мера веса. 36. Скопление водорослей в стоячей воде. 37. Отсутствие чистоты. 38. Север — морской термин. 39. Остров в Малайском архипелаге. 42. Неядовитая змея. 44. Спиртного напитка. 47. Священник во Франции. 51. Продажа. 52. Римский богач, подавивший восстание Спартака. 60. Заранее выданная сумма денег. 61. Озеро в Абиссинии. 64. Мера земли. 65. Река в Индии. 66. Порода удавов. 68. Кавказский струнный инструмент. 71. Полуостров в Карском море. 73. Гнет. 78. Осадок на дне водоемов. 79. Овощ. 82. Клич. 84. Глубокий овраг, обрыв.

Под диаграммой написано:

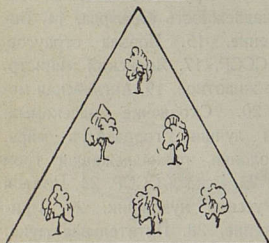
«Белые начинают и делают ничью».

— Наверно, редакция все перепутала, — скажут читатели. — Черную пешку, конечно, надо поставить на место белой, а белую — на место черной, и кроме того начинать должны черные, только тогда будет ничья. А так ничьей нет! Если белый король погонится за черной пешкой (h7, h6 и т. д.), то ясней ясного, что он ее не догонит. Если же он пойдет к своей пешке (g8, f8 и т. д.), то черный король в два хода уничтожит ее, затем черная пешка пройдет в ферзи — конец ясен!

Несмотря на всю справедливость этих рассуждений, редакция все же уверяет читателей, что ничего в диаграмме не перепутано, все фигуры стоят на своих местах, все верно и действительно белые начинают и делают ничью!

Белые начинают и делают ничью.

Этот треугольник надо разделить на три одинаковые части так, чтобы в каждой из этих частей было по два дерева.

Любитель головоломок

(Составил школьник П. Эрдниева, Калмыцкая АССР)

Встретились раз два любителя головоломок. Вот один из них и спрашивает другого:

— Сколько тебе лет?

А тот отвечает:

— Возьми мои годы, умножь на мои годы 5 лет назад, опять возьми мои годы, умножь на мои годы 10

лет назад, сложи оба эти произведения, а сумму раздели на мои годы сейчас — вот и узнаешь тогда, сколько мне лет.

Думал, думал первый любитель головоломок, да так и не смог решить такой задачи. А вы сможете?

Перемещающиеся монеты

(фокус)

Для этого фокуса необходимы стол, покрытый скатертью, края которой должны свешиваться сантиметров на 40, и две монеты.

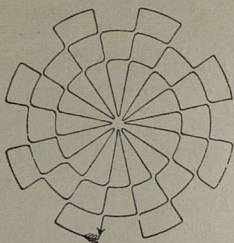
Вы садитесь за стол. Первое, что нужно сделать, — это положить свешивающийся край скатерти себе на колени (колени слегка раздвинуты). Затем вы кладете обе монеты на край стола на расстоянии 20—25 сантиметров друг от друга. После этого вы берете в каждую руку по монете, так, по крайней мере, кажется зрителям. На самом же деле одну монету вы действительно берете, а вторую сталкиваете себе на колени.

Затем вы высоко поднимаете руку, в которой нет монеты (пальцы сжаты в кулак), и громко произносите: «Раз, два, три!» Пока внимание зрителей сосредоточено на этой руке, вы быстро берете второй рукой, в которой уже есть монета, вторую монету с колена, после чего кладете руку на стол.

Со счетом «три» вы разжимаете кулаки, и зрители видят, что в одной руке две монеты, а другая рука пустая.

Это очень легкий и эффектный фокус; хорошо он удастся после небольшой тренировки.

Без пересечения

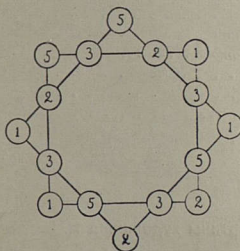

На рисунке показано, как надо одним росчерком, без пересечения, нарисовать эту фигуру.

Пильщики

Второму пильщику нужно сделать всего два распила, а не три, как решили многие читатели. Затратит он на эту работу 45 минут.

Разложите монеты

Так надо разложить монеты, чтобы в каждом ряду из четырех кружков в сумме было по 11 копеек.

Кто выигрывает

Белые выигрывают следующим путем:

1. g5 — g6!! h7 : g6
2. f5 — f6!!

(если же черные пойдут не h7 : g6, а f7 : g6, то 2. h5 — h6).

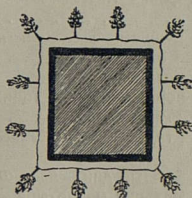
2. g7 : f6
3. h5 — h6

(если же черные пойдут не g7 : f6, а g6 : h5, то 3. f6 : g7. И в том и в другом случае пешка белых проходит в ферзи).

3. h4 — h3
4. h6 — h7 h3 — b2
5. h7 — h8Ф

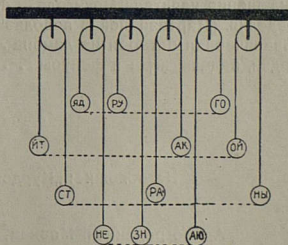
(и белые выигрывают; так как теперь черные поставят ферзя 5. . . . b2 — b1Ф, то последует мат: 6. Фh8 — a8 X).

16 деревьев

Вот как рассадили деревья сыновья колхозника вокруг дома.

Задача с яблоками

«Я другой такой страны не знаю...»

Первыми ответы на все задачи прислали: Зюня Мильгром (Каменец-Подольск), Толя Дорин (Белая Церковь), Володя Захаренно (Люботин), Сема Тетельбаум (Одесса), Валя Горянов (город Горький), Ю. Суркукка (Ленинград).

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Сердце матери — охотничьи рассказы В. Ананяна, рис. В. Цельмера	3
Путешествие во Францию — И. Бабель	8
Байнал — стихи А. Гайдай	18
Имтехай у собачьих людей — Теки Одулок, рис. В. Курдова	19
„КОМПАС“ — известия Географического общества читателей журнала „Пионер“ № 11:	
За гренландским тюленем — А. Полюсов	38
Как сделать компас? — А. Немолякин	42
Мои наблюдения — рассказ и рис. Шуры Мюллера	43
Калоши из камня — В. А.	44
Фонд Географического общества	46
Морские разбойники — проф. Е. В. Тарле, рис. И. Безина	47
Инчкэйп. Баллада Р. Саути, перевод Н. Кончаловской, рис. Ю. Кискачи	54
Существуют ли высшие и низшие человеческие расы — проф. А. М. Быховский	57
Чарльз Диккенс — Евг. Ланн	65
Рассказ школьника — Ч. Диккенс, перевод М. Кондратьевой, рис. П. Митурича	68
Советский флаг — А. Некрасов	76
Спорт	81
Человек с ружьем — рассказ и рисунки П. Кузьмичева	84
Писатель на охоте	86
Научный телеграф	90
Сказна о черной жучихе Такингеут — чукотская сказка. Обработала Н. Шеболдина, рис. Ю. Кискачи	95
Республика таджинов — Ю. Тушкан	98
ПОЧТА:	
Боевые дни — Боря Фалькович	105
История монастыря — Муля Сагалович и Юра Иванов	106
Монета Петра I-го — В. Житлов	107
В каменоломне — Коля Крючечников	108
Петька — письмо и рисунки Володи Соседова	109
В Америке — Андрей Баратов	111
Волчья нора — Шура Кольцов	113
Чудесный аккумулятор. Техника будущего — Ю. Петровский	114
Приключения капитана Врунгеля — А. Некрасов, рис. К. Ротова	116
Самodelки. „Нартезианский водолаз“	122
Гальваническая батарея из лимона	123
Загадки, задачи, игры и фокусы	124

На обложке: „Курдская девочка“. С картины художника П. Радимова.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комн. 822, тел. Д 3-30-73.

Ответ. редактор Б. ИВАНТЕР	Отв. секретарь В. Поддубная	Худ. редактор М. Аскинази
Зам. редактора В. Фраерман		
Сдано в набор 5/III 1937 г.	Подписано к печати 26/III 1937 г.	Изд. № 280
Уполномоченный Главлита № Б—10739. 82 × 110 ¹ / ₁₆ бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.		
Типография газеты «Правда» им. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Зак. № 548. Тираж 90 000		